

О.В. Тимашева

**ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Учебное пособие

2-е издание, стереотипное

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2014

УДК 316.776(075.8)

ББК 71я73

Т41

Тимашева О.В.

Т41 Введение в теорию межкультурной коммуникации [Электронный ресурс]: учеб. пособие / О.В. Тимашева. – 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2014. – 192 с.

ISBN 978-5-9765-1777-6

Объектная и предметная область межкультурной коммуникации очень широка, так как новая дисциплина (межкультурная коммуникация) является «перекрестком» разнонаправленных исследований, тяготеющих к «единству» и «пересечению». В книге затронуты вопросы трансляции и диалога культур, восприятия и понимания текстовой деятельности, способов репрезентации знаний, дискурса межкультурного общения, национально-культурной и этнографической специфики, национального менталитета, соотношения стандартизации и глобализма.

Для студентов гуманитарных факультетов вузов.

УДК 316.776(075.8)

ББК 71я73

Учебное издание

Тимашева Оксана Владимировна

**ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Учебное пособие

Подписано в печать 10.02.2014

Электронное издание для распространения через
Интернет.

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бултерова, д. 17-Б,
комн. 324. Тел./факс: (495) 334-82-65; тел. (495) 336-03-11.
E-mail: lfinta@mail.ru; WebSite: www.lfinta.ru.

ISBN 978-5-9765-1777-6

© Тимашева О.В., 2014

© Издательство «ФЛИНТА»,
2014

"ШКОЛЫ ВСЕЕДИНСТВА" **КАК РАЗВИТИЕ ИДЕИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Лингвисты, занимающиеся проблемами межъязыковой коммуникации, выдвинули специальную программу исследования, называемую *диалогом культур*, к которой примыкает проблема *трансляции культур*. В эту программу включаются часто разноплановые исследования, опирающиеся на не вполне еще скорректированную терминологию, включая сам термин "культура".

Настоящее учебное пособие "Введение в теорию межкультурной коммуникации" отражает происходящую "здесь и сейчас" смену научной парадигмы. В нем излагаются старые проблемы в новом ракурсе и активизируются некоторые новые в аспекте смыслопорождения и восприятия.

Предполагая, что проблемы межкультурного общения невозможны без исторического контекста взаимодействия и влияния культур, учебное пособие включает в себя и эти "устаревшие" характеристики с целью создания новых познавательных структур. Интеграция прежних исходных данных при интенсификации межкультурной коммуникации приводит ко все большей универсализации значений.

Социокультурная детерминация языковедческого теоретического знания определяется естественной антропологической направленностью подготовки специалистов по языку: переводчиков, педагогов, но также филологов, психологов, культурологов и т.д. Культура — это прежде всего реализация теоретической универсальности человека, она оказывает управляющее воздействие на развитие научного познания.

Русский ученый Вл. Соловьев в середине XIX в. разрабатывал теорию цельного знания в жанре так называемой "свободной философии". Мир един, утверждал он, и любая вещь в нем есть вещь, а не механическая сумма составляющих ее свойств. Всеединое существует повсюду и решительно во всех его элементах, так что изъятие одного из них приводит к уничтожению другого, как изъятие из организма сердца равносильно смерти этого организма. Всю действительность он видит как универсальный организм. Однако в подобном восприятии он далеко не первый философ, опорой ему служат неоплатоники, Франциск Ассизский, Якоб Бёме, Парацельс, пробудившие своими суждениями немало других умов.

Своими путями к подобным суждениям шли таланты другой направленности и иного назначения мысли — поэты и писатели вроде Данте, Бальзака, Джойса.

Универсализм душевного диапазона ("всё во мне и я во всём") свойствен, например, итальянцу Данте Алигьери, автору "Божественной комедии". Занятия космографией, астрономией, математикой, системой мира Птолемея помогли ему "найти и раскрыть себя". "Божественная комедия" нас не только пугает картинами ада, предупреждая о "запретельной" жизни, но и учит стройности и гармонии мира. Ад, чистилище и рай — ступени возвышения человека. Большинство читателей "Божественная комедия" переживается как произведение, образы которого можно понимать только как аллегорические, а не буквальные. Сам же Данте, наоборот, видел их не столько как аллегорические, сколько как буквальные. Для Вл. Соловьёва такая *образность, насыщенная космическим содержанием*, отнюдь не "переносная", он исходит из учения о *материализации идеального*, а оно есть прямой вывод из *диалектики всеединства*.

Для Вл. Соловьёва "Божественная комедия" это, конечно, мистика, но мистика, интеллектуально сконструированная и диалектически, понятийно выверенная. Ведь Данте почувствовал органическое единство мира, ощутил мироздание в его живой целокупности. Нет разницы между Флоренцией-"логовищем", где писатель "ягненком отдыхал", и Флоренцией-вселенной. Бездушный лик природы и мир человека едины. Отвратительна картина падения и порчи человека (XIV в.). Исходя из примера личной катастрофы, заблудившись в "темном лесу" грехов, великий флорентиец хочет оповестить всех о грозящей им беде и бьет тревогу, рисуя картину дел мирских в "Аду".

По аналогии с Данте француз Оноре де Бальзак назвал длинный цикл своих романов "комедией", однако уже не "божественной", т.е., по определению Данте, "прекрасной", а "человеческой", омерзительной. 90 с лишним томов он посвятил исследованию "всех клеточек" современного ему общества — французской жизни, сквозь которую он видит жизнь вообще.

В предисловии к "Человеческой комедии" Бальзак рассуждает о споре между ним и Жоффруа де Сент-Илером о "единстве строения". Если по найденному клыку животного Сент-Илер может восстановить вымершую породу, то он, как писатель, может, увидев какую-то деталь, один предмет, например юбку госпожи Воке ("Отец Горио"), рассказать не только о самой госпоже, но и об ее пансионе и всех его посетителях. *Существует лишь одно животное, заключал он. Все организмы созданы по одному образу.*

В творческом методе Бальзака и в его простой философии — рассуждениях на естественнонаучные темы берет начало социальный и биологический детерминизм. Если художник синтезирует события, он предполагает вмешательство Случая, которое должно доказать наличие

и всеилие Закона. Художник подбирает хвост к кошке и кошку к хвосту, чтобы создать идеальную и правильную кошку.

В эпоху клонирования и постмодернизма ученые литераторы уже не столько любят Закон, сколько Случай. Им все равно, кого они произведут, они даже надеются вывести новый вид, создать абсолютно новое творенье, совершенно не заботясь об идеализации прекрасных человеческих форм, передаче сладостных линий и сочетании рассеянных элементов красоты. *Все можно клонировать: и тексты, и животный мир, и человека.*

В одном из романов Бальзак воскликнул "Случай — гениальный человек!" Может быть, сегодня гениальные люди уже отсутствуют. Однако еще в начале XX в. в творчестве Джеймса Джойса, ирландца, написавшего роман "Улисс", гениальность присутствовала. Это внутренняя история героя, пишущего о художнике, знакомом с *универсумом европейской культуры, со школой ее космического всеединства*, что отражается в романе в *невяной* форме. Читатель, зная авторские комментарии, должен *при наличии подобной культуры* подтверждать собственные догадки. 18 эпизодов романа у него связаны с определенными эпизодами гомеровской "Одиссеи". Причем связь выражается не только в сюжетной тематической или смысловой параллели, но также в том, что для большинства персонажей имеются прототипы в поэме Гомера. Джойс, как известно, составил две схемы, в которых указал все смысловые нагрузки, все уровни смысла каждого эпизода. Автор утверждал, что с каждым эпизодом неким образом связан определенный орган человеческого тела, а также определенные наука или искусство, символ и цвет. Как отмечала критика еще при жизни писателя, в этом проявилось "средневековое мышление автора", для которого всякая книга — если она действительно книга — и космическое явление, и живой организм. Сквозь книгу и сквозь знания Джойс пытался привлечь внимание читателя к тому, что он назвал "эпосом человеческого тела".

В XX в., особенно в конце его, у Джойса появилось немало подражателей. Встречаются в XX в. и отдельные высокие художники, создавшие тексты, обнажающие некое "единство строения": единство мироздания, смещение космогонических систем, сближение самых широких концепций с уникальностью умозрения. Достаточно вспомнить колумбийца Габриэля Гарсиа Маркеса, сумевшего объединить библейскую схему мироздания с экзистенциальным и национальным его мироощущением.

В период постмодернизма, т.е. сегодня, авторы нередко создают гипертексты, опирающиеся на средневековую философию, позволяющую непознанное, как эстетски загадочное, разумное, как заново открытое, злое, словами великого немца Гете, как "часть силы той, что без числа творит добро, всему желая зла..." Таковы книги популярных ныне Ум-

берто Эко ("Имя Розы", "Маятник Фуко"), Патрика Зюскинда ("Парфюмер"), Паоло Коэльо ("Алхимик") и т.д.

Если прежде литературоведы переносили акцент в своих научных изысканиях с проблемы произведения как некоего целого, обладающего устойчивой структурой на подвижность текста как процесса структуризации, то теперь художники действуют как ученые исследователи, пролагающие пути смыслообразования. Они сразу заявляют, что не считают своей задачей нахождение единственного смысла. Они переживают свой текст вместе с читателем, подчеркивая его множественность, открытость процесса означивания.

Итак, на повестке дня современной культурологии как будто снова, как в XIX в., оказались мистицизм и средневековая философия. В массовом сознании это заметно на примерах суперпопулярности романов А. Толкиена или книг К.Роулинг о Гарри Поттере. Поневолле начинаешь задаваться вопросом, как может мириться мистицизм с высокими и светлыми умами упомянутых выше литераторов?

Любопытно, что вопрос о том, как уживаются склонность к мистицизму (в первичном значении этого русского слова) и широта взглядов концепции Вл. Соловьева, задавали и в России многие биографы и последователи этого ученого: братья Трубецкие, В. Эрн, А. Введенский, А. Никольский. Ответ на вопрос о Вл. Соловьеве станет и ответом на вопрос о мистицизме сегодняшних авторов. Так, В.В. Розанов, подчеркнув, что Вл. Соловьев — редчайшее явление в русской культуре, отметил, что в образе его мыслей, особенно "в приемах его жизни и деятельности была бездна шестидесятых годов". Он был социально близок к шестидесятиникам. Одновременно его русская душа всегда грезил о всемирно-историческом духовном и материальном освобождении. М.М. Лопатин подчеркнул, что аскетически печальный взгляд Вл. Соловьева на условия чувственного, земного существования соединен у него с *очень серьезной, искренней постановкой идеала душевной чистоты*. Е.Н. Трубецкой заявил, что он верующий христианин, которому это не мешает находить элементы положительного откровения не только в исламе, но и во всевозможных языческих религиях Востока и Запада. Философ-мистик, Вл. Соловьев высоко ценит ту относительную истину, которая заключается в учениях рационалистических и эмпирических. У Вл. Соловьева была явная склонность представлять себе все идеальное в материализованном виде.

Нечто подобное происходит и с современными авторами, так полюбившими далекое прошлое. Определенные срезы средневекового мышления, в которых сосредоточился весь средневековый потенциал, востребованы современным философствованием. Это связано с ориентацией на текст в его качестве произведения и на смыслы текста с его пони-

манием логики как *тео-логики*. Разумеется, "новые старые понятия" при философствовании с ориентацией на Средневековые по-иному нагружены, но существенно само обращение к ним.

Средневековая философия ориентирована в будущее и не только в силу того, что с будущим связана надежда на спасение земной жизни, но и потому, что будущее возвращает возможности и ориентируется на новое. Будущее несет обновление, сброс традиций, которые все суть повтор фундаментальных структур, обеспечивающих жизнь человека. В Средневековье встречается немало загадок, аллегорий, иносказаний, таинственных слов-ключей. Средневековое мышление становится стратегией мышления современного. Нынешняя философия своего рода *концептология*, где каждый концепт показывает полное изменение конфигурации мира. *Общение концептов востребует сам человек*. Это одна из возможных его *трасс сквозь хаос*. Именно в Средневековье была создана теория тропов. Никто не станет и отрицать, насколько тропологично и современное мышление.

Тропологична была и философия Соловьева. Вся его эстетика есть учение о жизнесозидательных и жизнедеятельных формах красоты, утверждение "идеально-софийной" материи. Его идея всеединства — это учение о жизни и бытии, включающем всю человеческую и всю космическую сферу в ее нарушаемой целостности. У человека есть внутренняя потребность преодолеть несовершенство жизни в целях лучшего будущего.

История человека начинается у него с семьи, еще близкой к биологическому состоянию, названному им "экономической ступенью". Ей противостоит та ступень человеческого развития, когда вместо чисто материального производства зарождается общение между собой всех человеческих индивидуумов, что он называет "политической ступенью", и, наконец, возникает ступень духовного общения людей, которую он называет "церковью". Другими словами, под термином "церковь", согласно духу и букве его учения, нужно понимать *всеобщую целостность бытия*, или *всеединство*.

"Школа всеединства", состоящая из тех, кто изучал и комментировал идеи Вл. Соловьева (С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, В.Ф. Эрн, Л.П. Карсавин, П.А. Флоренский, А.Ф. Лосев), опирается на программу цельного знания, на тео-антропокосмическую парадигму изучения языка. В нее входит признание центрального характера лингвистического компонента — трактовка имени и слова, как универсальной системы всего сущего, попытка описывать имя и слово (язык) на той же универсальной парадигме, что и другие области бытия, и даже внутреннее устройство самого Абсолютного, стремление распространить на трактовку языка духовный опыт "имяславия" (А. Ф. Лосев).

Последователи философской "школы всеединства" жили в эпоху одной из величайших мировых катастроф — подготовки и свершения русской революции, и их жизненный и творческий путь запечатлел на себе предзнаменования и черты этой катастрофы. С их творчеством оборвалась недолгая эпоха творческого и жизненного воплощения идеала цельного знания. Концепция "школы всеединства" еще не оказала должного влияния на духовную атмосферу своего времени и пока остается в нашей науке и культуре без приличествующего ей внимания. Оптимизм лишь внушает судьба А.Ф. Лосева, в творчестве которого эта парадигма нашла окончательное для наших дней оформление в виде энергийно-ономастической модели.

Уже основоположники языкознания в первой половине XIX в. установили, что язык есть не дело (*ergon*), но действие, деятельность (*energeia*). Язык есть орудие человеческого общения, язык есть движение. Знатор античной философии, А.Ф. Лосев глубоко исследовал теорию именования, связанную с природой языка.

В Средневековые анализ возникновения имен, их истинности и их ложности продолжился. В этот период подчеркивается, что акт наименования отражает характерные черты языковой деятельности в ее зависимости от говорящего или слушающего. Полемика между номиналистами и реалистами — наименование вещей по природе или по установлению — продолжается.

А.Ф. Лосев — младший представитель "школы всеединства", поразивший современников энциклопедическими знаниями (высочайшим кросскультурным уровнем). Он с большой буквы Философ и Филолог в одном лице, одинаково глубоко знакомый с русской и западной традицией в этих областях, сумевший выйти на психолингвистический уровень и заразить своими исследованиями массу учеников и последователей.

Объектная и предметная область новой формирующейся дисциплины — межкультурной коммуникации — очень широка. Знание ее необходимо не только гуманитариям, но и представителям точных и естественных наук. Для того, чтобы оптимизировать любой текст любой дисциплины, необходимо знать ее отдельные коммуникативно-интенциональные особенности. Собранные в настоящем пособии материалы, являясь "перекрестком" разнонаправленных исследований, рассказывают о восприятии и понимании текстовой деятельности в когнитологии, о способах репрезентации знаний, о дискурсе в межкультурном общении, о национально-культурной специфике вербальных ассоциаций и понятий национального менталитета.

Лингводидактика выделяет несколько уровней знания языка, высшим из них является когнитивный аспект овладения языком, т.е. усвое-

ние при изучении иностранного языка соответствующего данному этносу образа мира, его видения через призму социальной культуры.

Целью данного пособия, таким образом, является ознакомление всех исследующих очерченную выше проблему с основами уже существующей теории межкультурной коммуникации и формирования у них умения и навыков применения знаний на практике. Соотношение языка и культуры — это большая междисциплинарная проблема. Ее решение возможно только усилиями многих, если не всех, наук в прямом или опосредованном виде.

К началу XXI в. язык в лингвистической литературе имеет весьма изменчивый "образ". У самого термина "язык" есть, по крайней мере, два взаимосвязанных значения: 1) «"язык" вообще, т.е. язык как определенный класс знаковых систем»; 2) «конкретный, так называемый *этнический*, или *идиоэтнический*, "язык", некоторая реально существующая знаковая система, используемая в социуме, в некоторое время и в некотором пространстве»¹.

Язык в первом значении — это абстрактное представление о едином человеческом языке, средоточии свойств всех конкретных языков. Конкретные языки суть многочисленные реализации свойств языка вообще. На протяжении XX в. в лингвистике, а потом и за ее пределами, различные определения языка сменяются одно за другим и соответственно создаются разные его образы. Эволюцию языка известный современный ученый-лингвист Ю.С. Степанов ставит в связь со сменой стилей научного мышления, или, как теперь говорят, парадигм. Однако эволюция протекала таким образом: каждое последующее определение не вытесняло предыдущего целиком, но включало в себя некоторые новые его черты, не теряя прежних, уже замеченных свойств.

Язык как структура понимается в духе структурализма как имеющий следующие характерные для этого направления черты: возможность алгебраизации; жестко детерминированный, вероятностный, т.е. "потенциальный", характер. В то же время ему свойственна связь с конкретными социальными коллективами людей в социуме; связь с "церебрацией", т.е. с нейрофизиологическими процессами.

Язык как система — это, по существу, тот же тезис, что и "язык как структура", но как бы с включенной критикой и модификацией жестко структуралистского подхода. Под системой понимается единое целое, доминирующее над своими частями и состоящее из элементов связывающих их отношений. Совокупность отношений между элементами системы образует ее структуру. Правомерно говорить поэтому о структуре системы. Система языка как материальная реализация структуры всегда индивидуальна и в каждом этническом языке всегда *идиоэтнична*. Таким образом, в модификации тезиса "язык как структура" в виде

---

¹ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

"язык есть структура и система" уже содержится неповторимый и индивидуальный образ языка.

Язык как тип и характер определяют в лингвистике, отталкиваясь от программной статьи В. Матезиуса "О лингвистической характерологии" (1928), где он в соответствии с тем, что характерология — это дисциплина, выделяющая профилирующие и базовые черты данной языковой системы, делает подлинным для своего времени открытие. Он подмечает, например, особую черту английского языка: из возможных подлежащих высказывания по-английски обыкновенно предпочитают выбирать на роль подлежащего наиболее актуальный и действенный в данный момент субъект. Но поскольку таковым обычно оказывается сам говорящий, то типичным подлежащим в английской речи оказывается местоимение 1-го лица ед. числа I (я), в отличие от правил поведения в обществе, где, как говорит Матезиус, англичанин предпочитает не подчеркивать свое Я. Тем самым он отражает известную черту английского языка — любовь к пассивным конструкциям. Выводы свои этот лингвист строит, связывая то или иное характерное для английского языка с аналогичными казусами в немецком или французском. Таким образом, возникает новая типология языков и соответственно вырабатывается понятие "языковый тип" — самонастраивающаяся система, "оптимизирующаяся по конкретной детерминирующей тенденции — детерминанте".

Компьютерная революция, начальным этапом которой стали работы 1960-х гг. американского лингвиста, основоположника теории порождающей грамматики Н. Хомского (1928 г.р.), не изменила, как утверждал Ю.С. Степанов, взгляда на язык в отличие от того, что предполагает сам Н. Хомский и его последователи. Она лишь глубоко изменила взгляд на лингвистическую теорию, теорию описания языка, приблизив его к задачам компьютерного века. В работе Хомского "Логический базис лингвистической теории" (1962) говорится о "языке, порожденном грамматикой", ибо "грамматика это устройство, которое задает бесконечное множество правильно построенных предложений и сопоставляет каждому из них одну или несколько структурных характеристик". Это "устройство называют порождающей грамматикой" для отличия его от описательных утверждений, которыми лишь определяется инвентарь участвующих в структурных характеристиках элементов и его контекстных вариантов. Идеи Н. Хомского о порождающей грамматике сильно продвинули лингвистическую теорию. Если цель любой традиционной грамматики, по Хомскому, состоит в том, чтобы дать читателю возможность понимать произвольные предложения на описываемом языке, а также самому строить и употреблять их в соответствующих случаях, то порождающая грамматика пытается построить правила, сформулиро-

ванные в явном виде и полностью описывающие ту структурную информацию, которой располагает и пользуется носитель языка².

Изменив взгляд на задачи лингвистической теории, порождающая грамматика переменила тем самым и взгляд на "творческий аспект" речевой деятельности. Язык, с точки зрения Хомского, следует рассматривать не "как заставший результат порождения, а как сам процесс порождения".

Итак, с появлением генеративной грамматики и дальнейшей компьютеризации лингвистики произошло изменение взглядов, лингвистику стали понимать как исследование работы мышления человека с языком.

В американской лингвистике, охваченной бумом "генеративизма", не было затем сформулировано ни одного значительного общего понимания языка. Более того, его стали дробить, подобно фасетчатому глазу стрекозы, на различные фасетки типа: "язык как функциональная система", "язык как активность" и т.д. Есть и другие определения (даются в оригинале):

- language and communication
- language and culture
- language and gestures
- language and informing
- language and man
- language and mind
- language and nation
- language and national spirit
- language and reality
- language and society
- language and speech
- language and world etc.

Если за разными фасетками и возникает какое-то общее определение языка, то лишь такое: "язык есть совокупность аспектов". И это похоже на американское (дескриптивное) определение фонемы 1960-х гг.: фонема есть класс функционально тождественных аллофонов. С этим не соглашались лингвисты европейской школы, для которых фонема — нечто большее, чем просто класс аллофонов.

Скорее всего результирующим понятием языка к началу ХХI в. следует считать определение: "Язык есть пространство мысли и дом духа". Его прообразом стало известное определение философа-экзистенциалиста Мартина Хайдеггера: "Язык — дом бытия", он еще добавлял: "Язык вместе с тем еще и жилище человеческого существа"³. В системе

---

² Степанов Ю.С. Компьютерная революция и компьютерный подход к языку // Язык и наука конца 20 века. М., 1995. С. 22.

³ Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 354.

Хайдеггера оно было связано с радикальным переосмыслением задач философии вообще, и в частности с преодолением старой метафизики и философской антропологии. Философ, по Хайдеггеру, должен уметь вслушиваться в "бытие сущего", в "глубокую тишину", окружающую вещь; он должен уметь отрешаться от навязываемой извне рациональной информации — в форме логических и информационных систем, подавляющих органические формы языка. Если же язык будет ограничиваться одной прикладной функцией — быть лишь средством для чего-то, чуждого его сущности (а к этому, по убеждению Хайдеггера, идет сегодня дело), то ему грозит участь превратиться в бессловесный автоматический регулятор всеобщего потока информации... Язык тогда отступает от своего сущностного значения быть "домом бытия", становясь исчезающим промежуток между деянием и бытием.

Язык обладает рефлексией. Рефлексивность языка — это непосредственная возможность мысли и речи о языке с помощью тех же лексико-грамматических средств. Язык семиотически универсален, поскольку имеет знаковую природу. В каждом языке есть подобия между формой языка и его содержанием — это звукоподражания. В устной речи на любом языке используются паралингвистические средства — мимика и жесты.

Н.Н. Миклухо-Маклай пишет, что первая его встреча с папуасом на Новой Гвинее представляла собой "беседу", в ходе которой молодой папуас Туй пантомимически "рассказал" русскому путешественнику, что с ним может произойти, когда доставивший его корабль "Бигль" скроется за горизонтом, а незнакомец останется один и воины соседних деревень придут к нему.

С описания пантомимы собственно начинается всякое исследование знакового поведения всех коллективных живых существ. Например, на "языке танца" пчела-разведчица рассказывает обитателям улья, в каком направлении относительно солнца следует лететь, чтобы взять нектар, сколько времени надо лететь и др.; брачные танцы птиц; символические демонстрации силы вожака обезьяньего стада.

Функции языка представляют собой проявления его сущности, его назначения и действия в обществе, его природы, т.е. они являются его характеристиками, без которых язык не может быть самим собой. Две главные функции языка — *коммуникативная* функция, т.е. средство человеческого общения, и *когнитивная*, т.е. познавательная, гносеологическая, выраженная в деятельности сознания, "непосредственность мысли". В качестве дополняющих к ним относят *эмоциональную* функцию языка, одно из средств выражения чувств и эмоций, и *метаязыковую* — средство описания языка в терминах самого языка.

Интерес к установлению функций языка наметился в 20-е гг. XX в. До этого слово "функция" употреблялось для обозначения роли единиц в синтаксисе (функция подлежащего, функция дополнения) и в морфо-

логии (функция формы, функция флексии) и т.д. В "Тезисах Пражского лингвистического кружка" (1929)⁴ было обосновано определение языка как функциональной системы и описаны две функции речевой деятельности: общения и поэтическая.

Немецкий психолог Карл Бюлер (1879—1963) выделил в свете семиологического принципа три функции языка, проявляющиеся в любом акте речи: функцию выражения (экспрессивную), соотносимую с говорящим, функцию обращения (апеллятивную), соотносимую со слушателем, и функцию сообщения (репрезентативную), соотносимую с предметом, о котором идет речь.

Вопрос о количестве и характере функций языка многократно обсуждался, в результате чего были разделены функции языка и функции единиц языка. Так, французский ученый А. Мартине постулирует наличие трех функций языка: главной коммуникативной, выразительной (экспрессивной) и эстетической, связанной с первыми двумя.

Метаязыковая функция языка связана с возможностью описывать с помощью языка некоторый другой язык — язык-объект. Так, если грамматика английского языка написана по-русски, то язык-объект — английский. Метаязыком в данном случае будет русский язык. Разумеется, метаязык и язык-объект могут совпадать.

Термин "метаязык" (от греч. *meta* — после, через) построен по модели таких логико-математических терминов, как "металогика", "метатеория", "метаматематика", обозначающих концептуальные построения "второго порядка". Например, метатеория — это теория ("второго порядка"), объектом которой является некоторая другая теория ("первого порядка"), называемая предметной или объектной.

Использование метаязыка связано с трудностями речевого общения, например, при разговоре с ребенком, иностранцем или другим человеком, не вполне владеющим данным языком, стилем, профессиональной разновидностью языка или аргю.

Фатическая (от лат. *fateri* — высказывать, показывать, обнаруживать) функция заключается в умении с помощью языка устанавливать контакты. Фатический разговор может быть поверхностным и легким, но важен сам контакт, поскольку у него возможны последствия — развитие коммуникации: произнося приветствие, мы рассчитываем на ответ; разговоры о погоде, вчерашней ТВ передаче; не задумываясь, мы произно-

---

⁴ Пражский лингвистический кружок — центр школы одного из направлений структурной лингвистики (создан в 1926 г., организационно распался в начале 1950-х гг.). Цитированные выше и чуть ниже В. Матезиус и В. Скаличка относятся к этой школе. К ней же принадлежали питомцы Московского университета Н.С. Трубецкой и Р.О. Якобсон. Творчески с ней связаны были Г.О. Винокур, Е.Д. Поливанов, Б.В. Томашевский.

сим слова или целые фразы, когда хотим поздравить с праздником, днем рождения, выразить соболезнования по поводу смерти и т.д.: "Жду ответа как соловей лета", "Примите наши соболезнования...", "Искренне ваш..." и т.д.

Если в прежние времена (в XIX и XX вв.) были распространены письмовники, где печатались подобные клише, то сейчас можно приобрести любую открытку, где за нас написаны все слова. Их не нужно даже "списывать": "Дорогую мамочку, дорогую сестренку, милого братика, любимую бабушку, любимого друга поздравляем, поздравляем, поздравляем". "Эй, именинник, ты наш самый главный тормоз" и т.п.

Языку противопоставляется **речь, дискурс** — конкретное говорение, протекающее во времени и облеченное в звуковую (включая внутреннее проговаривание) или письменную форму. Понимают под "речью" сам процесс говорения (речевую деятельность) и его результат (речевые произведения, фиксируемые памятью или письмом).

Характеристика речи обычно дается через ее противопоставление языку (коду), понимаемому как система объективно существующих, социально закрепленных знаков, соотносящих понятийное содержание и типовое звучание, а также как система правил их употребления и сочетаемости. Речь и язык (код) образуют единый феномен человеческого языка, взятого в определенном его состоянии. Речь есть воплощение, реализация языка (кода), который обнаруживает себя в речи и только через нее выполняет свое коммуникативное назначение.

Если язык — это орудие (средство) общения, то речь есть производимый этим орудием вид общения; "она создается приложением "старого языка" к новой действительности" (В. Скаличка). Речь вводит язык в контекст употребления⁵. Речь конкретна и неповторима в противоположность абстрактности и воспроизводимости языка: она актуальна, язык же потенциален. Будучи событием, действием, речь развертывается во времени и реализуется в пространстве, язык же (код) отвлечен от этих параметров мира. Речь бесконечна, система языка конечна. Речь материальна, она состоит из артикулируемых знаков, воспринимаемых чувствами (слухом, а также зрением, осязанием).

Язык (система языка) включает в себя абстрактные аналоги единиц речи, образуемые их различительными и общими (интегральными) признаками. Иначе говоря, можно сказать, что речь субстанциональна, язык же формален. Речь подвижна, язык стабилен, речь линейна, язык имеет уровневую организацию. Речь есть последовательность слов, язык вно-

---

⁵ Контекст употребления чрезвычайно важен в *прагматике*, прикладной сфере языкознания, направленной на приложение знаний о языке в различных областях практической деятельности человека.

сит в нее иерархические отношения. Речь субъективна, поскольку она является видом свободной творческой деятельности индивида, язык — это достояние пользующегося им общества, он всегда объективен по отношению к говорящим. Речь произвольна, язык обязателен (императивен). Речь отражает опыт индивидуума, язык же в системе выражаемых им знаний фиксирует опыт коллектива, "картину мира" (см. тему 4) говорящего на нем народа. Речь преднамеренна и обращена к определенной цели, в отличие от нецеленаправленности языка, она контекстно и ситуативно обусловлена. Язык независим от обстановки общения. Речь вариативна, язык же инвариантен (если отвлечься от проблемы диалектов). Речь допускает элементы случайного, неупорядоченного, в отличие от языка, образуемого регулярными чертами своих единиц и отношений между ними. Речь обращена к объектам действительности и может рассматриваться, с точки зрения своей истинности или ложности, к языку истинностная оценка неприменима. За перечисленными различиями, играющими в разных концепциях большую или меньшую роль, иногда видят противопоставления сущности и явления, общего и частного.

Рассматривая речевую деятельность как единство общения и обобщения, А.А. Леонтьев отделил функции языка, проявляющиеся в любой ситуации общения, от функций речи как факультативных, возникающих в особых ситуациях. В сфере общения к функциям языка им отнесена коммуникативная, а в сфере обобщения — функция орудия мышления, функция использования общественно-исторического опыта, национально-культурная функция. Все они могут дублироваться неязыковыми средствами (мнемонические средства, орудия счета, планы, карты, схемы и т.п.).

Например, как осуществляется коммуникативная функция по-африкански. Первые европейские путешественники и миссионеры долгое время не могли понять, почему при их внезапном появлении в затерянных среди джунглей деревушках жители их встречали так, словно уже знали о приближающейся экспедиции. Вооруженные копьями воины и разнообразные подарки встречали европейцев одновременно. На вопрос, откуда же они об этом знают, аборигены указывали на странный предмет, похожий на бочонок из-под вина или меда — тамтам. История тамтамов теряется в веках и по поводу их возникновения существуют в африканских странах разные легенды. Первоначально тамтамы служили только в качестве музыкальных инструментов. Это остается их основной функцией до сих пор. Технология их изготовления не претерпела изменений. Звуки тамтама напоминают человеческую речь, причем именно на африканских языках. Многие из африканских диалектов состоят из двух фиксированных тонов. Передавать сообщение с помощью тамтама может лишь колдун, уверивший тамтам в искренности своей с ним дружбы. Языку общения с духами обучают очень

долго. Сообщение на тамтаме может передаваться от деревни к деревне, от одного поселка к многим по принципу релейных линий. Если воспользоваться терминологией психолингвиста А. Брудного, коммуникация может быть аксиальной (от лат. *аксио* — стрела) или ретиальной (от лат. *ретиа* — куст), в обоих случаях получателями информации могут быть одновременно сотни и тысячи африканцев, жителей одной местности.

К функциям речи отнесены *магическая* (табу, эвфемизмы), *диакритическая* (компрессия речи, например в телеграммах), *экспрессивная* (выражение эмоций), *эстетическая* (поэтическая). Проблема функций языка вызывает особый интерес в связи с расширением сферы изучения языка в действии, особенностей разговорной речи, функциональных стилей, лингвистикой текста.

Эстетическая, или поэтическая, функция речи, согласно Р. Якобсону, связана с вниманием к сообщению ради самого сообщения, с интересом к тому, как организовано сообщение или "самовитое слово" (В. Хлебников). Говорящие замечают сам текст, звуковую и словесную фактуру. Отдельное слово, оборот, фраза начинают нравиться или не нравиться, восхищать своей ладностью, красотой, глубокой осмысленностью. Специальное эстетическое назначение имеет художественная речь. Двумя основными типами организации художественной речи являются поэзия и проза, внешне различающиеся лишь ритмом (периодическим повторением каких-либо элементов текста через определенные промежутки).

Ритм поэтической речи создается отчетливым делением на соизмеримые отрезки, в принципе не совпадающие с синтаксическим членением. Прозаическая художественная речь расчленяется на абзацы, периоды, предложения, колоны (ритмико-интонационные единицы звучащей речи), присущие и обычной речи, но имеющие определенную упорядоченность; ритм прозы, однако, более сложно уловимое явление, чем ритм стиха. Он недостаточно изучен. Можно лишь напомнить, что первоначально поэзией называлось искусство слова вообще, поскольку в нем вплоть до Нового времени преобладали стихотворные и близкие к ней ритмико-интонационные формы. Прозой же называли все нехудожественные словесные произведения: философские, научные, публицистические, информационные, ораторские.

Магическая (заклинательная) функция речи связана с тем, что с помощью слов можно творить волшебство, осуществлять словесную магию. Адресатом речи в данном случае является не человек, но высшие силы. К проявлениям магической функции относятся табу, табуистические замены, обеты молчания в некоторых религиозных традициях, а также всякого рода заговоры, молитвы, клятвы, в том числе божба и присяга.

Явление табу — прямое следствие магической функции языка (речи). С верой появляется убеждение в возможности непосредственного воздействия языка на окружающий мир. Особенно распространены табу на имя человека, которое воспрещается сообщать посторонним, а иногда и называть вслух; на имя родственника (мужа, свекра, тещи, шурина), на имя умершего, имя вождя или царя (отчасти с этим связан обряд пышного титулования), имя божества. Все эти имена собственные заменяются описательными выражениями. То же происходит и с названиями животных, являющихся предметом охоты, отсюда в большинстве языков появляются описательные названия медведя, заменившие общиндоевропейское название. Табу распространяются и на названия, близкие по звучанию к запретному слову (иногда даже имеющие с ним только один слог). В современных языках к табу можно отнести тенденцию не говорить прямо о смерти, тяжелой болезни, избегать упоминаний о "неприличных" предметах и т.п. Ярко выраженные в первоначальном значении характерные табу можно встретить у народов с архаичной культурой (Африка, Австралия, Океания, народы Севера). С табу непосредственно связаны эвфемизмы — эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных слов или выражений, представляющих неприличными, грубыми или нетактичными, например, "хозяин" вместо "медведь", "шут с ним" вместо "черт с ним". Существуют и так называемые дисфемизмы — замены эмоционально и стилистически нейтрально выраженного слова более грубыми и пренебрежительными: "загреть" вместо "упасть", "рассопливиться" вместо "заплакать" и т.п.

Под эвфемизмами понимаются также окказиональные индивидуально-контекстные замены одних слов другими с целью искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого. Например, чем, как не маскировкой, можно назвать первые слова марсиан, которые слышат герои романа А. Толстого "Аэлита" на Марсе: "Талцетл", — сказал марсианин. "Земля", — сказал землянин. Этот ряд продолжают "Соацр" (солнце) "шохо" (живые существа), "Тума" (Марс), "Аиу" (привет мой вам; хай). "Это не девушка, а баллада ля бемоль мажор", — пишет Венедикт Ерофеев.

В эпоху Средневековья и Возрождения вольный фамильярный контакт на карнавалах между людьми породил новые формы речевой жизни, новые речевые жанры, появляющиеся в результате переосмысления или упразднения некоторых старых форм. Например, когда двое вступают в приятельские отношения, дистанция между ними уменьшается (они на "короткой ноге"), и потому формы общения между ними резко меняются, меняется форма обращения и имени (Иван Иванович превращается в Ваню или Ваньку), иногда имя заменяется прозвищем, появляются бранные выражения, употребленные в ласковом смысле, становится возможным взаимное осмеяние, можно похлопать друг друга по плечу или даже по животу. Для фамильярно-площадной речи характерно довольно частое употребление ругательств, т.е. бранных слов и выражений, иногда довольно длинных и сложных. Ругательства обычно грамматически и семантически изолированы в контексте речи и воспринимаются как законченные целые, подобно пословицам и поговоркам. Поэтому о ругательствах говорят, как об особом речевом жанре

фамильярно-площадной речи. По своему генезису ругательства не однородны, они имели разные функции в условиях первобытного общения, главным образом магического, заклинательного характера.

Ругательствам во многих отношениях аналогичны клятвы (франц. *jurons*). Они также наводняют фамильярно-площадную речь. Божбу (суетное употребление сакральных слов) также следует считать особым речевым протестом словесному благоговению, почтительности, чинопочитанию. Поэтому все такие элементы, особенно если они присутствуют в речи чрезмерно, оказывают могущественное влияние на весь контекст, на всю речь: они переводят ее в другой план, ставят ее по ту сторону всякой условности. Речь, освободившаяся от власти норм, иерархии и запретов общего языка, превращается как бы в особый язык, в своего рода аргю по отношению к официальному языку. Можно сказать также, что такая речь создает и особый коллектив посвященных в фамильярное общение, например толпу на площади.

У Вен. Ерофеева в романе "Москва-Петушки" толпой посвященных можно назвать собутыльников лирического героя и постоянных пассажиров электричек, наблюдающих за теми, кого они называют "алкоголиками": "Взгляните на икающего безбожника: он рассредоточен и темнолик, он мучается и он безобразен... Верящий в предопределение и ни о каком противоборстве не помышляющий, я верю в то, что Он благ, и сам я поэтому благ и светел.

Он благ. Он ведет меня от страданий к свету. От Москвы к Петушкам. Через муки на Курском вокзале, через очищение в Кучине, через грезы в Купане — к свету, к Петушкам. Дурх лййден-лихт!...Что бы мне выпить еще, чтобы и этого порыва не угасить? Что мне выпить во Имя Твое?"⁶

Далее в прекрасно сложенном, гармоничном тексте писателя следуют читаемые как "древние письмена": «"Кубанская" (дерьмо), "Российская" (смешно), "Розовое крепкое" (о, боже); коктейль "Иорданские струи" или "Звезда Вифлеема", "Ханаанский бальзам" (синоним "чернобурка") или "Звезда комсомолки" (все это объекты вдохновения), "Дух Женевы" (ни капли благородства, но есть букет); "Ландыш" (будоражит ум, тревожит совесть, укрепляет правосознание); "Серебристый ландыш" (мама); "Сучий потрох" (в ее составе главенствует денатурат — музыка сфер, борьба за освобождение человечества)»⁷.

Отождествляя знак и обозначаемое, слово и предмет, имя вещи и ее сущность, мифологическое сознание склонно приписывать слову те или иные трансцендентные (чудесные, сверхъестественные) свойства: магические возможности, чудесное ("неземное" — божественное или, напротив, демоническое, адское, сатанинское) происхождение, святость (либо греховность), внятность потусторонним силам. В мифологическом сознании происходит фетишизация имени божества или особо важных ри-

---

⁶ Ерофеев Вен. Москва—Петушки. М., 1998. С. 77.

⁷ Там же. С. 78—82.

туальных формул: слову могут поклоняться как иконе, мощам или религиозным святыням. Произнесение ритуального имени может "вызвать" присутствие того, кто им назван (Имя-оберег, своего рода пароль). Ошибиться в словесном ритуале — значит обидеть, прогневать или навредить высшим силам. Само звучание или запись имени представляет магическим актом — как обращенная к Богу просьба позволить, помочь, благословить (ср. так называемую начинательную молитву, читаемую перед началом всякого доброго дела в православии: "Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь").

Представления о неконвенциональности знака (слово — это не условное обозначение какого-то предмета, а его часть) в сакральном тексте создают характерную для религии Писания атмосферу особой чуткости к слову. Успешность практики ставится в прямую зависимость от аутентичности сакрального текста. В религиях Писания священные тексты, т.е. тексты, которым приписывается божественное происхождение, были не написаны, а записаны, поскольку они внушены или продиктованы высшей силой.

Коммуникация (от лат. *communicatio* — делаю общим, связываю, общаюсь) — общение, обмен мыслями, сведениями, идеями и т.д. — специфическая форма взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности. В отличие от коммуникации животных (биологически целесообразного совместного поведения, направленного на адаптацию к среде и регулируемого, в частности, сигнализацией), человеческие формы коммуникации характеризуются главным образом функционированием языка, важнейшего средства человеческого общения. В коммуникативной функции язык проявляет свою знаковую сущность, благодаря чему коммуникация становится важнейшим механизмом становления индивида как социальной личности, проводником установок данного социума, формирующим индивидуальные и групповые установки. Индивидуальные мотивации и формы поведения могут быть приняты социумом, если они представляют собой вариации в определенных границах. Коммуникация становится средством коррекции асоциального проявления индивида или группы.

Будучи социальным процессом, коммуникация служит формированию общества в целом, проявляя связующую функцию. Коммуникация складывается из коммуникативных актов (единиц коммуникации), в которых участвуют коммуниканты, порождающие высказывания (тексты) и интерпретирующие их. Начальный и заключительный этапы коммуникации средствами национального языка (порождение и интерпретация текста) восходят к механизмам внутренней речи, на уровне УПК (универсально-предметного кода мышления, по Н.И. Жинкину), где националь-

но-языковая специфика нейтрализована общечеловеческими схемами смыслообразования.

Напротив, в поверхностных структурах коммуникации эксплицируется высказывание, текст, где все составляющие образуют национально-языковой вербализированный продукт, призванный информировать об идеях, интересах, эмоциях коммуникантов. В коммуникацию входят и невербальные компоненты, например жесты, мимика и т.п.

Коммуникация в любом случае обусловлена экстралингвистическими факторами (ситуативная конкретность, пресуппозиция — компонент смысла предложения (см. тему 9), национально-культурная традиция). Коммуникация может осуществляться средствами вторичных семиотических систем ("языки наук", музыкальная нотация, правила игр, азбука Морзе, языки программирования в диалоге с ЭВМ) или же средствами "первичных языков". Понятие информации используется также в теории информации, в исследованиях, разрабатывающих проблему искусственного интеллекта, задачи создания диалоговых систем "человек-компьютер". При этом коммуникация понимается как синоним общения.

Термин "массовая коммуникация" понимается по-разному. Чаще всего подразумевают разнородные тексты — от текстов радио и телевидения до различных видов молвы.

Слово "коммуникация" появилось в русском языке в XX в. в значении "сообщение". В этом значении термин "массовая коммуникация" противопоставляется некоторыми исследователями понятию "средства массового воздействия", к которым относят разного рода зрелища. Но правильнее считать массовой коммуникацией общезначимый современный текст, в создании которого принимают участие новейшие технические средства и устройства: мощные печатные машины, телевидение, кино, магнитофонная запись, компьютеры и т.п. Причем преимущественно это текст серьезного характера, служащий нуждам общественного управления, связанный с развитием, урегулированием и устройством современного производства.

Тексты массовой коммуникации отличаются от других видов текстов тем, что в них используются, систематизируются, сокращаются, перерабатываются и особым образом оформляются все другие виды текстов, которые считаются "первичными". В результате возникает новый вид текста со своими законами построения и оформления смысла.

С точки зрения филологии, массовая коммуникация делится на две части: массовую информацию и информатику. *Массовая информация* — это пресса, радио, кино, телевидение и все разнообразные средства рекламы. *Информатика* противопоставлена массовой информации как передача специализированных сведений передаче общих сведений.

Для создания текстов массовой информации и информатики нужны большие усилия всего общества. Такие тексты создаются специальными органами информации и информатики. Естественно, что эти органы должны отражать совокупные интересы общества, выступать от лица этих совокупных общественных интересов. Поэтому модальность и содержание текстов массовой коммуникации должны быть направлены на общественно-значимые интересы.

Массовая информация развивается из журналистики. Журналистика классическая в XVIII и XIX вв. была чисто письменным текстом. Сегодня она связана через радио, телевидение и кино с устной речью и всеми формами искусств в одно целое. Поэтому формирование структуры содержания в классическом журнальном и газетном текстах подчинялось иным и более простым правилам, чем в современных текстах массовой информации.

Кроме того, классическая журналистика имела дело со значительно более узкой аудиторией образованной публики, к тому же организованной разными научными, эстетическими и общественными интересами и запросами. Массовая информация сосредотачивает в себе устную и письменную формы речи, объединяет все виды искусств и обращается к безгранично большой аудитории. Поэтому тексты массовой информации во многом влияют на тексты научной и общественной журналистики, публикуемые в научных и общественных журналах, определяют их развитие.

Развитие массовой информации характеризуется появлением новых материалов и новых устройств в технике ведения речи. Как уже говорилось, наряду с печатным словом возникает радио, кино, телевидение и все разнообразные средства рекламы. Если рукописная или печатная речь апеллирует только к зрению, а устная — только к слуху, то в массовой информации используется зримое печатное слово в сочетании со словом, произносимым и показанным. Таким образом, массовая информация — это соединение звучащей и видимой речи. Появление массовой информации следует отнести к 1920-м гг., когда впервые было комплексно использовано радио и периодическая печать.

Техника создания речи в массовой информации чрезвычайно сложна и охватывает разные по принципам действия устройства. Такими устройствами в равной мере снабжаются и производитель, и получатель. Это радиопередатчик и радиоприемник, съемочная камера и воспроизводящее устройство, долби-стерео, система для передачи звука и т.п. — все устройства, обеспечивающие передачу и прием текста.

Текст массовой информации, благодаря применяемой технике, движется как бы в обход старых институтов письменной речи — почты, библиотеки, архива, канцелярии, школы. Так, газета может доставляться подписчикам по почте, храниться в библиотеке и архиве. Но основная

масса информации достигает потребителя благодаря технике (кино, телевидение, радио).

Массовая информация имеет ряд особенностей.

1. В массовой информации нельзя назвать автором одного человека. Редактор, например, участвует в создании текста фактически так же, как и корреспондент, он отбирает материалы для помещения их в выпуск. С другой стороны, и корреспондент, и редактор зависят при формировании текста от материалов, которые им поставляют информационные агентства и другие лица, например авторы писем. На определенном этапе обработки текстов, созданных на одну тему, отбирается материал, который в наибольшей степени пригоден для помещения его в очередной выпуск.

2. Создатели речи — органы информации — должны довести до адресата в конечном тексте самое основное, существенное в их содержании. Вот почему органы информации в тех или иных формах дублируют друг друга, формируя сообщения на одну и ту же важнейшую тему. При этом используется различная фактура речи (электромагнитные колебания, колебания воздуха, фото- и киноплёнка, видеоматериалы и т.п.). Различие фактур влияет на стиль речи. Каждый вид фактуры содержит свои стилевые вариации содержания. Время передачи сообщения в текстах массовой информации основного массива (кино, телевидение, радио) равно времени приема сообщения. Тем самым массовая информация сходна с устной речью: производитель и получатель речи находятся в одном времени.

3. Создатель и получатель текста массовой информации основного массива, будучи в одном времени, территориально разобщены. Тем самым информация противопоставлена устной речи. Технические устройства являются промежуточным звеном в массовой информации. Для создателя сообщения получатель максимально широкая аудитория, состоящая из отдельных лиц (подписчиков газеты, радиослушателей, телезрителей, кинозрителей). Для получателя производитель информации сообщения практически индивидуализирован как определенный орган информации, а не как целая служба информации. Так реализуется новый тип речевого контакта.

4. Получателями в массовой информации являются только те члены общества, которые снабжены средствами ее получения, т.е. имеют радио, телевидение, посещают кино, выписывают газеты. Однако массовая информация фактически охватывает все общество, так как ее тексты сочетаются со всеми другими видами текстов.

5. Массовая информация в отличие от других видов текста не предполагает диалога с получателем. Так, письма читателей, слушателей, зрителей или другие виды обращения членов аудитории в органы мас-

совой информации относятся к письменной словесности, т.е. к иному виду словесности, чем массовая информация. Связь между получателем массовой информации и службой информации реализуется самыми различными способами.

6. Получатель массовой информации не хранит ее. Она, подобно устной речи, действует лишь в тот момент, когда производится и воспринимается. Хранится (обычно в архиве) не массовая информация как целое, а только ее материалы (выписки из газет, фотопленки, теле- и видеозаписи и т.п.). Вся совокупность текстов массовой информации принципиально не восстанавливаема, что делает этот текст одноразовым, однократным, невозпроизводимым.

Все эти особенности массовой информации делают ее уникальным видом текста. Этот текст обладает целым рядом поэтических, риторических и стилистических особенностей.

Важнейшее понятие межкультурной коммуникации — **культура**. Слово "культура" (от лат. *colere* — возделывание, воспитание, развитие, почитание, культ) стало широко употребляться в этом значении с XVIII в. Оно сохранилось и в дальнейшем, но первоначально, подчеркнем, оно означало лишь целенаправленное воздействие человека на природу, изменение природы в интересах человека, т.е. возделывание земли.

Обычно мы относим к культуре искусство, литературу, поэзию, и в таком случае мы имеем дело с *гуманитарной* культурой, которая, в свою очередь, может быть философической, национальной, метанациональной. Культура — это совокупность всех форм деятельности субъекта в мире, основанная на системе предписаний, ценностей и норм, образцов и идеалов, это наследственная память коллектива, которая живет лишь в "диалоге" с другими культурами. Существует и отдельно выдвигается *культура знаний* и общения между учеными.

Анализ культуры осложняет часто множество ее определений, а также тот факт, что многие исследователи культуры (культурологи, антропологи, философы, этнографы и др.) часто вызывают к ее сущности и напоминают, как Ю.М. Лотман, что "культура — это сложная семиотическая система, ее функция — память, ее основная черта — накопление"⁸.

Для выяснения сущности проблем межкультурной коммуникации важно, что под культурой понимают также свод "правил игры" коллективного существования, набор способов социальной практики, хранимый в социальной памяти коллектива, которые выработаны людьми для социально значимых практических и интеллектуальных действий. Нор-

---

⁸ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М., 1999. С. 2.

мы культуры не наследуются генетически, а усваиваются через изучение. Овладение чужой национальной культурой требует серьезных волевых усилий.

Слово "культура" может иметь и антропологический смысл. В ее сферу входит то, что приобретено человеком и передано через систему воспитания. Если антропология — одна из первых наук о человеке и культуре, исследовавшая поведение человека, становление норм, запретов, табу, связанных с включенностью человека в систему социокультурных отношений, то *антропологическая культура* изучает категории, лежащие в основе человеческого мышления и составляющие суть культуры. Антропология как наука возникла в англоязычных странах, ее предметом первоначально было изучение полового диморфизма (наличие у особей одного вида двух различающихся по морфо-физиологическим признакам форм), любви как культурного феномена, мифологии как культурного явления. Эта наука изучает культуру через систему символов, специфического человеческого способа познания и ментального структурирования мира (см. подробнее темы 2, 3, 5, 6).

Когда речь заходит об *этнографической культуре*, то чаще всего имеют в виду культуру этноса, отмеченную проявлениями ее сигнификативных функций. В качестве этнических символов могут выступать элементы как материальной, так и духовной культуры. Один и тот же элемент культуры в одном случае может выражать этническую специфику, в другом нет. Например, соха имела этническую марку там, где общались русские с татарами, пользовавшимися плугом-сабаном, и не имела такой марки в контактной зоне русских и литовцев, которые тоже пахали сохой. Равным образом наличие юбки у мужчин отличает шотландцев от англичан, но не отличает первых от греков и албанцев, которые тоже носили юбки. Таким образом, этнические знаки существуют не сами по себе, а лишь тогда, когда они отличают одну этническую общность от другой.

Одним из компонентов при рассмотрении этнографической (этнической) культуры является термин "традиция" (или чаще во множественном числе — "традиции"). Традиция находит достаточное основание в обыденном употреблении в литературе и живой речи. Это не только производственные, бытовые, семейные, обрядовые традиции, но и культурные, литературные, архитектурные, религиозные.

В свою очередь, одним из компонентов традиций являются обряды (ритуалы), выступающие эффективным средством социального регулирования. Они представляют собой исторически сложившиеся или специально учрежденные формы массового поведения, выражающегося в повторении стандартизованных действий. Смысл ритуала, однако, заключен не в составляющих его движениях, а в том, что они обозначают (символизируют).

В силу своего символического характера обрядовые действия лишены непосредственной целесообразности. Но в конечном итоге они выполняют функцию неосознанного приобщения индивидов к господствующей в данном обществе системе нормативных требований.

Существует также термин *бытовая культура*. Обозначая тот слой культуры, который органически связан со сферой непосредственного потребления, этот термин противостоит понятию *профессиональная культура*, относящемуся к специализированному производству, отделенному от потребления в пространственно-временном отношении.

Культура в сфере быта обычно более показательна, чем в сфере производства. Например, быт японского крестьянина-рисовода гораздо более отличается от быта вьетнамского рисовода, нежели от быта японского ремесленника, рабочего или торговца. Это происходит потому, что формы бытовой культуры тесно связаны с первичными потребностями людей, удовлетворение которых непосредственно зависит от общих для всего этноса условий существования. Профессиональная деятельность рисовода во Вьетнаме, Японии и других странах данного региона почти идентична, как идентична во всем мире профессиональная деятельность шлифовальщика линз или филателиста.

Межкультурная коммуникация (адекватное понимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным культурам) — это междисциплинарная наука, объединившая разные знания и направления в человеческой эволюции, но в первую очередь она базируется на культуре и коммуникации и затрагивает разные, иногда, кажется, непредсказуемые сферы.

Социолингвистика, например, входит в круг вопросов, интересующих межкультурную коммуникацию, имеет своим предметом изучение форм существования языка в их социальной обусловленности, его общественных функций, связи языка с общественными процессами и их отражение в членении языка и его структуре. В разных странах мира социолингвистика развивалась на основе тех или иных приоритетов, характерных для данной страны. Так, например, ученые Пражской лингвистической школы разрабатывали социолингвистическую проблематику в связи с созданием принципиально новой теории литературного языка, в которой важнейшее место занимала интерпретация роли языка в социальных процессах. Немецкие лингвисты обосновали социально-исторический подход к явлениям разных уровней языка, интерпретируя данные диалектологии. Отечественная социолингвистика начиналась в 1920-х гг. и особенно активно развивалась в 1930-е гг. Она тесно связана с так называемой культурной революцией у нас в стране, сопровождавшей новые социальные, политические и национальные отношения. Основные проблемы, которые в то время стояли перед советскими со-

циолингвистами, — это социальная обусловленность языка, социальные общности и формы речевого общения, язык деревни, язык города, выбор диалекта как основы литературного языка, разработка письменности, выбор его графической основы.

В российской социолингвистике В.Ю. Михальченко⁹ выделяет несколько этапов развития. Первый этап (1920-е—1930-е гг.) характеризуется попыткой решения проблем языкового строительства: создаются новые письменности для 50 ранее бесписьменных языков, их начинают применять в сфере художественного творчества, в процессе обучения, в деловом общении. При этом следует отметить, что отечественные лингвисты (Р.О. Шор, Н.М. Каринский, Е.Д. Поливанов, Б.А. Ларин, Л.П. Якубинский и др.) подняли на конкретном материале множество проблем, которые позже в качестве научного открытия стали подниматься и получать развитие в работах зарубежных авторов.

В 1940-е—1950-е гг. интерес к социальной лингвистике снизился и своеобразным ее возрождением стал второй этап (1960—1980-е гг.). Основное внимание в этот период уделяется закономерности функционирования и развития языков в связи с развитием общества, языкам международного и межнационального общения, соотношению национальных языков и национальных культур, а также функционированию национальных языков в разных сферах организованного (регламентированного) общения (в сфере высшего образования, делопроизводства, массовой коммуникации, в сфере науки). Особо изучаются разные типы двуязычия и многоязычия, поскольку с ними связаны способы нахождения межнациональных компромиссов в многонациональных, многоязычных республиках и странах. Одним из достижений этого периода считают разработку теоретических проблем в социальной лингвистике на материале языков народов СССР (Ю.Д. Дешериев), западных языков (А.Д. Швейцер) и восточных языков (Л.Б. Никольский).

Современный период развития социальной лингвистики начался (с конца 1980-х гг.) в связи с развернувшимися в стране процессами перестройки, инициировавшей демократизацию, реформирование всех сфер жизни общества, отказом от так называемой новой исторической общности — "советский народ".

Преобразования в языковой жизни народов СССР повлекли за собой ряд проблем, решение которых потребовало не только практических мер, но и их теоретического обоснования. Основными из этих проблем стали следующие:

мировой опыт организации языковой жизни в многонациональных странах и возможности его применения в СССР (позже в РФ);

юридическое регулирование языковой жизни страны, его положительные и отрицательные стороны;

---

⁹ Михальченко В.Ю. Российская социальная лингвистика: прошлое, настоящее, будущее // Вопросы филологии. 1999. № 1. С. 22.

национальные языки, уровень их развития, реальные возможности их применения в разных сферах общения;

языковые конфликты как компонент национальных конфликтов и возможность их предупреждения;

языки многочисленных народов и возможность их поддержки в условиях переходного периода, расширение функций этих языков, сохранение языков и культур малочисленных народов.

Теоретической основой этого процесса стало утверждение о том, что любое общество, любой социум стремится к одноязычию, двуязычие для него вредно, и потому его отвергли. Необходимость натурализации иноязычных жителей той или иной республики заставляет людей, проводящих языковую политику, ускорять процессы языковой интеграции путем срочного (в течение нескольких лет) распространения государственного языка среди разных языковых общностей. Этот процесс логично и естественно сопровождается нарушениями прав личности — отказом давать гражданство, лишением возможности работать в государственных учреждениях из-за незнания государственного языка, отказом в разрешении приватизировать квартиру и т.п. Таких фактов ущемления языковых прав личности можно было избежать, если бы был определен более длительный период проведения в жизнь законов о языках, постепенный плавный переход от двуязычия к одноязычию.

В республиках бывшего СССР предпочитают следовать опыту зарубежных стран в разных областях жизни общества. Однако международный опыт решения проблем в многонациональном государстве путем придания статуса официального и государственного языка нескольким языкам одновременно в республиках бывшего СССР был проигнорирован. А ведь в мире, как известно, есть немало государств, имеющих несколько государственных и официальных языков — Канада, Швейцария, Бельгия, Сингапур. Реализация законов о языках в республиках бывшего СССР породила явные (Молдова) и скрытые (латентно протекающие) языковые конфликты в Казахстане, на Украине, в республиках Балтии. Для первичной социализации личности в микросреде (а это семья, соседи, сверстники в детстве) достаточно родного языка, семейного общения. В многонациональном же, многоязычном социуме для дальнейшей социализации нужно знать второй язык — язык межнационального общения, а для некоторых сфер организованного общения, например сферы науки, и третий язык, широко применяемый в этой сфере в разных странах. Таким образом, наиболее теоретически приемлемой функциональной моделью для большинства многонациональных стран является двуязычие, трилингвизм (национальный язык — язык межнационального общения — язык международного общения) или даже многоязычие. Именно такая модель языковой политики могла бы обеспе-

чить бесконфликтность переходного периода, в основе которого лежат процессы распространения единого государственного языка.

В последнее десятилетие усилилось внимание к национальным культурам и языкам, одновременно с этим реализуется стремление разных народов расширить социальные функции национальных языков, повысить их роль в социальной жизни разных языковых общностей.

Лингвострановедение тоже относится к сфере межкультурной коммуникации. Эта наука изучает национальные реалии, их роль в социальной жизни разных языковых общностей и какое они нашли отражение в языке. По Е.М. Верещагину и В.Г. Костомарову, это безэквивалентные единицы — обозначения специфических для данной культуры явлений (см. подробнее тему 6).

Лингвокультурология — это наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая явления культуры народа, некоторые отрасли в языке. В развитии этой науки выделяют два периода: период предпосылок развития этой науки (труды В. Гумбольдта, А.А. Потебни, Э. Сепира) и период оформления лингвокультурологии как самостоятельной области исследований. И, видимо, воспоследует третий период — появление фундаментальной дисциплины — лингвокультурологии. К сегодняшнему дню в этой науке наметилось несколько направлений (см. подробнее тему 3).

Этнопсихолингвистика, по определению А.А. Леонтьева, есть область психолингвистики (см. тему 8), изучающая национально-культурную вариантность в речевых операциях, речевых действиях и целостных актах речевой деятельности, в языковом сознании (под которым понимается когнитивное использование языка и функционально-эквивалентных ему знаковых систем), а также внешней и внутренней организации процессов речевого общения. Иными словами, А.А. Леонтьев обсуждает проблемы детерминации речевой деятельности, языкового сознания, особенностей общения.

Ю.А. Сорокин, один из ведущих специалистов по психолингвистике, считает этнопсихолингвистику продуктом взаимодополнительности культурологии и психолингвистики — новой "креолизированной" (возникшей от соединения) дисциплиной, ориентированной на изучение вербальных и невербальных словарей и грамматик этнического поведения, а также на контрастивное сопоставление "текстов" (лингвокультурных сценариев и матриц), обслуживающих тот или иной этнос. Он трактует этнос как глобальную коммуникационную сеть, внутри которой происходит циркуляция культурем/менталем. Последние характеризуются гомогенностью и телеологичностью, сигнализируя о способах семиотико-культурологической защиты, позволяющей лингвокультурной общности сохранять свою уникальность и целостность. Сорокин

указывает также, что ядром предметной области психолингвистики является "идеологическая семантика" (т.е. семантика генезиса и взаимосвязи значений), надстраиваемая над "технической семантикой", с учетом взаимодействия и взаимозависимости идеологических и технических семантем. По его мнению, для оптимизации процесса взаимодействия языка и культур необходима "реконструкция" внутренней формы культурем, транслируемых из одной лингвокультурной общности в другую и существующих прежде всего как специфический набор технических семантем.

В качестве одного из разделов этнопсихолингвистики Ю.А. Сорокин выделяет этническую конфликтологию, изучающую механизмы защиты этносов, а также факторы и условия, способствующие или препятствующие ме- или метисации вербального и невербального поведения, возможных на стыках каких-либо этнических ниш (по крайней мере двух).

Рассматривая текст как источник культурологической информации, Ю.А. Сорокин указывает, что для культуроведения представляет интерес сравнение менталитета двух лингвокультурных общностей с целью выявления различий и совпадений между ними. Сигналами специфики лингвокультурной общности являются лакуны, обусловленные "дрейфом" двух различных культур, и контрастивные лакуны, вызванные сдвигом одной и той же культуры. Изучение лакун необходимо для разных целей, в том числе для перевода, который трактуется Ю.А. Сорокиным как форма существования лингвокультурной общности в знаковых средствах другой лингвокультурной общности. В этой связи он вводит понятие текста-ментефакта, изоморфного исходному тексту и принадлежащего соответствующей культуре.

Сфера интересов этнопсихолингвистики весьма широка, она выдвигает на обсуждение многие теоретические проблемы, которые остаются неразрешимыми в рамках лингвистики, психолингвистики, культурологии.

Построение нового концептуального аппарата для анализа динамики межкультурного общения составило задачу системно-семиотического исследования И.Э. Ключанова, ученого из Твери, автора многих исследований о межкультурном общении и его динамике, который трактует *семиозис* как перевод, создающий разнонаправленный и многомерный коммуникативный универсум — силовое поле. Это поле находится в состоянии равновесия, если разница потенциалов между взаимодействующими субъектами незначительна и если коммуникативная дистрибуция задействованных во взаимодействии знаков приблизительно равна, но оно теряет относительное равновесие в случае, когда разница потенциалов между взаимодействующими субъектами и коммуникативная дистрибуция знаков становятся критическими субъектами. Крайняя

разбалансированность силового поля наступает, когда лишь одна культура может оценить определенный знак, поскольку он отсутствует в другой культуре. При таком подходе наряду с учетом специфики семиозиса обосновывается необходимость рассмотрения не отдельных фактов, а фактов, включенных в коммуникативный универсум, обладающий собственными свойствами и закономерностями функционирования.

Л и т е р а т у р а

Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество. М., 1982.

Левяш И.Я. Культура и язык. Минск, 1998.

Этнопсихоллингвистика. М., 1988.

Язык и наука конца 20 века. М., 1995.

Язык в контексте общественного развития. М., 1994.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

Какие существуют современные подходы к языку?

Какие вы знаете функции языка?

Каково происхождение сакральных текстов?

Что такое массовая информация и каковы ее свойства?

Что такое коммуникация?

Чем отличается социоллингвистика от лингвострановедения?

Что является предметом лингвострановедения?

Что изучает этнопсихоллингвистика?

Со времен античности людей занимала проблема культуры. В античности почитали деяния предков, мифологических культурных героев, законодателей, педагогов. Богословие разрабатывало догматику, исследовало правильность новых положений, сравнивая их с уже созданными. В Новое время сложение нового видения мира привело к тому, что стало образовываться философствование над проблемами культуры. Каждая философская система либо включала осмысление проблем культуры, либо строила специальные системы, посвященные исключительно культуре. Особенно активно философия культуры стала развиваться в XX в.

Философия культуры фактически была частью античной философии и частью философии Средних веков и Нового времени. Но в XX в. культура выделилась в отдельную часть философствования. Философия культуры в XX в. стала делиться на *философию культуры личности*, или философскую антропологию, и *философию культуры общества*. Одновременно из философии культуры общества выделились философия техники, философия науки, семиотическая философия, философия технологий высшего образования и многое другое. Разрабатывалась также *философия теории управления* — прагматизм, ленинизм, учение Маркузе, философская теория информации (в той ее части, которая касается управления). Эти части философии оказались обращенными к управлению обществом в целом, но также затронули проблему управления организациями.

Экономическая и политическая практика в области менеджмента и консультирования предъявили требования полноты, достоверности (в смысле соотнесенности с фактами) и способности развивать научную дедукцию на основании фактических данных, добываемых эмпирическим и индуктивным путями. Знания о культуре в соответствии с этим должны стать не только философскими, но и *эмпирическими, конкретно-научными*. В этом смысле эмпирические и конкретно-научные знания стали называться *теорией культуры*, или *культурологией*. В этом названии часть, называемая "логия", предполагает установление метода науки, правил нахождения, верификации и обработки научных данных, правил ведения рассуждения о данных на основе научного метода и указаний на источники культурологического знания. Построение всякой

науки начинается с оценки и анализа источников. Затем формируется метод, и после этого устанавливается принцип выделения и оперирования фактами, т.е. ведение научного рассуждения.

Источники культурологии как эмпирической науки относятся к историко-филологическому циклу наук, который подразделяется на три главные области: 1) собственно *исторические науки*, 2) *вспомогательные исторические дисциплины* и 3) *прикладные культуроведческие, или культурологические, дисциплины*.

К историческим наукам относятся: гражданская история, история науки и истории конкретных наук, история искусства и истории отдельных искусств, история техники, история технологии сельского хозяйства, история физической культуры, история религии, история педагогики, история военного искусства и т.д.

Характерная черта всех этих исторических учений заключается в том, что они систематизируют важные для человечества факты под углом зрения той или иной историографической концепции. Прикладное значение истории состоит в выделении этих фактов как precedентов жизни общества, имеющих уникальное неповторяющееся значение. С точки зрения исторической науки, факты, отбираемые ею, всегда должны быть показательными. Показательность этих фактов состоит в том, что каждый из них отличается уникальностью. Если историк берет какой-либо типичный факт, например урожай, собираемые регулярно, они, конечно, представляют собой обыденное, повторяющееся явление, но все же историк рассматривает этот факт как свидетельство агрикультуры, общественных отношений, особенностей данной местности, и его интересуют не регулярные сборы зерна, а определенный уровень агрикультуры и общественных отношений, для которых факт сбора зерна показателен.

Уникальность исторических фактов рассматривается таким образом во временном ряду как показатель этого временного ряда, как место во времени и в историческом пространстве — хронотоп.

Назначение истории, как известно, имеет педагогический и практический характер: педагогический — как знание precedентов, а практический — как знание того, какие действия привели к неудачным результатам, отсюда знание культурных запретов. Еще одной важной чертой истории является то, что ее фактографической основой являются биографии и хронологии. Они составляют первоначальное ядро фактов, на которых строится историческое описание, создаваемое под углом зрения той или иной историографической концепции. Суть любой концепции состоит в отыскании движущих сил истории и обстоятельств, в которых эти движущие силы действовали.

Прикладные исторические науки — архивоведение, библиотековедение и библиография, музееведение, востоковедение, краеведение, экология (и природопользование) — описывают технику ведения культурных учреждений, с одной стороны, и знания, необходимые для консультирования разного рода проектов, с точки зрения согласованности проектов с законами культуры, с другой. Архивоведение, библиотековедение, библиография и музееведение — дисциплины, назначение которых обучить работе в культурных учреждениях. Роль востоковедения, краеведения и экологии (и природопользования) состоит в консультировании проектов на основании комплексных знаний о природе, технике и культуре тех мест, к которым относятся данные проекты.

Характерной чертой прикладных дисциплин, занимающихся деятельностью культурных учреждений, являются методы собирания самих фактов культуры или сведений о них, их классификация и кодификация с целью представить эти факты и сведения наиболее удобным образом, с точки зрения доступности, быстроты поиска и полноты представляемых сведений. Это классификационные науки, где классификация ориентирована на информационные запросы.

Что касается востоковедения, краеведения и экологии (и природопользования), то их изучение позволяет формулировать экспертные оценки по предлагаемым проектам. Экспертные оценки в этом отношении схожи с деятельностью культурных учреждений. Разница заключается в том, что архив или библиотека могут представить сведения или знания на запрос их потребителя. На основании ответа запрашивающий сам должен сформулировать свои выводы.

В случае экспертных оценок, идущих от востоковедения, краеведения и экологии, оценки формулируются человеком, обладающим соответствующими знаниями (консультантом) и независимо от конкретности запроса. Но носителем знаний выступает человек, прошедший соответствующую подготовку, накопивший необходимые знания и проводивший соответствующие исследования. Ответ он формулирует в виде критики того или иного проекта. Критика проекта позволяет избежать ошибок при его разработке и направить разработку в более правильном, с точки зрения культуры, направлении.

Вспомогательные исторические дисциплины (археология, этнография, историческая география, палеография, эпиграфика, геральдика, нумизматика, сфрагистика, текстология) называют также историко-филологическими науками, которые, за исключением археологии, имеют отношение к текстовым источникам, но обрабатывают их по-разному. Этнография имеет дело с показателями информантов, которые потом систематизируются; историческая география обрабатывает текстовые источники и занимается картографированием; текстология, па-

леография, этнография, нумизматика, сфрагистика изучают тексты на писчих и неписчих материалах; геральдика имеет дело с описаниями и изображениями гербов, представляющих лица, учреждения и местности. Вспомогательные исторические дисциплины имеют дело с фактами материальной культуры, т.е. с вещными остатками, изучают создание и использование материалов, на которых тексты исполнены. Эти данные позволяют сформулировать знания о месте и времени событий, о действующих лицах.

Свойство языка служить посредником между всеми семиотическими системами объясняется тем, что язык, частью которого являются имена, позволяет самым экономным способом передавать мысли и чувства.

Факты физической, духовной и материальной культуры, культуры личности, общества или коллектива (организации) сами по себе не являются словом, но обязательно отражаются в слове в виде имен — номенклатурных названий фактов культуры.

Эта роль имен — служить средством фиксации и систематизации фактов культуры — видна, например, в деятельности музея. Музей хранит, как правило, вещный материал, но всякая вещь, поступившая в музей, отражается в документах музея. Центральным документом является каталог, где поименованы все предметы, взятые на хранение.

Всякое дело, поступившее в архив, входит в номенклатуру дел и получает в описи имя. Номенклатура дел позволяет находить дела исторiku, работающему в архиве, а если архив принадлежит организации, то сотруднику организации.

Организация библиотечных фондов контролирует фонды библиотеки: выбрасывает книги, не имеющие культурного значения, и отбирает те, которые обладают культурной ценностью. Они работают, имея в качестве главного документа каталог библиотеки. В свою очередь, каталоги перестраиваются в зависимости от того, как выглядит система духовной культуры, содержащаяся в книгах.

Дидактика — содержание учебного предмета — в этом случае представляет собой систему основных фактов культуры. Каждый такой факт культуры или их историческая и типологическая группировка имеет название ("Ахемениды", "Среднеазиатский эллинизм", "Парфянское царство") либо собственно имя ("Кир", "Александр Македонский" и т.п.). Система таких имен, называющих классы культурных объектов, составляет полученную консультантом информацию, которой он оперирует.

Таким образом, как факты языка они являются культурными объектами и как имена — носителями информации о всех других фактах культуры неязыкового характера.

Создание информационных систем во второй половине XX в. в особенности усилило функцию имен как носителей информации о фактах культуры.

Информационная техника позволяет работать в областях всех семиотических систем. Объем этих данных и знаний зависит от исходных данных, вводимых в информационно-поисковую систему, и может быть неограниченно большим. Примером может служить Интернет, представляющий каталоги и реферативную информацию основных библиотек, а также учебные курсы и позволяющий общаться десяткам миллионов персональных компьютеров. Информационная техника дает возможность формально разделить культурно-значимую информацию, концентрирующуюся в ИПС (информационно-поисковых системах), и текущую, функциональную информацию, из которой еще предстоит выделить факты культуры, чтобы затем ввести их в ИПС.

Минимальные единицы, передающие информацию, — это *слово* и *лексема* — словосочетание, представляющее два и более слова, связанных в одну лексическую единицу. Слова и словосочетания — лексические единицы, отбираемые как носители культурно-значимой информации, представляют собой имена.

Именем называют лексическую единицу, значение которой представляет собой прямое (т.е. непереносное) именование предмета или предмета мысли. В соответствии с данными языкознания именование может быть трех родов: первичное, вторичное и терминирующее.

Под *первичным* именованием понимают процесс называния словом какого-либо предмета мысли, который создан в мысли или в действительности впервые. К первичным именованиям могут относиться остенсивные (антоним слова "интенсивные") определения.

Вторичные имена образуются в контексте речи как переназывания уже известных предметов мысли. Главной формой вторичного именования являются контекстные определения. Контекстные определения разнообразны. Благодаря контекстным определениям образуются синонимы первичных, вторичных и терминированных имен.

Терминирование представляет собой использование результатов первичного и вторичного именования для установления фиксированного значения лексических единиц. Фиксированное значение предполагает устранение синонимии с помощью социальной фиксации значения лексических единиц для называния определенного предмета мысли. В терминировании применяются главным образом родовидовые и функциональные определения.

Создание первичных имен предполагает действие трех функционально различных деятелей: ономотетета, диалектика и пользователя. Процедура создания первичных имен описана Платоном в диалоге "Кратил". Ономотетет изобретает имя. Диалектик рассматривает, удачно ли изобретено имя, утверждает или отклоняет изобретение. Пользователь применяет имя.

Троичная схема названия первичных имен применяется к любому первичному имени. Например, родители называют новорожденного — это действия ономотетета, община (в наше время это органы ЗАГС) рассматривает, утверждает (но может и отклонить) предлагаемое родителями имя и выдает метрическое свидетельство. Все кадровые дела в дальнейшем ведутся на основании утвержденного имени. Ласковые и бранные названия, клички являются вторичными именованиями. Или, мореплаватель открывает остров и дает ему имя. Государство по отчету мореплавателя утверждает (или изменяет имя). Картограф наносит название острова на карту. Государство — диалектик, картограф — пользователь.

Существуют следующие основные виды имен:

- 1) названия первичных природных явлений (Луна, ураган "Лилия");
- 2) антропонимы — имена людей;
- 3) зоонимы — официальные клички животных в родословных, например "Холстомер";
- 4) топонимы — названия мест ("Москва");
- 5) гидронимы — названия вод ("Нева");
- 6) прагматимы — собственные имена вещей, созданных человеком (корабль "Петр Великий", корпорация "ЮКОС");
- 7) названия действий (сварка, ковка, говорение);
- 8) хрононимы — названия дат и мер времени (Октябрьская революция, 1917 год от Рождества Христова).

Восемь разрядов имен охватывают все принципы знакомства человека с окружающим миром. В отличие от первичных имен, термины образуются выделением из речи слов и выражений для называния видов деятельности с целью ее организации. По способам терминирования выделяются восемь разрядов терминов:

- 1) философские — даются и утверждаются создателем философской системы, используются критиками;
- 2) научные — даются авторами изобретений и открытий, обсуждаются ученым сообществом, используются в научных текстах;
- 3) технические — даются изобретателем, утверждаются стандартом, используются производителем;
- 4) измерительные — даются организацией, утверждаются соглашением организаций, используются в расчетах;
- 5) номенклатуры — даются фирмами, утверждаются авторским правом, используются в технике и коммерческих организациях;
- 6) искусств (в том числе практических) — даются анонимно, утверждаются традицией обучения, используются в дидактике и методике;
- 7) командные — даются изобретателем действий, утверждаются в текстах наставлений, используются исполнителями команд и командующими лицами;

8) прогностики — назначаются традицией, обсуждаются сообществом, дающим прогноз, например гадателями, используются в процессах прогностики.

Философские термины определяются и утверждаются автором философской системы и присущи только данной системе. Одна философская система отличается от другой. Они в составе словника определяются научной традицией. Словник терминов обрисовывает модель мира, присущую данной науке. Но значение отдельного термина переопределяется в контексте данного научного сочинения. Поэтому значение данного термина в составе множества научных терминов образует особую образную область. Родовидовое дефинирование для нужд информационных систем возможно лишь по контрасту с другими терминами науки.

Научные термины присущи текстам одной науки и ограничивают одну науку от другой. Они в составе словника определяются научной традицией. Словник терминов обрисовывает модель мира, присущую данной науке. Однако значение отдельного термина может быть переопределено в той или иной науке, в контексте определенного научного сочинения отдельным автором этого сочинения. Поэтому значение отдельного термина в составе множества научных терминов образует особую образную область. Родовидовое дефинирование для нужд информационных систем возможно лишь по контрасту с другими терминами этой науки.

Технические термины по характеру дефинирования двойные: основные базовые термины, которые определяются списком терминов стандарта, и небазовые, но развивающие смысл базовых в технических документах. В документах эти термины обычно представлены сочетаниями слов, смысл которых понятен из сочетания их элементов, но нередко он дополнительно определяется родовидовой дефиницией функциональной ("что для чего служит").

В противоположность техническим терминам *номенклатурные* названия даются одному объекту материальной культуры много раз: название объекта в разработке (условное имя), официальное название изделия, торговое название, название, принятое в потреблении изделия. Всякий раз название регистрируется, и регистрация названия есть официально и юридически защищаемое имя.

Измерительная терминология включает названия мер и способов измерения. Эти термины жестко стандартизированы фирменными, внутригосударственными и международными стандартами, так как это способ разрешения споров о параметрах и качествах изделия и адресах его существования.

Командные термины содержатся в руководствах по эксплуатации изделия и представляют собой включение изделия в общественное

пользование. Они называют стандартные правильные операции по эксплуатации изделия и могут быть предметом экспертизы при неправильной эксплуатации изделия.

Термины *трудовых искусств* ("резание", "строгание", "прокаливание", "дистилляция" и т.п.) дефинируются традицией трудовой деятельности. Они фиксируют правильное ведение трудовых процессов. В своей смысловой сути они не отличаются от терминов прикладных и неприкладных искусств.

Термины *прогностики* характеризуются применением данного термина для обозначения перспективы использования изделия и носят характер слогана, фиксируемого юридически как интеллектуальная собственность фирмы.

Восемь разрядов терминов охватывают организацию людей в процессах совместной деятельности, ее оценки и прогноза на будущее.

При собирании информации о фактах культуры используются первичные имена и термины. Первичные имена и термины собираются по данным словарей, каталогов, учебных руководств. Поскольку между первичными именами и терминами находятся вторичные имена и поскольку динамика общества изменяет социальные структуры первичного именования и терминирования, то постоянно изменяются и возникают имена и синонимы в первичных именах и терминах. Нередко из-за именной удаленности от акта именования вторичные имена в практике текстов могут замещать первичные имена и термины и первичные имена должны проверяться на синонимию, а синонимы устраняться из рассмотрения.

Способом проверки на синонимы и устранения синонимизации является сбор энциклопедической, реферативной и другой информации о терминах и первичных именах. Культуролог, описывая формы и виды культуры в целом или некоторые части и формы видов культуры, устраняя синонимы, строит список имен для сбора информации о фактах культуры. Имена дают ориентирующую информацию о фактах культуры и указывают направление обследования самих фактов культуры и подробной информации о них.

Списки имен (первичных и терминов), будучи составленными корректно, дают полноту охвата первоначальной информации в избранной области обследования и изучения фактов культуры. Полнота первоначальной информации позволяет применить далее методы системного исследования. Конкретизация метода исследования зависит от предмета и задач исследования.

В общей и сравнительной культурологии основным источником сбора первоначальной информации являются толковые и отраслевые словари и энциклопедии. Сбор первоначальной информации предполагает

ее первоначальную систематизацию, позволяющую затем перейти к детальному обследованию фактов культуры и их исследованию.

Средством первоначальной систематизации является тезаурус. *Тезаурус* — словарь имен (первичных и терминов), упорядоченный по значениям слов. Главным средством упорядочения являются родовидовые определения. Отношения рода и вида в тезаурусе строятся так, что название рода предполагает далее перечисление всех видов, входящих в род. Так производится деление до тех пор, пока список имен не будет исчерпан и каждое имя не найдет свое место в родовидовых иерархиях.

Тезаурус является основным способом упорядочения информации в информационно-поисковых системах (ИПС). На основании тезаурусов ведется диалог пользователя с данной ИПС, так как в зависимости от конкретного назначения ИПС тезаурус может быть построен по-разному.

Однако, поскольку любая ИПС опирается в своем содержании на библиографические и архивные предметные и тематические классификации, а эти классификации структурируют общественно-необходимые знания о культуре в их относительно новой классификации, тезаурусы разных ИПС сохраняют достаточное смысловое единство.

Библиографические и архивные предметные и тематические классификации верифицируются через запросы читателей библиотек и архивов. Эти запросы заставляют совершенствовать библиотечные и архивные классификации применительно к интересам общества в данный момент времени, дорабатывать и перестраивать систематизацию информации о фактах культуры.

Каталог художественного музея позволяет знакомиться с картинами, скульптурами и другими произведениями искусства, словарные и энциклопедические сведения позволяют обратиться к каталогам ряда музеев и получить полную информацию, которую затем лицо, исследующее художественную культуру или выступающее как эксперт-консультант при приобретении предметов искусства, должно использовать, обращаясь к информации о них и к непосредственному освидетельствованию этих предметов.

Более сложна работа культуролога-краеведа. Он не располагает каталогами как первоначальной информацией, если ему приходится консультировать в области материальной культуры. Помимо обращения в ИПС, что не всегда возможно, он для сбора первоначальной информации должен обратиться к толковым словарям, энциклопедиям, отраслевым словарям, архивам, картам и картографическим материалам и сам составить тезаурус для создания системы первоначальной информации, затем на основании этого тезауруса приступить к обследованию реальных объектов материальной культуры и составить их систематическое

описание. В ходе работы над этим описанием будет выясняться содержание консультативных рекомендаций.

Трактовка культуры как универсальной технологии человеческой деятельности создает необходимые условия для создания единой технологической цепи, обеспечивающей совокупную деятельность. Разработка культурологической теории выдвигает наряду с другими проблему космоизации культуры, ибо теория культуры также оказывается связанной с практикой глобального моделирования. Эта практика позволяет проводить мысленные эксперименты по разработке различных альтернативных вариантов эволюции культуры. Цель состоит в том, чтобы дать научно обоснованную инвариантную характеристику общего класса явлений культуры (включая и гипотетически предполагаемые внеземные цивилизации) исходя из единственно известного нам их проявления — земной культуры. Это можно сделать при условии, если исследование не будет ограничено анализом свойств объектов культуры, а будет дополнено сравнительным анализом форм культуры с реальными, земными объектами другого уровня, относящимися к классу самоорганизующихся систем, т.е. с формами биологической жизни. Характеристика общего класса явлений может быть дана путем вскрытия инвариантов самоорганизации и соединения полученных знаний со знаниями о системных свойствах человеческой культуры.

Принципиальные различия социокультурных и биологических систем позволяют вместе с тем непосредственно представить себе реальные общие свойства присущих им типов организации и установить фундаментальные, инвариантные свойства класса объектов, именуемых цивилизацией. Это помогает вырабатывать критерии данных типов организации.

Л и т е р а т у р а

Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). М., 1983.

Рождественский Ю.В. Введение в культурологию. М., 1996.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

Расскажите о генезисе культуры.

Как вы понимаете, что такое культурология?

Какие бывают источники культурологии?

Какие прикладные культурологические науки вы знаете?

Какие вспомогательные исторические дисциплины вы знаете?

Как происходит кодификация фактов культуры?

3. КУЛЬТУРОЛОГИЯ КАК ОБЛАСТЬ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Предметом **культурологии** являются исследования многообразных процессов жизнедеятельности людей — материальных, экономических, социальных, политических, моральных, эстетических, а также других, которые раскрывают культуру как форму и способ существования человека.

Культурология изучает наиболее общие закономерности развития культуры, ее базовые характеристики, присутствующие во всех известных культурах человечества. Своей задачей культурология считает исследование всех процессов взаимодействия человека с миром природы, миром социума и миром физического и духовного бытия человека. В этой связи предметом ее исследования являются искусственная среда, созданная человеком; язык как универсальное средство общения между людьми; знания, нормы и ценности общества; социальные общности и социальные организации; демографические и этнические процессы, происходящие в обществе.

Как любая область социального знания, культурология осуществляет свое познание феноменов культуры на основе ряда понятий и категорий, в которых раскрываются содержательные и специфические характеристики исследуемых процессов, явлений и объектов культуры.

Любые объекты исследования в сфере культуры являются сложными, многофункциональными по своему содержанию, в процессе их познания культурологи используют разнообразные методы исследования, разработанные в других областях науки об обществе, начиная от самых общих — философии, этики, социальной антропологии — и кончая демографией или экономической статистикой.

Многозначность самого термина "культура" предполагает не одно, а множество определений этого базового понятия.

Наиболее широкое определение подчеркивает, что культурой является все то, что создано людьми, что фиксировано в вещной, символической или знаковой форме и имеет не индивидуальный, а интересующий характер.

Культура предполагает определенный вещный мир, так же как и мир идей и образов.

Культура — это определенные сферы деятельности, а значит система учреждений и организаций.

Культура — это техника и технология производства и потребление.

Культура — это традиции и нормы, обычаи и предпочтения, оценки и вкусы, интересы и потребности.

Наконец, культура — это определенные действия и поступки людей, их типичный для данного общества образ жизни.

В каждой из областей исследования культуру определяют по-своему, давая такое понятие, которое выделяет самую значимую существенную характеристику в данной области.

Специфическим термином собственно культурологического знания является термин "артефакт культуры"¹, обозначающий любой искусственно созданный объект, имеющий как определенные физические характеристики, так и знаковое символическое содержание. Артефактом культуры могут быть названы предметы и вещи, техника и орудия труда, одежда и хозяйственная утварь, жилище и дороги, созданные людьми. К артефактам относятся также и любые феномены духовной жизни общества, будь то научные теории и суеверия, произведения искусства и фольклор, короче, все то, что характеризуется как духовная (идеационная) сторона жизни общества. Научный анализ созданных людьми объектов, или артефактов, позволил понять их природу, а также порождающиеся на основе создания артефактов отношения и взаимодействия людей между собой. Именно это позволило культурологам определять артефакт как элементарную единицу при изучении динамики культуры и выявлять его внутреннюю форму, неразрывную связь артефакта с активностью людей и ее направленностью, а также коммуникативное значение в культурной жизни конкретного общества.

По выражению Н.А. Бердяева, техника — это последняя любовь человека, и он готов изменить свой образ под влиянием этой любви. Слово "техника" можно понимать двояко: *téchne* (греч.) — и индустрия, и искусство, *technaxa* (греч.) — фабриковать, создавать искусно. И в данном случае речь идет не только о технике экономической, промышленной, военной, технике, связанной с передвижением и комфортом жизни, но и о технике мышления, стихосложения, живописи, танца, права, о технике духовной жизни и мистике жизненного пути. Техника всюду учит достигать наибольшего результата при наименьших затратах сил.

Н.А. Бердяев считает, что без техники невозможна культура, с нею связано само возникновение культуры. В то же время окончательная

---

¹ Артефакт (лат. *artefactum* — искусственно сделанное) — внешнее материальное произведение, материальный объект. Понятие употреблено впервые Т. Кольриджем в 1834 г. В литературном произведении можно различать "артефакт" и "эстетический объект".

победа техники над культурой, влечет ее к гибели. Философ выделяет два элемента: технический и природно-органический. Окончательная победа первого над вторым означает перерождение культуры во что-то иное, на культуру уже не похожее.

Еще Аристотель как автор "Метафизики" зафиксировал глубокое различие между природой и техникой. Естественные объекты возникают сами по себе в результате реализации заложенных в природе возможностей. Часть своих возможностей природа сама по себе реализовать не может. А самое главное, продукты ее эволюции, стихийного, но целесообразного процесса не отделены от нее самой, а принципиально включены в ее структуру. Все, что не укладывается в ее локальную систему, отсеивается.

Человек, создав технику, получил возможность менять условия своего существования и меняться самому. При этом он стал основоположником принципиально нового объективного процесса — культурного, когда форма и материал оказались в разных руках (человека и природы), а изделия мастера обрели собственную основу и получили возможность функционировать наряду с человеком и в определенной степени дистанцироваться от природы.

Любопытно, что процветание культур и государств представлялось как бы растительно-животным процессом. Культура была полна символами, в ней было отображение неба в земных формах, даны были знаки иного мира в этом мире. Техника же чужда символике, она реалистична, она ничего не отображает, создает новую действительность, в ней все присутствует здесь и сейчас. Она отрывает человека от природы и от миров иных.

Представляет огромный интерес различие Н.А. Бердяевым *организма* и *организации*. Организм рождается из природной, космической жизни, и он сам рождает. Признак рождения есть признак организма. Организация же совсем не рождается. Она создается активностью человека, она творится, хотя творчество это и не есть высшая форма творчества. Организм не есть агрегат, он не составляется из частей, он целостен и целостным рождается, в нем целое предшествует частям и присутствует в каждой части. Организм растет и развивается.

В организации же есть целесообразность совсем иного рода, она вкладывается в нее организатором извне. Механизм составляется для подчинения его определенной цели. Он не рождается с присущим ему замыслом. Часы действуют очень целесообразно, но они созданы пустившим их в ход человеком. Организованный механизм в своей целесообразности зависит от организатора. Но в нем есть инерция, которая может действовать на организатора и даже поработать его.

Организованный механизм, т.е. машина, задает человеку много вопросов. Американский культуролог Льюис Мамфорд считает, что если мы поймем, как появилась машина и проследим ее последующее развитие, то сможем по-новому взглянуть на происхождение нашей сверхмеханизированной культуры, на судьбу и будущее современного человека. В первоначальной мифе машины были выражением сумасбродных надежд и желаний, которые полностью осуществились в современную эпоху. Но в то же время миф машины ввел запреты, ограничения, наладил атмосферу принудительности и рабоплепия, которые и сами по себе, и как следствие вызванных ими противодействий угрожают еще более пагубными последствиями.

По мнению того же Мамфорда, около 5 тыс. лет тому назад появилась *монотехника*, целиком посвященная увеличению власти и богатства путем систематической организации повседневной деятельности по строго механическому образцу. Именно тогда возникла новая концепция природы человека и появился новый акцент на использование физических энергий, космической и человеческой, помимо процессов роста и размножения.

Теперь же мы живем в эпоху *мегатехники*, считая, что человек своим интеллектом, своими способностями главным образом обязан изготовлению и использованию орудий труда — машин, механизмов, и думаем, что все органические процессы, биологические функции и человеческие способности можно перевести в извне контролируемую, механическую, автоматическую и саморазвивающуюся систему. Возникает вопрос: совместима ли возможная предназначенность этой системы с дальнейшим развитием специфических человеческих потенциальных возможностей?

В 2000 г. Билл Джой, один из ведущих ученых Силиконовой долины, указал направления развития технологий, представляющих наибольшую угрозу человечеству, если их не поставить под контроль. Это в миллионы раз более мощные компьютеры, способные воспроизводить себе подобных; достижения в области генетики, которые видоизменяют структуру биологической жизни; нанотехнологии, позволяющие создать сложные объекты на атомарном уровне. У всех трех технологий есть общая особенность, которая не присуща, к примеру, атомному оружию: они имеют способность к самовоспроизводству. В случае выхода из-под контроля человека "новая жизнь" может распространиться по всему миру, не оставив в нем места ничему другому. Человечеству в третьем тысячелетии будет о чем беспокоиться.

Очень важным моментом существования *homo sapiens* сегодня стала экологическая этика, значение которой для культурного развития человечества непрерывно возрастает. Экология как наука опирается на ряд

понятий. *Биосфера* — это область активной жизни, включающей в себя как живые организмы, так и среду их обитания. *Биоценоз* — совокупность растений, животных и микроорганизмов, населяющих данный участок суши или моря, водоема, характеризующихся особыми отношениями между собой и приспособленностью к условиям окружающей среды. Непременным участником биосферы и биоценоза является человек. Экологическая культура на нашей планете складывается в определенной степени как противовес культу техники, сформировавшемуся в европейских странах. Некто Ж. Дорст, один из инициаторов экологического направления в христианской культуре, полагает, что мы живем в эпоху техники, когда гуманитарий уступил место технократу, когда цивилизация человека постепенно заменяется цивилизацией машин и роботов, которые, быть может, поглотят нас когда-нибудь совсем, как в романах современных писателей-фантастов.

Иначе говоря, через культуру, которая обеспечивает глубокое погружение в мир психологии людей и народов, можно показать действие механизмов истории, сокровенные тайны человеческого бытия. Для понимания культуры надо рассматривать ее в динамике и пытаться проникнуть в ее "роковую диалектику". Тут могут родиться откровения не только из области культурологии, но и истории. Прямолинейные учения о прогрессе никуда не годятся и не выдерживают никакой критики. Американский политолог С. Хантингтон даже полагает, что судьбы XXI в. зависят от культурологии. Грядет столкновение цивилизаций, которое будет определять перспективы мира.

Но что такое цивилизация и в чем ее отличие от культуры?

Понятие "цивилизация" восходит к XVI в. (от лат. *civilis* — гражданский, общественный) и первоначально обозначало противоположность дикости, т.е. является синонимом культуры. Различать эти два термина начали в конце XIX в. в немецкой научной литературе. Под цивилизацией стали понимать совокупность материальных и социальных благ, приобретаемых обществом благодаря развитию общественного производства. Культура же тогда признавалась духовным содержанием цивилизации многозначно.

В наши дни можно отметить три значения слова "цивилизация". Во-первых, это традиционная *культурфилософская проблематика*, восходящая к немецким романтикам. В этом значении "культура" и "цивилизация" уже не воспринимаются как феномены. Органика культуры противопоставляется мертвящему механизму цивилизации. Во-вторых, это *движение мира* от расколотого к единому. В-третьих, это *плюрализм отдельных разрозненных цивилизаций* (пересмотр восходящей к христианству общечеловеческой перспективы).

Само понятие "цивилизация" окончательно еще не определилось, хотя никто не сомневается в том, что цивилизация является основным феноменом исторического развития. Трудность заключается в том, что немецкому термину *Hochkultur*, введенному Шпенглером, соответствуют английский и французский термины *civilisation*, но у Шпенглера "цивилизация" означает последнюю стадию культуры, ее упадок.

В морфологическом учении о культурах выделяют два направления: к одному из них относят Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера и А. Тойнби, к другому — американского антрополога Ф. Нортропа, А. Кребера и П. Сорокина. Отличие второго направления заключается в том, что его сторонники стремятся найти в океане мировых феноменов не отдельные строго очерченные системы, а объединяющие их "культурные супер-системы" (термин П. Сорокина), и именно их считают культурными целостностями, являющимися определенными символами.

П. Сорокин считает, что между обоими направлениями есть ряд точек соприкосновения и выводы, к которым пришли представители обоих направлений, очень близки. Те и другие признают наличие сравнительно небольшого числа культур, не совпадающих ни с нациями, ни с государствами и различных по своему характеру. Каждая такая культура является целостностью, холистическим единством, в котором части и целое взаимосвязаны и взаимообусловлены, хотя реальность целого не соответствует сумме реальностей отдельных частей.

Известный и популярный среди философов английский культуролог А. Тойнби (1889—1975), продолжающий линию Н.Я. Данилевского и О. Шпенглера, выдвинул концепцию локальных цивилизаций. Его монументальное исследование "Изучение истории" представляет собой шедевр макросоциологической науки. С его точки зрения, истинной областью исторического анализа должны быть общества, имеющие как во времени, так и в пространстве протяженность большую, чем национальные государства. Они-то и называются "локальными цивилизациями".

А. Тойнби рассматривает развившиеся цивилизации: западную, две православные (русскую и византийскую), иранскую, арабскую, индийскую; две дальневосточные, античную, сирийскую, цивилизацию Инда, китайскую, минойскую, шумерскую, хеттскую, вавилонскую, андскую, мексиканскую, юкатанскую, майя, египетскую и др. Он указывает на четыре остановившиеся в своем развитии цивилизации (эскимосскую, момадическую, оттоманскую и спартанскую) и на несколько мертворожденных.

По мнению Тойнби, рост цивилизации не сводится к географическому распространению общества. Он не вызывается им. Если географическое распространение с чем-нибудь положительно связано, то скорее с задержкой развития и с разложением, а не с ростом. Подобным же обра-

зом рост цивилизаций не ограничивается и не вызывается техническим прогрессом и растущей властью общества над физической средой. Но существуют соотношения между прогрессом техники и прогрессом цивилизации.

Рост цивилизации, по Тойнби, состоит в прогрессивном, аккумулирующем внутреннем самоопределении или самовыражении цивилизации, в переходе от более грубой к более тонкой религии и культуре. Рост — это непрерывное "отступление и возвращение" меньшинства общества (харизматического, богоизбранного, предназначенного свыше к власти) в процессе всегда нового успешного ответа на всегда новые вызовы среды.

Растущая цивилизация — это постоянное единство. Ее общество состоит из творческого меньшинства, за которым свободно следует, подражая ему, внутренний пролетариат общества и внешний пролетариат варварских соседей. В таком обществе нет братоубийственных схваток, нет твердых застывших различий. В результате процесс роста представляет собой рост целостности и индивидуального своеобразия развивающейся цивилизации.

Важнейшая проблема для Тойнби — это вопрос о том, как и почему "надламываются, разлагаются и распадаются цивилизации"? Не менее 16 из 26 цивилизаций сейчас "мертвы и погребены". Из оставшихся в живых 10 цивилизаций "полинезийская и кочевая... сейчас находятся при последнем издыхании; семь из восьми других в большей или меньшей степени — под угрозой уничтожения или ассимиляции нашей западной цивилизации"².

Тойнби подчеркивает, что упадок нельзя приписать космическим причинам, географическим факторам, расовому вырождению или натиску врагов извне, который, как правило, укрепляет растущую цивилизацию. Нельзя объяснить его и упадком техники, ибо во всех случаях упадок цивилизации является причиной, а упадок техники — следствием или симптомом.

Стадия упадка, согласно Тойнби, состоит из надлома, разложения и гибели цивилизации. Между надломом и гибелью цивилизации нередко проходят столетия, а иногда и тысячелетия. Так, например, надлом египетской цивилизации произошел в XVI в. до н.э., а погибла она только в V в. н.э. Период между надломом и гибелью охватывает почти 2 тыс. лет "окаменевшего существования", "жизни в смерти". Но как бы долго это ни длилось, судьба большинства, если не всех, цивилизаций влечет их к конечному исчезновению, раньше или позже. Что касается западного общества, то хотя оно обнаруживает все симптомы надлома, мы

---

² Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 132.

должны молиться "чтобы нам не было отказано в отсрочке, если мы с сокрушенным духом и сердцем, полные раскаянья, будем просить ее вновь и вновь"³.

П.А. Сорокин (1889—1968) создал другую, рациональную теорию цивилизации. С его точки зрения, культура — явление особого рода, гораздо более сложное и совершенное, чем организм. Она не детерминируется экономикой. В понимании Сорокина, культура выступает как система значений ценностей, с помощью которых общество интегрируется, поддерживает взаимосвязь своих институтов. Культура определяет энергию и направленность человеческих усилий.

В отличие от А. Тойнби, Сорокин выделяет несколько тенденций развития современных цивилизаций. Во-первых, перемещение центра творческих сил. Как известно, эти центры перемещались в истории человечества постоянно. Последним известным нам центром был западно-европейский. Теперь его силы иссякли, и творческая инициатива переходит на американский континент в целом и на восток, в частности в Россию. Другая тенденция обнаруживается в постепенном упадке сенсуалистической культуры, основой которой является уверенность, что за пределами свидетельств наших органов чувств нет ни реальности, ни ценности. Вытеснив средневековую спиритуалистическую культуру, сложившуюся на основе веры в то, что подлинной реальностью является Бог и царство Божье, сенсуалистическая культура распространилась по всей Европе и господствовала с XV по XX вв.

К началу XX в., по мнению Сорокина, ее творческие силы иссякли, продолжая действовать лишь в области науки и техники. Но и здесь она становится разрушительной силой. Вместо того, чтобы служить богу творчества, наука, или, во всяком случае, ряд ее ответвлений, служит дьяволу разрушения. Эту культуру уже ничто не может возродить. Ввиду ее больших заслуг перед человечеством ее надо, как предлагает Сорокин, с благодарностью и почтением поместить в музей.

Сорокин полагает, что намечается зарождение новой культуры или "нового интегрального социокультурного порядка", по его терминологии, борьба между умирающей и зарождающейся новой культурой идет повсюду в каждом человеке, в каждом коллективе и обществе. Меняется представление о характере подлинной реальности и подлинной ценности. Не только в религии и философии, но и в науке утверждается представление, что подлинная реальность обладает не только эмпирическим, сенсуалистическим аспектом, но и несенсуалистическим, рациональным и сверхрациональным аспектом.

---

³ Тойнби А. Постигание истории. С. 132.

Возникающая интегральная культура исходит из предпосылки, что подлинная реальность и ценность бесконечны по своим аспектам и что мы не располагаем терминологией, которая могла бы их отразить. Изменилось и представление о человеке: согласно этому представлению, человек — творец со сверхрационалистическими возможностями и искрами гениальности. Мы ее находим в ряде новых течений, идеалистических или интегральных по своему характеру. Аналогичный процесс и в религии, где на смену догматическим религиозным системам идет "святой дух творчества" и "универсальная религия творческой альтруистической любви". Таким образом, по Сорокину, если не произойдет апокалиптическая катастрофа, интегральная культура может вступить в новую творческую эру.

По словам П. Сорокина, "совокупность смыслов", ценностей и норм в науке, в величайших философских, религиозных, этических или художественных смыслах образует идеологическое целое. Эта идеологическая система вполне осязаемо реализует себя в предметах материальной культуры, в поведении ее носителей, агентов, членов. Кроме обширных культурных систем, существуют еще более обширные системы, которые можно было бы назвать культурными суперсистемами.

Идеология любой из суперсистем, по мнению П.А. Сорокина, базируется на определенных основных посылах или определенных конечных принципах, развитие, разработка и провозглашение которых в совокупности образуют идеологию суперсистемы. Коль скоро идеологии суперсистем являются самыми обобщенными из истин, предположений или ценностей, перед человечеством встает вопрос: "Какова природа истинной и конечной ценности?" И на этот вопрос дается три ответа.

Конечная истинная ценность чувственна. Кроме нее, нет других реальностей и не существует вневещественных ценностей. Из этой основной предпосылки развивается огромная суперсистема, называемая *сенситивной*.

Было и другое разрешение этого вопроса: конечной истинной целью является сверхразумный и сверхчувственный Бог (Брахма, Дао, "Священное ничто" и прочие его ипостаси). Чувственные или какие-либо другие реальности или ценности являются либо миражами, либо псевдореальностями. Такая основная посылка и соответствующая ей культурная система называются *идеациональными* (спиритуалистическими).

Существует и третий ответ. Конечной истинной ценностью является Многоликая Бесконечность, обнимающая все различия, беспредельно качественно и количественно. Человеческий ум, который имеет свои определенные пределы, не может воспроизвести ее доподлинно, не может ее охватить. Эта Многоликая Бесконечность невыразима. Мы способны лишь на очень отдаленное приближение к трем ее аспектам: ра-

циональному, или логическому, чувственному и сверхчувственному (сверхразуму). Все три аспекта реальны и гармонически соединимы в ней. Реальны ее сверхчувственно-разумные и чувственные ценности. Она может называться Богом, Дао, нирваной, Священным Ничто, сверхсущностью (у Дионисия Ареопагита) и расчлененной эстетической непрерывностью (у Ф.С.К. Нортропа). Эта типично мистическая концепция конечной истины, реальности и ценности (и основанная на ней соответствующая суперсистема) называется *идеалистической* (интегральной).

В конечном итоге, учение Сорокина о суперсистемах оказывается ничем иным как учением о типологии цивилизации. В современном мире произошли глубокие изменения и резкие сдвиги. Они неминуемо должны были заменить представление о нации как единице исторического процесса какими-то иными понятиями. Недостатки европоцентризма стали очевидны, а угроза исчезновения западной культуры помогла людям переплавить эту непосредственно переживаемую ими опасность в свое понимание прошлого. Цивилизация таким образом стала одной из основных категорий современной науки.

Культурологи часто пользуются таким понятием, как "массовая культура". Это понятие отразило существенные сдвиги в механизме современной культуры: 1) развитие средств массовой коммуникации (радио, кино, телевидение, видео, дивиди и т.д.); 2) становление индустриально-коммерческого типа производства и распределение стандартизованных культурных благ; 3) демократизация культуры и повышение уровня образованности масс, особенно в России; 4) увеличение времени досуга и затрат на досуг в бюджете семьи. Все перечисленное вместе преобразует культуру и превращает ее в отрасль экономики, в своеобразную индустрию, в бизнес (шоу-бизнес), т.е. в массовую культуру.

Через систему массовой коммуникации печатная и электронная продукция охватывает большинство членов общества. Через единый механизм моды массовая культура ориентирует, подчиняет все стороны человеческого существования: от стиля жилья и одежды до типа увлечений (хобби), от выбора идеологии до форм ритуалов интимных отношений. В настоящее время массовая культура осуществляет культурную "колонизацию" всего мира.

Временем рождения массовой культуры можно считать 1870 г., когда в Великобритании был принят Закон об обязательной всеобщей грамотности. Всем стал доступен главный вид художественного творчества в XIX в. — роман. Вторая вежа — 1895 г., когда был изобретен кинематограф, не требующий даже элементарной грамотности для восприятия информации в картинках. Третья вежа — легкая музыка. Магнитофон и телевидение усилили позиции массовой культуры.

Механизм распространения массовой культуры напрямую связан с рынком. Ее продукция предназначена для потребления массами. Это искусство для каждого, и оно обязано учитывать его вкусы, его запросы. Каждый, кто платит, может заказать свою музыку. Искусство открыло охоту на подростка (юношу и девушку), домохозяйку, спортсмена, рабочего и т.д.

Несмотря на кажущуюся демократичность, массовая культура таит в себе реальную угрозу низведения человека-творца до уровня запрограммированного манекена, человека-винтика, биокомпьютера, клона. Серийный характер ее продукции обладает рядом специфических признаков: примитивизация отношений между людьми; развлекательность, забавность, сентиментальность; натуралистическое смакование насилия и секса; культ успеха, сильной личности и жажда обладания вещами; культ посредственности, условность примитивной символики.

Катастрофическим последствием массовой культуры стало низведение творческой деятельности человека к элементарному акту бездумного потребления. Высокая культура требует высокого интеллектуального напряжения. Произведение искусства в выставочном зале не то же самое, что его воспроизведение на коробке или на майке.

Осмысление проблем массовой культуры было положено книгами О. Шпенглера "Закат Европы", А. Швейцера "Культура и этика", Х. Ортеги-и-Гассета "Восстание масс". По Ортеге, "обезличенная масса" — скопище посредственностей. Вместо того, чтобы следовать рекомендациям естественного "элитарного" меньшинства, она поднимается против него, вытесняет "элиту" из традиционных для нее областей — политики и культуры, что в конечном счете приводит к бедам нашего века. При этом взгляды Ортеги-и-Гассета не лежат в области марксистского учения о революционных массах. Человек, о котором он говорит, это не революционер, готовый к изменению строя, а прежде всего тот "средний индивид", "всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не меряет себя особой мерой, а радостно ощущает себя таким же, как и все, и не только он этим не удручен, но и совершенно доволен собственной неотличимостью"⁴. Будучи неспособным к критическому мышлению, "массовый" человек бездумно усваивает «ту мешанину прописных истин, несвязных мыслей и просто словесного мусора, что скопилась в нем по воле случая, и навязывает ее по простоте душевной везде и всюду "без страха и упрека"»⁵. Такого типа существо в силу своей личной пассивности и самодовольства в условиях относительного благополучия может принадлежать к любому социальному слою — от аристократа крови до просто-го рабочего и даже "люмпена", когда речь идет о "богатых" обществах.

---

⁴ Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С. 309.

⁵ Там же. С. 322.

В общем и целом Ортега подразделяет людей на тех, кто требует от себя многого и сам на себя взваливает тяготы и обязательства, и на тех, кто не требует ничего, кому все равно как и для кого жить, поскольку жить — это просто плыть по течению, оставаясь таким, какой ни на есть, не сились перерасти себя.

Свои рассуждения о появлении новой породы людей — "массового человека" — испанский философ связывает прежде всего с европейской историей и подкрепляет весьма выразительной статистикой. "Славу и ответственность за выход широких масс на историческое поприще несет XIX век, — пишет он, ссылаясь на тот факт, что за все 12 веков своего существования (с VII по XIX столетие) население Европы ни разу не превышало 180 млн человек, а за время с 1800 по 1914 гг., т.е. за сотню с небольшим лет, достигло 460 млн. Столь головокружительный рост, по Ортеге, означал "все новые и новые толпы, которые с таким ускорением низвергаются вниз по поверхности истории, что не успевают пропитаться традиционной культурой"⁶. Особенность всего последующего времени заключается в том, что заурядные души, не обманываясь на счет своей заурядности, безбоязненно утверждают свое право на нее и навязывают ее всем и всюду. Именно отсутствие традиционной культуры в современном обществе приводит к его духовной деградации и падению нравственности.

Написанное под впечатлением Первой мировой войны его эссе стало восприниматься как пророческое, чему способствовали последующие события: появление таких примеров социальной патологии, как фашизм, нацизм, сталинизм с их массовым конформизмом, безудержным самовосхвалением и использованием наиболее примитивных наклонностей человеческой природы. Ортега продемонстрировал механизм антигуманистических установок, навязываемых миллионам оболваненных людей в тоталитарных обществах.

Не следует думать, однако, что массовое общество с его отрегулированным рутинным бытом и отсутствием высоких идеалов фатально обречено на тоталитаризм. Как малообразованный бездуховный субъект не обязательно становится преступником, так и массовое общество — не единственная причина успехов фашизма или сталинизма. Ведь в основе массовости общественной жизни лежат такие неподвластные идеологии материальные факторы, как стандартизированное и конвейерное производство, унифицированное так или иначе образование и тиражируемая информация. Выход значительного слоя людей на некий средний, усыпляющий творческую энергию уровень жизни. Если к этому прибавить и стабилизирующее воздействие принципов демократии,

---

⁶ Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. С. 314.

успехи которой в нашем столетии невозможно отрицать, то следует признать, что феномен массового общества таит в себе постоянную угрозу тоталитаризма.

Важнейшая черта массового общества — массовая культура. Отвечая духу времени, культура, в отличие от практики всех предшествующих времен, становится прибыльнейшей стороной экономики и потому получает такие наименования, как "индустрия развлечений", "коммерческая культура", "поп-культура", "индустрия досуга" и т.п. Наличие досуга требует ассортимента способов убивать время. Особенно важными каналами всеобщей демократизации культуры стали, как мы тому свидетели, кино, телевидение и спорт (в его зрительской части); именно они собирают огромные и не слишком разборчивые аудитории, движимые стремлением к психологическому расслаблению.

Споры, которые ведутся о пользе или вреде "массовой культуры", имеют иной раз чисто политический аспект. Как демократы, так и сторонники авторитарной власти не без основания стремятся использовать этот объективный и весьма важный феномен нашего времени в своих собственных интересах. Во время Второй мировой войны вопросам массовой культуры уделялось особое внимание как на Западе, так и на Востоке.

В противовес массовой культуре в 1970-е гг. в молодежной и материально обеспеченной среде развитых стран складывается неформальный комплекс поведенческих установок, получивших название "контркультура". Термин этот был впервые предложен американским социологом Т. Роззаком ("Становление контркультуры", 1969). Пожалуй, наиболее наглядным и ярким выражением подобного явления стало быстро распространившееся по всем континентам движение хиппи, хотя оно не исчерпало широкого понятия контркультуры. Проповедников и приверженцев контркультуры отличают шокирующая обывателя манера мышления, чувствования и общения; культ спонтанного, неконтролируемого разумом поведения; склонность к массовым "тусовкам", даже оргиям, нередко с применением наркотиков ("наркотическая культура"); организация разного рода молодежных "коммун" и "коллективных семей" с открытыми "беспорядочно-упорядоченными" интимными связями; интерес к оккультизму и религиозной мистике Востока, помноженный на сексуальную революцию и "мистику тела".

Как протест против материального благополучия, конформизма и бездуховности наиболее "богатой" части человечества, контркультура в лице ее последователей сделала главным объектом своей критики, или точнее презрения, существующие социальные структуры, научно-технический прогресс, противоборствующие идеологии и постиндустриальное общество потребления в целом. Она воюет с его повседневно-

ными стандартами и стереотипами, культом мещанского счастья, накопительства, "жизненного успеха" и нравственными "вывертами". Собственность, семья, нация, этика труда, личная ответственность и другие фундаментальные ценности современной цивилизации провозглашаются ими как ненужные предрассудки, а их защитники рассматриваются как ретрограды. Контркультура свидетельствует, что физическое созревание современной молодежи во многом опережает ее духовное и гражданское становление, хотя мы знаем теперь, что немало бывших бунтарей, "перебесившись", стало добропорядочными гражданами и верными защитниками истеблишмента.

Еще одной оппозицией массовой культуры выступает "элитарная культура", основная задача которой сводится к тому, чтобы сохранить в культуре творческое начало и пафос.

Обращаясь к западноевропейской культуре нетрудно обнаружить первые попытки осмысления элитарности в творчестве Гераклита и Платона. У Платона человеческое познание делится на знание и мнение. Знание доступно интеллекту философов, а мнение — толпе. Иначе говоря, здесь впервые выделяется интеллектуальная элита как особая профессиональная группа — хранитель и носитель высшего знания.

В эпоху Возрождения проблема элиты была поставлена Ф. Петраркой в его знаменитом рассуждении "О подлинном благородстве". Благородство по интеллекту, а не по рождению, дань уважения заслугам, а не только титулам, — вот новая постановка вопроса. Когда в 1487 г. император Фридрих III коронует лаврами поэта Конрада Целтиса, возвышая его над всеми придворными, — это дань его таланту. А Целтис был сыном простого крестьянина. Целтис гордится своим происхождением, постоянно вспоминая о нем. Это не мешает ему быть почетным гостем в домах самых знатных и богатых людей его времени, ибо он удостоен самим императором находиться в числе художественной элиты.

"Чернь", "презренные" люди для гуманистов — это необразованные сограждане, самодовольные неучи. Именно по отношению к ним сообщество гуманистов ставит себя в позицию избранного общества, интеллектуальной элиты. Так появляется та категория лиц, которую впоследствии стали именовать "интеллигенцией".

Теория элиты — логическое завершение тех процессов, которые происходили в художественной практике западно-европейской культуры во второй половине XIX—середине XX в.

Лингвокультурология — это наука, исследующая исторически и современные языковые факты духовной культуры. Некоторые ученые (В.Н. Телия) полагают, что она исследует только синхронные взаимодействия языка и культуры, живые коммуникативные процессы и связи используемых в них языковых выражений с синхронно действующим

менталитетом народа. В лингвокультурологии оформилось к сегодняшнему дню несколько направлений:

1) лингвокультурология отдельной социальной группы, этноса в какой-то яркий в культурном отношении период, т.е. исследование конкретной лингвокультурной ситуации;

2) диахроническая лингвокультурология, т.е. изучение изменений лингвокультурного состояния этноса за определенный период времени;

3) сравнительная лингвокультурология, исследующая лингвокультурные проявления разных, но взаимосвязанных этносов;

4) сопоставительная лингвокультурология. Она только начинает развиваться. На сегодняшний день ее хорошо можно представить работой М.К. Голованивской "Французский менталитет, с точки зрения носителя русского языка". Материалом для анализа автору послужили абстрактные в русском и французском языках существительные — "судьба", "опасность", "удача", "душа", "ум", "совесть", "мысль", "идея";

5) лингвокультурная лексикография, занимающаяся составлением лингвострановедческих словарей (Страны Соединенного королевства: Лингвострановедческий справочник / Сост. Г.Д. Томахин. М., 1999; Мальцева Д.Г. Германия: страна и язык: Лингвострановедческий словарь. М., 1995 и др.). На основе таких словарей изучение взаимодействия языка и культуры становится достаточно продуктивным.

В словаре Д.Г. Мальцевой содержится, например, 25 крупных тематических разделов, расположенных в произвольном порядке. Это языковые единицы, отражающие географические реалии Германии, ее климатические особенности, растительный и животный мир, историю страны, старые народные обычаи, поверья, традиции, приметы, старые легенды, символику чисел, символику цвета, свадьбы, похороны, праздники, религиозные верования, развитие денежной системы, мер длины, веса, объема, площади, историю промышленного развития, торговли, науки, техники, медицины, возникновение почтового сообщения, историю архитектуры и градостроительства. Можно перечислить следующие темы, отраженные в словаре: язык, книгопечатание, письмо, студенты и студенческая жизнь, школа, национальные элементы одежды, традиционная кухня, игры, народные танцы, традиционные приветствия и пожелания, этикетные фразы, национальные жесты, личные имена и фамилии, языковые единицы литературного происхождения, афоризмы, немецкие песни, немецкий национальный характер.

В Москве сложилось четыре лингвокультурологические школы.

Школа Ю.С. Степанова по методологии близка концепции французского лингвиста Э. Бенвениста⁷. Целью ее является описание констант

---

⁷ Бенвенист Эмиль (1902—1976) развивал идею о сотрудничестве лингвистики с гуманистическими науками. Форма, с его точки зрения, получает характер структуры, потому что все компоненты имеют ту или иную функцию.

культуры в их диахроническом аспекте. Верификация их содержания проводится с помощью текстов разных эпох, т.е. как бы с позиций внешнего наблюдателя, а не активного носителя языка.

Школа Н.Д. Арутюновой исследует универсальные термины культуры, извлекаемые из текстов разных времен и народов. Эти культуры также конструируются с позиции внешнего наблюдателя, а не реального носителя языка.

Школа В.Н. Телия известна в России и за рубежом как Московская школа лингвокультурологического анализа фразеологизмов (MSLCFras). В.Н. Телия и ее ученики исследуют языковые сущности с позиций рефлексии носителя живого языка, т.е. это взгляд на владение культурной семантикой непосредственно через субъект языка и культуры. Данная концепция близка концепции А. Вежбицкой (*lingua mentalis* — ментальной лингвистики).

Школа лингвокультурологии создана в Российском университете дружбы народов В.В. Воробьевым, В.М. Шаклеиным и др., развивающими концепцию Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова.

Итак, лингвокультурология — гуманитарная дисциплина, изучающая воплощенную в живой национальный язык и проявляющуюся в языковых процессах материальную и духовную культуру. Она позволяет установить и объяснить, каким образом осуществляется одна из фундаментальных функций языка — быть орудием создания, развития, хранения и трансляции культуры. Ее цель — изучение способов, которыми язык воплощает, хранит и транслирует культуру.

При всем различии в существующих направлениях предметом современной лингвокультурологии является изучение культурной семантики языковых знаков, которая формируется при взаимодействии двух разных кодов — языка и культуры, так как каждая языковая личность одновременно является и культурной личностью. Поэтому языковые знаки выполняют функцию языка культуры, что выражается в способности языка отображать культурно-национальную ментальность ее носителей. В этой связи можно говорить о "культурном барьере", который может возникнуть при условии соблюдения всех языковых норм. В качестве примера можно привести описанный А. Вежбицкой случай с английским дирижером. Когда его пригласили руководить немецким оркестром, работа у него не ладилась. Дирижер решил, что это из-за того, что он говорит по-английски и музыканты не воспринимают его как "своего". Он стал заниматься немецким языком, и первое, что он спросил у своего преподавателя, как ему сказать по-немецки фразу: "Послушайте, мне кажется, было бы лучше, если бы мы играли так". Учитель задумался, потом сказал: «Конечно, можно построить фразу и так, но лучше сказать: "Надо играть так"».

Отсюда вывод: культурный барьер связан с различиями в нормах речевого поведения, но также и с различными значениями, которые вкладывают участники общения в, казалось бы, одни и те же слова, т.е. неадекватность фоновых знаний.

Анализ языковых единиц в контексте культуры привел к постановке ряда новых для лингвистики проблем. Лингвокультурология как самостоятельная отрасль знаний должна решать свои специфические задачи и при этом ответить на ряд вопросов, которые в наиболее общем виде можно сформулировать так:

1. Как участвует культура в образовании языковых концептов?
2. К какой части значения языкового знака прикрепляются "культурные смыслы"?

3. Осознаются ли эти смыслы говорящим и слушающим, и как они влияют на речевые стратегии?

4. Существует ли в реальности языковая компетенция носителя языка, на основании которой воплощаются в текстах и распознаются носителями языка культурные смыслы? В качестве рабочего определения культурно-языковой компетенции принимается следующее: естественное владение языковой личностью процессами речепорождения и речевосприятия и, что особенно важно, владение установками культуры; для доказательства этого нужны новые технологии лингвокультурологического анализа языковых единиц.

5. Каковы концептосфера (совокупность основных концептов данной культуры), а также дискурсы культуры, ориентированные на репрезентацию носителями одной культуры, множества культур (универсалии); культурная семантика данных языковых знаков, которая формируется на основе взаимодействия двух разных предметных областей — языка и культуры?

6. Как систематизировать основные понятия данной науки, т.е. создать понятийный аппарат, который не только бы позволил анализировать проблему взаимодействия языка и культуры в динамике, но обеспечил бы взаимопонимание в пределах данной научной парадигмы — антропологической, или антропоцентрической.

Методы лингвокультурологии — это совокупность аналитических приемов, операций и процедур, используемых при взаимосвязи языка и культуры. Поскольку лингвокультурология — интегративная область знаний, вбирающая в себя результаты исследований в культурологии и языкознании, этнолингвистике и культурной антропологии, в ней применяется комплекс познавательных методов и установок, группирующихся вокруг смыслового центра "язык и культура". В процессе лингвокультурологического анализа методы культурологии в лингвистике используются выборочно.

Всякий научный метод имеет свои рамки применения, т.е. аксиомой современной науки является тезис об ограниченности любого метода. Взаимодействующие язык и культура настолько многоаспектны, что познать их природу, функции, генезис при помощи одного метода невозможно.

В лингвокультурологии модно использовать лингвокультурологические и социологические методы: методику контент-анализа (см. тему 7); фреймовый анализ (см. тему 8); нарративный анализ, восходящий к В. Проппу⁸; методы полевой этнографии (описание, классификация, метод пережитков и др.); открытые интервью, применяемые в психологии и социологии; метод лингвистической реконструкции культуры, используемый в школе Н.И. Толстого. Можно исследовать материал как традиционными методами этнографии, так и приемами экспериментально-когнитивной лингвистики, где важнейшим источником материала выступают носители языка (информанты). Данные методы вступают в отношения взаимодополнительности, особой сопряженности с разными познавательными принципами, приемами анализа, что позволяет исследовать сложный предмет взаимодействия языка и культуры.

Особая область исследования — лингвокультурологический анализ текстов, которые как раз и являются подлинными хранителями культуры. Приобщение человека к культуре происходит путем присвоения "чужих" текстов. Будучи ничтожно малым элементом мира, текст (книга) вбирает в себя мир, становится всем миром, замещает собой весь мир для читающего человека.

Л и т е р а т у р а

- Гуревич П.С. Культурология. М., 1996.
Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001.
Тойнби А. Постигание истории. М., 1996.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

Как соотносятся между собой культура и цивилизация? В чем их сходство, в чем различия?

Каковы основные черты концепции А. Тойнби?

Что думал по поводу соотношения культуры и цивилизации П. Сорокин?

Что такое лингвокультурология?

Какие существуют школы в лингвокультурологии?

---

⁸ В.Я. Пропп (1895—1970) — выдающийся эмпирик, пристально всматривающийся в факты и их ряды, изучающий их скрупулезно и методически для того, чтобы "увидеть закон".

В "Словаре культуры XX века"¹ картина мира определяется как система интуитивных представлений о реальности. Картину мира можно выделить, описать или реконструировать у какой-либо социопсихологической единицы — от нации или этноса до какой-либо профессиональной группы или отдельной личности. Каждому отрезку исторического времени соответствует своя картина мира. Картина мира древних индейцев не похожа на картину мира средневековых рыцарей, а картина мира советского человека значительно отличается от картины мира его современников в США (1950-е гг.).

В то же время можно выделить универсальную картину мира, свойственную всему человечеству, правда, она будет слишком абстрактна. Так, для всех людей, по-видимому, характерна бинарная оппозиция (основной инструмент при описании картины мира) белого и черного, но у одних групп белое будет соответствовать положительному началу — жизни, а черное — отрицательному началу — смерти, у других же, например у китайцев, наоборот. У любого народа будет свое представление о добре и зле, о нормах и ценностях, и у всех народов эти представления различны.

У отдельной личности картина мира будет детерминирована прежде всего его характером: у сангвиника-экстраверта и реалиста картина мира будет прямо противоположной картине мира шизоида и аутиста (человека замкнутого и углубленного). Своя картина мира будет и у параноика, и у больного шизофренией или психозом. Картина мира будет меняться при измененных состояниях сознания.

Человек, погруженный в виртуальную реальность, также будет видеть мир по-своему. Картина мира будет опосредована и тем языком, на котором говорит данная группа (см. ниже: гипотеза лингвистической отнесенности). Очень важно то, что ни одна картина мира, взятая в отдельности, не является исчерпывающей.

Если сопоставить представления о мире XIX и XX вв., то надо вспомнить самое фундаментальное традиционное философское представление *бытия и сознания*. В XIX в. это противопоставление было очень важным и в целом картина была позитивистской, или материалистической, т.е. бытие представлялось первичным, а сознание вторич-

---

¹ Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М., 1997.

ным, хотя большую роль в XIX в. играли идеалистические и романтические представления.

В XX в. эта оппозиция бытия и сознания перестала быть определяющей. Логический позитивизм и аналитическая философия отменили проблему соотношения бытия и сознания как псевдопроблему традиционной философии и на ее место поставили другую проблему — *языка и реальности*. Поэтому термин "язык" остался у философов и лингвистов, а наиболее фундаментальной оппозицией картине мира XX в. стало противопоставление *текст—реальность*. В целом для картины мира XX в. характерно представление о первичности текста.

Из этого главного различия следуют и все остальные. Кино, психоанализ и теория относительности — три кита культуры начала XX в. — резко сдвинули картину мира XX в. в сторону первичности сознания, большей его фундаментальности, а значит, вымысла и иллюзии. Если рассматривать картину мира XX в. в динамике, то наиболее важным, как кажется, будет *проблема поиска границ между текстом и реальностью*. Радикальный метод решения — все, что мы принимаем за реальность, на самом деле текст, как это было у символистов, обэриутов и в постмодернизме. XX в. также характеризуется повышенным вниманием к среднему сознанию, отсюда важность массовой культуры, которой, кстати, почти не было в XIX в. Для среднего сознания XX в., привыкшего к чудесам техники и массовым коммуникациям, характерна противоположная постановка вопроса — *все реальность*. Люди принимают вымысел как языковую игру, просто необходимую, чтобы расслабиться. Для рядового сознания человека XX в. холодильник и триллер в каком-то смысле равным образом предметы реальности.

В XX в. по сравнению с XIX в. очень многое изменилось — понятия о пространстве, времени, событии. Все это интериоризировалось, т.е. стало неотъемлемой частью неразрывного единства наблюдателя и наблюдаемого (откуда появилось серийное мышление).

Феномен серийности характеризует пейзаж паралитературы (массовой литературы). Серийность предстает как характерная черта паралитературного текста, изучение которой показывает особенности маркирующих процессы порождения и рецепции диалектических отношений между новым и повторяемым, оригинальным и стандартным.

Феномен серийности в паралитературе своего рода инtratекстуальное образование, или серия (авторская, издательская). Издательские серии включают разнообразную текстовую продукцию: здесь присутствуют серийные паралитературные повествования и тексты разных авторов, не имеющие сюжетной общности, но соединяемые по жанровым, содержательным и форматным параметрам.

Серийная конструкция текстов является наиболее распространенной и востребованной в массовой повествовательной традиции. Использование

уже имеющего успех нарратива в качестве модели для создания подобных часто может сигнализировать о стремлении автора пожертвовать значительной частью независимости текста в целях его успешного восприятия. Нельзя сбрасывать со счетов фактор коммерческого успеха, который является важнейшим для всякого паралитературного издания и, в частности, лежит в основе порождения серийных текстов. Рецепция серийных текстов происходит в условиях сниженного информационного сопротивления. Данный фактор обеспечивается за счет унификации ряда структурных параметров².

К проблеме *языка и культуры*, тоже позволяющих нарисовать картину мира, подходят очень по-разному, в зависимости от области научной деятельности. Историк культуры и лингвист, философ и психолог, этнограф и литературовед представляют ее по-своему. Поскольку язык и культура взаимодействуют, то встают два вопроса: Как разнообразные культурные процессы влияют на язык? Как язык влияет на культуру?

Культура противостоит природе, это продукт социальной, а не биологической активности людей. Язык же выступает как явление и культуры, и природы. В самой материи языка, в ряде существенных характеристик языковой структуры сказалась биологическая природа человека. Здесь многое определено возможностями физиологии и психофизиологии речевой деятельности. Так, наличие во всех языках мира гласных и согласных обусловлено не культурой, а природой: человек не в состоянии ни произносить, ни воспринимать речь из одних гласных или одних согласных. Психофизиологические возможности знаковой деятельности человека обусловили уровневую организацию языка, определили количественные параметры отдельных уровней. Например, объем фонологической системы, колеблющийся по разным языкам в интервале от 10 до 100 единиц; объем словаря в интервале от 10 тыс. до полумиллиона слов; мера избыточности в языке. Объемом оперативной памяти человека ограничена средняя длина предложения, средняя глубина и ширина подчинительных связей при развертывании высказывания, средняя длина синонимического ряда, размеры лексико-семантических групп. Природа определяет в языке наиболее глубокие черты его структуры и закономерности восприятия и порождения текста. Культура определяет план содержания языка.

Современному знанию открывается глубокое взаимопроникновение природы и языка. Они рассматриваются как информационные системы, служащие для порождения текстов путем комбинаторики некоторых исходных элементов: в механизмах генетики — четырех химических радикалов при развертывании "химического текста" наследственности;

---

² См.: Козлов Е.В. Серийный текст. Число множественное? // Текст, м.р. ед.ч. М., 2003. С. 14.

в механизмах языка — набора фонем при рождении речи. Р.О. Якобсон высказал предположение, что сходство языка с генетическим кодом возникло в результате того, что в процессе филогенеза (исторического развития организмов) человек бессознательно конструировал язык по образцу генетического кода. Это копирование генетического кода в языке возможно благодаря тому, что организм неосознанно владеет информацией о своем строении, в том числе о строении своего генетического кода.

Дискуссионным остается вопрос о соотношении врожденного и приобретенного в речевой деятельности человека. Общепризнано, что человек обладает врожденной языковой способностью, т.е. психофизиологическим механизмом, который обеспечивает возможность речи. По мнению большинства исследователей, это означает способность человеческого мозга в первые годы онтогенеза (индивидуальное развитие организмов) усвоить, во-первых, систему знаков конкретного языка, и во-вторых, правила, позволяющие строить тексты, выбирая и комбинируя нужные знаки. Реализация языковой способности происходит в процессе общения человека с разными людьми — носителями конкретного языка (или языков). Согласно более радикальной концепции Нозма Хомского, врожденный компонент языковой способности является более содержательным, поэтому усвоение языка в онтогенезе начинается не с нуля. Языковая способность включает некоторые врожденные универсальные знания, с помощью которых человек порождает и принимает предложения. По Хомскому, наиболее глубокие черты языковой структуры и семантики имеют природно-генетическую основу.

Подобно тому, как в культуре каждого народа есть общечеловеческое и этнонациональное, так и в семантике каждого языка есть отражение как общего, универсального компонента культуры, так и своеобразия культуры конкретного народа. Универсальный семантический компонент обусловлен единством видения мира людьми разных культур. Это принципиальное единство человеческой психики проявляется на разных уровнях семантической организации языков — от широких и устойчивых тенденций до "точечных" универсальных явлений. Так, в любых культурах говорящие нуждаются в различении субъекта действия и его объекта, предмета и признака, тех или иных временных и пространственных отношений. Межкультурное сходство самих процессов языкового общения проявляется в том, что все языки различают говорящего, слушающего и не-участника общения (в этом назначение категории лица); все языки различают вопросы и утверждения; всюду в сообщение вплетаются модальные или эмоциональные оценки того, о чем идет речь или самой речи.

Общность человеческой психологии ярко сказывается в асимметрии положительных и отрицательных оценок. В самых разных языках слова

со значением "хорошо" часто употребляются в значении "нормально" ("Как спишь?" — "Хорошо"), а слова, которые на шкале "плохо-хорошо" занимают срединное, т.е., казалось бы, нейтральное положение, имеют тенденцию сдвигаться к полюсу "плохо" (ср.: "средние способности", "ни то ни се", "ни рыба ни мясо", "человек хороший, а администратор никакой"). Слова со значением "большой, много" легко развивают оценочное значение "хороший", а со значением мало — "плохой".

Межкультурная общность человеческого видения мира обусловила антропоморфную универсальность той наивной картины мира, которая запечатлена в естественных языках. В этом мире солнце "всходит" и "заходит" (а не земля поворачивается вокруг своей оси). Здесь смыслы "жаркий", "холодный", "теплый", "прохладный" сформированы человеческим восприятием лета и зимы, костра и ручья, живого и неживого. Здесь "быстрым" может быть волк, поток, ум; "горьким" — лук и упрек; здесь рельеф увиден как человек: "устье", "рукав" и "колени" реки, "горловина" вулкана, "бровка" канавы, "хребет" и "подошва" горы, при этом сама гора может быть названа "Лысой", а горное озеро "Морским Оком" и т.д. В отличие от физики, которая в метрах оценит и гору, и дорогу, человек скажет: "высокая" гора, но "длинная" дорога, зато цветообозначения могут характеризовать звук и даже вообще воспринимаемое чувствами свойство ("светлая одежда", "светлое звучание", "светлый романтизм"). Во всех языках обозначения абстрактного и идеального в своих истоках восходят к обозначениям конкретного и материального (как и само слово "абстрактный" и его церковнославянское соответствие "отвлеченный"), в самых разных культурах человек называет новое с помощью прежде созданных имен — метонимически, метафорически, сужая или расширяя их семантику. Все это — проявления межкультурной общности языков мира и основа взаимопонимания их носителей.

М. Хайдеггер писал, что при слове "картина" мы думаем прежде всего об отображении чего-то: "картина мира, сущностно понятая, означает не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина". Между картиной мира как отражением реальности и языковой картиной мира как фиксацией этого отражения существуют сложные отношения. На ее формирование влияют язык, традиции, природа и ландшафт, воспитание и обучение, другие социальные факторы. Языковая картина мира дополняет объективные знания о реальности, часто искажая их (достаточно взглянуть на различное толкование таких слов, как "атом", "точка", "свет", "тепло" и т.д.). Изучая семантику этих слов, можно выявить специфику когнитивных (мыслительных) моделей, определяющих своеобразие наивной картины мира. Естественная жизнь всякой самобытной

культуры заключается в постоянном создании новых форм для выражения своего духа. Еще А.С. Хомяков утверждал, что формы, заимствованные извне, не могут служить выражению духа своей культуры, и всякая духовная личность народа может выразиться только в формах, созданных ею самой. Культура, по С.Н. Трубецкому, — это непрерывно меняющийся продукт коллективного творчества прошлых и современных поколений. Для нормального развития культуры необходим общий запас культурных ценностей, инвентарь культуры, который должен транслироваться следующим поколениям через традицию. Этническая культура, понимаемая как исторически выработанный способ деятельности, предполагает, что всем явлениям культуры присуща общая функция — служить средством человеческой деятельности. Следовательно, быть культурным — это значит уметь пользоваться множеством вещей, владеть системой средств, благодаря которой осуществляется культурная и индивидуальная деятельность. В понятие "способ деятельности" включаются не только умения и навыки, но и весь спектр объективных средств осуществления активности людей. Его элементами являются внебиологически выработанные средства, с помощью которых действия людей стимулируются, программируются, воспроизводятся.

Сегодня ученые предлагают различные определения и интерпретации картины, или образа, мира, так же как всевозможные классификации этих "миров". В традиции русской семиотики понятия "образ", "модель", "картина мира" часто просто соотносятся с текстом (в широком смысле).

Исследования концептуальной картины мира или же просто исследования национально-культурной специфики картины мира считаются весьма актуальными; они осуществляются в разных точках и школах мира. Это хорошо согласуется с общей тенденцией развития разных наук, помещающих культуру в центр своих теоретических построений, так или иначе связанных с изучением человека. В качестве примера достаточно назвать факт появления интересных исследований по культурно-исторической психологии и семиотическому анализу культур. Проблемы межкультурного и межнационального общения включены в перечень приоритетных направлений исследований недавно созданной Российской коммуникативной ассоциации, сотрудничающей с Американской Национальной коммуникативной ассоциацией. Этническому самосознанию и этнической идентичности, "национальному характеру", влиянию фактора культуры на познавательные процессы (в том числе на восприятие, категоризацию, память) и на вербальное и невербальное общение и т.д. посвящаются специальные монографии и учебные пособия. Возникают новые направления исследований, обозначаемые терминами типа "этническая конфликтология", "этническая библиопсихология" и "этническая психолингвистика", "этнография общения", "эт-

нотранслятология", "этногерменевтика", "этнориторика", "этноконнотация", "когнитивная этнопсихолингвистика".

Рассмотрение национально-культурной специфики тех или иных аспектов или фрагментов картины мира зачастую осуществляется с разных позиций. Одни берут за исходное язык, анализируют установленные факты межъязыкового сходства или расхождений через призму языковой системности и говорят о языковой картине мира. Для других исходной точкой является *культура*, языковое сознание членов определенной лингвокультурной общности, а в центре оказывается образ мира.

Нередки случаи, когда принципиальные различия между этими двумя подходами (образ или картина) попросту не замечаются или когда декларируемое исследование образа мира фактически подменяется описанием языковой картины мира с позиций системы языка. Более нейтральным и чаще употребляемым термином считается тем не менее термин "картина мира".

Существенным компонентом национальной картины мира Н.Д. Арутюнова и другие представители когнитивной лингвистики называют ключевые концепты культуры: понятие духовной сферы, оценок, стихийных состояний человека.

В.А. Маслова, автор книги "Лингвокультурология" (2001), утверждает, что понятие картины мира (любой и, в частности, языковой) строится на изучении представлений мира о человеке. Если мир — это человек и среда в их взаимодействии, то картина мира — результат переработки информации о среде и человеке.

Явления и предметы внешнего мира представлены в человеческом сознании в форме внутреннего образа. По мнению А.А. Леонтьева, существует особое "пятое квазиизмерение", в котором представлена человеку окружающая его действительность: это "смысловое поле", система значений.

Каждый язык по-своему членит мир, т.е. имеет свой способ концептуализации. Каждый язык имеет особую картину мира, и языковая личность обязана организовывать содержание высказывания в соответствии с этой картиной. В этом проявляется специфически человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке.

Имя, которое дается образу сознания (а одна из функций культуры как раз в том и состоит, что культура дает особое имя всем предметам и явлениям "культурного космоса"), есть живое имя, ибо оно вырастает из действия и несет в себе скрытую его энергию (потенциальную модель культурного действия). По мнению С.В. Лурье, именно так этнос адаптируется к реальному миру. Таким способом как бы задается система координат, в которой будет действовать в мире представитель данной этнической культуры, формируется образ мира, который является "ос-

новополагающей компонентой культуры этноса". Однако в светлое поле сознания носителя данной культуры попадают лишь отдельные фрагменты цельного образа мира, осознается скорее ее наличие и целостность. В процессе развития этноса образ мира может меняться, но неизменными остаются принадлежащие коллективному бессознательному структурообразующие элементы этнического бессознательного — этнические константы, которые представляют собой бессознательные комплексы, складывающиеся в процессе адаптации человеческого коллектива (этноса) к окружающей природно-социальной среде и выполняющие в этнической культуре роль основных механизмов, ответственных за психологическую адаптацию этноса к окружающей среде и выполняющие в этнической культуре роль основных социальных механизмов, ответственных за психологическую адаптацию этноса к окружающей среде. Система этнических констант и является той призмой, сквозь которую человек смотрит на мир.

В процессе социализации происходит углубленное и часто осознаваемое "присвоение" этой системы этнических констант, что и обуславливает этничность сознания человека.

Образ мира как основополагающая компонента культуры и является объектом этнокультурных исследований, а его предметом становится сознание носителей той или иной этнической культуры, которое в силу своей недоступности прямому изучению может познаваться только через различные формы овнешнения. Одной из таких форм является языковое сознание — опосредованный языком образ мира той или иной культуры, т.е. совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира. Образ сознания, ассоциированный со словом — это одна из многих попыток описать знания, используемые коммуникантами при производстве и восприятии речевых сообщений. А имя (слово, тело знака) — это та культурная рамка, которая накладывается на индивидуальный опыт каждого человека, прошедшего социализацию в определенной культуре. "Назвать" — значит приписать определенное значение, а приписать определенное значение — значит понять, включить в свое сознание.

По мнению В.Б. Касевича, автора книги "Буддизм. Картина мира. Язык" (1996), картина мира, закодированная средствами языковой семантики, со временем может оказываться в той или иной степени пережиточной, реликтовой, лишь традиционно воспроизводящей былые оппозиции в силу естественной недоступности иного языкового инструментария; с помощью последнего создаются новые смыслы, для которых старые служат своего рода строительным материалом. Иначе говоря, возникают расхождения между архаической моделью, которая дей-

ствительна для данного языкового коллектива и проявляется в порождаемых им текстах.

Языковая картина формирует тип отношения человека к миру (природе, животным, самому себе как элементу мира). Она задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к миру. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации ("концептуализации") мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая обязательна для всех носителей языка.

Таким образом роль языка состоит не только в передаче сообщения, но, в первую очередь, во внутренней организации того, что подлежит сообщению. Возникает как бы "пространство значений" (в терминологии А.А. Леонтьева), т.е. закрепленные в языке знания о мире, куда непременно вплетается национально-культурный опыт конкретной языковой общности. Формируется мир говорящих на данном языке, т.е. языковая картина мира как совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике.

Эстетическое освоение действительности как отражение мировосприятия писателя стало пониматься и интерпретироваться как индивидуальная, поэтическая картина мира. Целый ряд индивидуальных когнитивных схем отражается в единицах естественного языка и, в частности, в метафорах. Развивая идеи западных ученых Дж. Лакоффа и М. Джонсона, отечественные лингвисты А.Н. Баранов и В.М. Сергеев утверждают, что, например, метафора "встроена" в понятийную систему человека и управляет его действиями в процессе освоения и познания мира.

Интеллект человека оперирует сознательно создаваемыми концептами, иллюзиями, метафорами. Ю.Н. Караулов подчеркивает, что знания о мире заключены в терминологически окрашенных понятиях, в идиоматических выражениях, фразеологических единицах, метафорах, и предлагает рассматривать последние как элементы наивно-языковой картины мира. Мир или различные миры (действительные и воображаемые) представляются человеку через призму его культуры, в частности языка. Именно метафора является своеобразной картиной мира, неодинаковой у носителей различных культур или одной и той же культуры в определенные исторические периоды.

Метафора — наиболее распространенный *троп*, основанный на принципе сходства, аналогии, реже — контраста явлений; часто используется в обиходной речи. Искусство слова для оживления стиля и активизации нередко использует метафоры оригинальные, понятные только в контексте. Х. Ортега-и-Гассет в статье "Две великие метафоры" (1925) охарактеризовал

метафору не просто как средство выражения, но и как важное орудие мышления, а в работе "Дегуманизация искусства" (1925) акцентировал ее маскировочную функцию — функцию подмены, табуирования предмета. Гораздо шире на метафору смотрят русские филологи. А.Н. Веселовский заметил, что когда-то каждое слово было метафорой, которая односторонне и образно выражала казавшиеся наиболее характерными свойства объекта.

При попытке интерпретации языковой картины мира образы того или иного понятия, заключенные в метафоре, как бы пропускаются через языковой материал, создавая отдельные семантические поля, которые, в свою очередь, являются единицами вторичных картин мира. Так, читатель, воспринимая информацию, в начале осмысляет общую языковую картину мира посредством денотативных элементов, простых семантических структур и лишь позднее, на втором этапе, фиксирует наличие более сложной, производной от языковой картины мира "системы семантических значений" (Д.Е. Эртнер). Такие вторичные картины мира функционируют в художественном тексте параллельно с первичными, в то же время находясь в неразрывной связи, в зависимости от них. Эти вторичные модели мира осознаются посредством функционирующих в тексте метафор. В связи с этим можно выделить в сфере языковой картины мира одну из ее составляющих — метафорическую картину мира. При этом метафорическая картина мира относится к языковой картине мира, как метафора к системе языка.

Метафора — одно из самых загадочных явлений языка. При всем разнообразии определений языка, все они восходят к аристотелевскому, известному испокон веков: "Метафора есть перенесение необычного имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии"³.

Сегодня, в начале XXI в. ясным определением метафоры кажется определение, данное французским лингвистом Ш. Балли: "Мы уподобляем абстрактные понятия предметам чувственного мира, ибо для нас это единственный способ познать их и ознакомить с ними других. Таково происхождение метафоры; метафора — это не что иное, как сравнение, в котором разум под влиянием тенденции сближать абстрактное понятие и конкретное понятие сочетает их в одном слове"⁴.

Ученых интригует способность метафоры выражать идеи, далеко отстоящие от прямого значения языкового знака. Метафора есть орудие мышления и познания мира, она отражает фундаментальные культурные ценности, ибо основана на культурно-национальном мировидении.

---

³ Аристотель. Поэтика. Л., 1927. С. 39.

⁴ Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961. С. 221.

Создавая новое знание, она соизмеряет разные сущности, пропуская их через человека, соизмеряя мир человека с человеческим масштабом знаний и представлений.

Различия в культурах могут сказаться в том, что в разных языках слова, совпадающие по денотату⁵ (с одинаковой предметной соотнесенностью), могут различаться коннотативной семантикой (т.е. своими эмоциональными и оценочными оттенками). Так, например, в венгерском языке слово "болото" означает "гнилость, тление". В финском языке слово "болото" означает нечто вполне хорошее, поскольку финский язык сам, как болото, хранит веками древние заимствования. В русском языке слово "болото" означает "рутину, косность". Русское слово "солнце" не имеет того значения, что узбекское "куешь" и таджикское "офтоб". Нет "солнышка-ведрышка", зато на Востоке непременно есть "луна". Все красивое, желанное называют "луноликим", "луноподобным". Как воскликнул однажды С.С. Аверинцев: "В любом языке все лучшие слова непереводаемы!" Думается, таких "лучших" слов большинство, потому что каждое слово приносит в сегодняшнее употребление память о вчерашнем: свои контексты и обстоятельства, свою историю.

В силу фоновых различий не до конца переводимо большинство слов; идиоматична (непереводима) вся фразеология; заимствованное слово также обычно не вполне эквивалентно по значению своему прототипу в языке-источнике; общие заимствования в разных языках всегда оказываются "ложными друзьями переводчика". А обозначения явлений природы (как солнце или болото) могут обладать разной коннотацией. Вот почему полное усвоение языка немыслимо без усвоения культуры народа.

Различия между языками, обусловленные различием культур, заметнее всего в лексике и фразеологии, поскольку номинативные средства языка наиболее прямо связаны с внеязыковой действительностью. В любом словаре есть слова, не имеющие однозначного перевода в других языках. Это так называемая *безэквивалентная лексика* — обозначения специфических явлений местной культуры.

Безэквивалентная лексика называется также "экзотической лексикой". Однако экзотизмы (этнографизмы) не столько раскрывают или

---

⁵ *Денотат*, или денотативный компонент значения слова (от лат. *denoto* — обозначаемое), — это представление о тех предметах, действиях, признаках, отношениях, которые могут быть названы данным словом. Денотат — это именно представление, а не реалья, поэтому денотат имеется у всех слов, в том числе таких, как "русалка" или "домовой". В отличие от денотата, коннотат или коннотативный компонент (от лат. *connoto* — имею дополнительное значение), характеризует только некоторые слова: это дополнительная эмоционально-оценочная окраска слова — одобрительная или неодобрительная.

толкуют чужую культуру, сколько символизируют ее. Так, Англию можно определить через слова: "эсквайр", "спикер", "крикет", "шиллинг", "биттлз", "паб", "хит", "уикэнд"; Среднюю Азию — "джейлау", "кишлак", "арык", "дехканин"; Японию — через слова "сакура", "гейша", "икебана", "сакэ", "суши". Экзотизмами можно назвать и слова, используемые для обозначения казачьего быта: "баз", "курень", "майдан", "привада".

Существуют также экзотизмы хронологические, которые лучше было бы назвать "историзмами". Они непередаваемы, хотя являются ключами к прошлой культуре. Заимствования появились в ответ на новые реалии. Например, развитие кораблестроения, инженерного дела, различных ремесел привело в русский язык голландские и английские термины, технические и канцелярские термины появились из немецкого языка; модой диктовались французские заимствования XVIII—начала XIX в. и т.д.

О доле безэквивалентной лексики в национальном словаре можно судить по таким данным: русские безэквивалентные слова и обороты ("сельсовет", "воскресник", "гармошка", "народоволец", "бить челом", "толстый журнал" и т.п.) составляют 6—7 % от общеупотребительной русской лексики (Верещагин, Костомаров); англо-русский страноведческий словарь толкует от 9500 слов и словосочетаний и выше. Национально-культурное своеобразие лексики может проявляться не только в наличии серий специфических слов, но и в отсутствии слов для значений, выраженных в других языках. Такие пробелы, белые пятна на семантической карте языка называют "лакунами". Как и безэквивалентные слова, лакуны заметны только при сопоставлении языков. Причины лакун различны. Чаще всего они обусловлены различием соответствующих культур.

Воздействие культуры на язык проявляется в своеобразии самого процесса общения в разных культурах, что сказывается в некоторых особенностях лексики и грамматики, а также в особенностях нормативно-стилистического уклада языка. В каждой культуре поведение людей регулируется сложившимися представлениями о том, что человекулагается делать в типичных ситуациях: как ведет себя пешеход, пассажир, врач, пациент, гость, хозяин, продавец, покупатель, официант, клиент и т.д. В социальной психологии такие модели, как шаблоны поведения, называют "социальными ролями личности". Естественно, что социальные роли в разной степени стандартны: высокой стандартностью обладают ситуативные роли (пешеход, кинозритель, клиент парикмахерской и т.п.), гораздо менее стандартны постоянные роли, связанные с полом, возрастом, профессией человека.

Существенным компонентом ролевого поведения является речь. Каждой социальной роли соответствует определенный тип речевого пове-

дения, свой набор языковых средств. Речевое поведение человека в той или иной роли определено культурными традициями общества. У разных народов общение в "одноименных" ситуациях (например разговор мужа с женой, отца с сыном, учителя и ученика, начальника и подчиненного и т.п.) протекает в разной стилистической тональности. В одних культурах разговор детей и родителей характеризуется сильным стилистическим контрастом (специальные формы почтения, показатели покорности, обращение к родителям на "вы" и т.п.), у других народов это общение в большей мере осуществляется на равных. В традиционных восточных культурах обращение жены к мужу — это обращение младшего, подчиненного, зависимого к старшему, к господину. Во многих культурах с распространением и демократизацией образования сокращается бывшая речевая координация в общении учителя и ученика, профессора и студента и т.п.

Национально-культурная специфика речевого поведения сказывается в том, что стилистические средства, имеющие "одноименную" стилистическую маркированность (отмеченность), в разных культурах могут быть связаны с нетождественными коммуникативными ситуациями, с различными стереотипами поведения.

Национально-культурная специфика речевого поведения русских демонстрирует активную роль социальных факторов (Первая мировая война, Гражданская война, две революции, беспризорность, Отечественная война, лагеря, крупная амнистия, смещение криминалитета и интеллигенции, перестройка, развал СССР, снова амнистия) и в области семантики, и в области стилистических сдвигов во многих группах слов, и в активизации иноязычных заимствований, что было уже отмечено. Современная лексика русского языка, представленная в языке печати, отражает не только время становления новой экономики, политики, государственного устройства — попытки России встать на путь европейского развития, но и процессы, связанные с переоценкой многих лексических пластов в их отношении к литературной норме.

Внелитературная сфера русского языка, где сосредоточена грубая натуралистическая и циничная лексика, в последнее время заметно отодвигает или даже размывает границы образцовой литературной речи, а это бросает тень на весь русский язык, богатство и гибкость которого неоднократно были подчеркнуты выдающимися стилистами, тонкими ценителями языка. К сожалению, часто русский язык воспринимается через призму русского мата.

Воздействие культуры на язык ярко и целно проявляется в том, в каких формах существования представлен тот или иной язык. Есть языки, где почти отсутствуют диалекты, и напротив, есть языки, где различия между диалектами очень значительны. Существуют языки, в кото-

рых еще не сложились наддиалектные формы общения (койне, или литературный язык), и языки с сильной многовековой книжно-письменной традицией наддиалектного характера. В молодых литературных языках стилистическая дифференциация может только начинаться, и тогда в стилистике преобладает противопоставление нейтральных и разговорных языковых средств; публицистика может оказаться близкой то к разговорной речи, то к канцелярско-деловой; научно-популярные и учебные тексты пишутся практически в одном стилистическом ключе. Напротив, в языках с продолжительной и богатой письменной традицией стилистическая дифференциация языковых средств глубока и определена, в ней преобладают тройственные противопоставления: "книжное" (или высокое)—"нейтральное"—"разговорное". Последнее — с хорошо чувствуемой говорящими градацией нейтрально-разговорных, разговорно-фамильярных и просторечно-жаргонных речевых средств.

Взаимоотношения между литературным языком и нелитературными формами существования языка, глубина и характер стилистической дифференциации языковых средств определяются всем ходом культурной истории общества: историей его письменности, книгоиздания, школы, литературы, государства, мировоззрения, его культурно-идеологическими симпатиями и отталкиваниями в межэтнических контактах.

Влияние культуры на характер нормативно-стилистического уклада языка носит более опосредованный, но и более глубокий характер, чем влияние культуры на словарь. Если словарь — это зеркало культуры, то нормативно-стилистическая система — это ее рентгеновский снимок. Лексика денотативная, за ней стоит мир вещей и представлений, это сравнительно внешнее, поверхностное отображение культурной мозаики общества. Стилистика релятивна⁶, она регулирует функциональное распределение языковых средств в текстах в соответствии со сложившейся в культуре иерархией типов общения; это языковое отображение структурных особенностей культуры.

Л и т е р а т у р а

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1994.

Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб., 1996.

Культура, человек, картина мира. М., 1987.

Языковое сознание и образ мира: Сб. статей. М., 2000.

---

⁶ *Релятивный* — основанный на отношениях; стилистические отношения возникают из взаимоотношений языковых средств, их взаимных противопоставлений на фоне денотативной общности ("рукоплескать"—"аплодировать"—"хлопать"; "автомобиль"—"машина"—"жигуль"—"тачка"; "лик"—"лицо"—"физиономия" и т.п.).

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

Какие существуют определения картины мира?

Как язык влияет на культуру?

Как культура влияет на язык?

Как вы понимаете, что такое картина мира, с точки зрения языка?

А что такое образ мира?

Что такое безэквивалентная лексика и лакуны?

Что такое коннотативное своеобразие переводных элементов?

Что такое лексический фон слова?

5. МИР КАК КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО И НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

В отличие от коммуникации животных (биологически целесообразного совместного поведения, направленного на адаптацию к среде и регулируемого, в частности, сигнализацией), человеческие формы коммуникации характеризуются главным образом функционированием языка как средства общения.

Индивидуальные мотивации и формы поведения могут быть приняты социумом, если они представляют собой вариации в определенных границах. Коммуникация между людьми может быть средством коррекции асоциального поведения индивида или группы. Будучи социальным процессом, коммуникация служит формированию общества в целом, выполняя связующую функцию.

Коммуникация складывается из коммуникативных, или речевых, актов, в которых участвуют коммуниканты, порождающие высказывания (тексты) и интерпретирующие их начальный и заключительный этапы средствами национального языка. Порождение и интерпретация текста восходят к механизмам порождения внутренней речи, ее глубинным структурам на уровне УПК (универсально-предметный код мышления, по Н.И. Жинкину). При этом национально-языковая специфика нейтрализована общечеловеческими схемами смыслообразования.

В поверхностных структурах коммуникации высказывание (текст) — национально-языковой вербализованный продукт — призвано информировать о каких-либо идеях, интересах, эмоциях. При непосредственном общении коммуникантов в их речь входят и вербальные компоненты, например жесты, мимика и т.п. Коммуникация всегда обусловлена экстралингвистическими факторами (ситуативная конкретность, presupпозиция, национально-культурная традиция).

Человеческая деятельность одновременно и универсальна, и национально-специфична. Эти ее свойства определяют своеобразие языковой картины мира. Наивная картина мира обыденного сознания, в котором преобладает предметный способ восприятия, имеет интерпретирующий характер. Язык, фиксируя коллективные стереотипные и эталонные представления, объективирует интерпретирующую деятельность человеческого сознания и делает ее доступной для изучения. "Свойства языка настолько своеобразны, что можно, по существу, говорить о наличии

у языка не одной, а нескольких структур, каждая из которых могла бы послужить основанием для возникновения целостной лингвистики"¹, — пишет Э. Бенвенист. Характеризуя язык с разных сторон, мы постепенно раскрываем его сущность.

Чтобы отразить сложнейшую сущность языка (см. тему 1), мы его характеризовали с семи различных точек зрения (как язык индивида, как член семьи языков, как структура, как система, как тип и характер, как компьютер, как пространство мысли и "дом духа"). К этому можно прибавить также, что язык — это продукт культуры, ее важная составная часть и условие существования, фактор формирования ее культурных кодов.

С позиций антропоцентризма человек познает мир через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нем. Формирование антропоцентрической парадигмы привело к развороту лингвистической проблематики в сторону человека: Я-физическое, Я-социальное, Я-интеллектуальное, Я-эмоциональное, Я-речемыслительное. Воздействуя на любую ипостась личности, можно воздействовать на человека в целом. Языковая личность вступает в коммуникацию как многоаспектная, и это соотносится со стратегиями и тактиками речевого поведения, с социальными и психологическими ролями коммуникантов, с культурным смыслом, включенным в коммуникацию. Человеческий интеллект, как и сам человек, немислим вне языка и языковой способности как способности к порождению и восприятию речи. Текст, создаваемый человеком, отражает движение человеческой мысли, строит возможные миры, запечатлевая в себе динамику мысли и способы ее представления с помощью средств языка.

Для объяснения культурной антропологии современного человека необходимо вспомнить различные предшествующие нашим дням философские концепции, усматривающие в понятии "человек" основную мировоззренческую категорию и другие исходящие из нее в обосновании природы общества и мышления.

Антропологическая школа впервые сформировалась в Англии в 1860-х гг. (Э. Тайлор, А. Ланг, Дж. Фрейзер, в России — А.Н. Веселовский). Ее представители объясняли сходство мифологии и фольклора разных народов тождественностью человеческой природы и единством первобытного мышления (анимизм, процесс аналогии). Раз возникнув, сходные сюжеты в мировой литературе стали вечными спутниками ("пережитками" культуры). Э. Тайлор изучал архаические племена в сопоставлении с цивилизованным человечеством. Возникновение мифов и религии он относил к первобытному состоянию человека, которому

---

¹ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 61.

свойствен анимизм, т.е. представление о душе, возникшее в результате чисто рациональных размышлений дикаря по поводу смерти, болезни, снов. Некоторые коррективы в тайлоровскую магию внес Дж.Дж. Фрейзер², противопоставивший анимизму магию, в которой он видел универсальную форму мировоззрения. Мир для Фрейзера выступает не в качестве сознательной попытки объяснения окружающего мира, а просто как слепок отмирающего ритуала, обряда. Фрейзер оказал большое влияние на науку о мифе не только тезисом о приоритете ритуала над мифом, но в гораздо большей степени исследованиями мифов (собранными главным образом в "Золотой ветви"³), связанных с аграрными календарными культами "умирающих" и "воскресающих" богов.

Научное творчество Фрейзера послужило отправной точкой для распространения ритуалистической доктрины. Непосредственно от нее идет так называемая Кембриджская школа классической филологии (Д. Харрисон, Ф.М. Корнфорд, А.Б. Бук, Г. Марри), исходившая в своих исследованиях из безусловного приоритета ритуала над мифом и видевшая в ритуалах важнейший источник развития религии, философии, искусства древнего мира.

Непосредственно предшествовал кембриджскому ритуализму и кое в чем его предвосхищал русский ученый А.Н. Веселовский (1838—1936), предложивший широкую концепцию участия ритуалов в генезисе не только отдельных сюжетов и жанров, но и поэзии, а также искусства в целом.

Если в первой половине XX в. господствовала ритуалистическая школа, то во второй — появился целый ряд работ, критически оценивающих крайний ритуализм.

Центральными проблемами важнейших последующих исследований становятся не столько вопросы о функциональном значении мифологии, ее соотношении с религией, сколько проблемы специфики мифологического мышления. Именно в этой области было высказано много новых идей.

Французский этнолог Клод Леви-Брюль (1857—1939) в своих работах 1930-х гг. о первобытном мышлении, построенных на этнографическом материале народов Африки, Австралии и Океании, показал специфику первобытного мышления, его качественное отличие от научного мышления. Первобытное мышление он считал дологическим, но не алогическим. Коллективные мифологические представления полагал он

---

² Фрейзер (Фрезер) Джеймс Джордж (1854—1941) — английский ученый, историк религий, считавший их порождением индивидуальной психологии.

³ *Фрейзер Дж.Дж. "Золотая ветвь"* (1890) — собрание исследований английских ученых-антропологов, ставшее популярным среди обычных читателей.

предметом веры, а не рассуждений, поэтому они носят столь императивный характер. Если современный европеец дифференцирует сверхъестественное и естественное, то дикарь в своих представлениях воспринимает мир единым. Дологический характер мифологического мышления проявляется, в частности, в несоблюдении логического закона "исключенного третьего": объекты могут быть одновременно и самими собой, и чем-то иным. Эмоциональные и моторные элементы занимают в коллективных представлениях место логических включений и исключений. В коллективных представлениях, считает Леви-Брюль, ассоциациями управляет закон *партиципации* (сопричастия), т.е. возникает мифическое сопричастие между тотемической группой и страной света, между страной света и цветами, ветрами, мифическими животными, лесами и реками.

Другой французский этнолог Клод Леви-Строс (р. 1908) стал основателем так называемой структурной антропологии. Уже ранее подход к структурному изучению мифов намечался в "символических" концепциях у немецкого ученого Э. Кассирера и швейцарского последователя Фрейда К. Юнга, а также у французского специалиста по сравнительной мифологии индоевропейских народов Ж. Дюмезиля, предложившего теорию трехфункциональной структуры индоевропейских мифов.

Теория первобытного мышления, созданная Леви-Стросом, во многом противоположна теории Леви-Брюля. Исходя из признания своеобразие мифологического мышления (как мышления на чувственном уровне, конкретного, метафорического и т.д.), Леви-Строс признал в то же время, что это мышление способно к обобщениям, классификациям и логическому анализу. Основу структурного метода Леви-Строса образует выявление структуры как совокупности отношений, инвариантных при некоторых преобразованиях (структура — не устойчивый скелет, а совокупность правил, по которым из одного объекта можно получить второй, а из второго — третий путем перестановки некоторых элементов и симметричных преобразований).

Применив структурный метод к анализу мифов как самого характерного продукта "примитивной культуры", Леви-Строс сосредоточил внимание на описании логических механизмов первобытного мышления. Мифологическая логика достигает своих целей как бы ненароком, окольными путями, с помощью материалов, специально к тому не предназначенных, способом "бриколажа" (от фр. *bricoler* — играть отскоком, рикошетом). Сплошной анализ разнообразных мифов индейцев выявляет механизмы мифологической логики. При этом прежде всего вычленяются в своей дискретности многочисленные бинарные оппозиции (высокий—низкий, теплый—холодный, левый—правый и т.д.), их выявление — существенная сторона методики Леви-Строса.

Леви-Строс видел в мифе логический инструмент разрешения фундаментальных противоречий посредством медиации — прогрессивного посредничества, механизм которого заключается в том, что фундаментальная противоположность (например жизни и смерти) подменяется менее резкой противоположностью (например растительного и животного царства), а эта, в свою очередь, — еще более узкой оппозицией. Так громоздятся все новые и новые мифологические системы и подсистемы как плоды "порождающей семантики", как следствие бесконечных трансформаций, создающих между мифами сложные иерархические отношения. При этом при переходе от мифа к мифу сохраняется (и тем самым обнажается) их общая "арматура", но меняются сообщения или "код". Это изменение при трансформации мифов большей частью имеет образно-метафорический характер, так что один миф оказывается полной или частичной метафорой другого.

Этнолог и социолог Леви-Строс интересен тем, что он применил принципы языкознания к нелингвистическим объектам. Он истолковывал многообразные социальные, культурные, художественные и мифологические построения как сообщение или "знак", как составную часть системы общественной коммуникации и существования. Выйдя далеко за рамки давно существовавших контактов между языкознанием и этнологией, он сумел извлечь из приложения структурной лингвистики к этимологическим объектам не только отдельные любопытные мысли, но и методологическое "откровение", предложив систематическое "перенесение фонологического метода на социологию примитивных народов". По его мнению, фонология должна играть по отношению к общественным наукам ту же обновляющую роль, какую ядерная физика сыграла для всех точных наук.

Пытаясь преодолеть методологические противоречия прежней этнологии, Леви-Строс начал изучать родственные отношения примитивных племен и народов на основе обозначений родства как значимых элементов в пределах некоторой системы отношений подобно фонемам. Материал, который исследовал Леви-Строс, давал возможность вывести некоторые правила и закономерности, как в основу фонологических систем кладутся некоторые численно ограниченные количественные соотношенности. Уходящие корнями в глубокое прошлое, в процесс жизни и ее воспроизводства родственные отношения представляют собой своего рода язык, т.е. известие, сообщение, высказывание. Язык как экзогамия⁴ обладает при возникновении общества в равной мере конструктивной и объединяющей функцией, так что инцест подобен нарушению языково-

---

⁴ *Экзогамия* — в первобытном обществе запрет браков в пределах одной родственной группы.

го правила (*abus du langage*). Лингвистическая версия истолкования этнологических фактов у Леви-Строса плодотворна там, где делается попытка рассматривать сами обозначения родства, правила бракосочетания, табу, как своего рода язык, т.е. набор операций, необходимых для того, чтобы обеспечить коммуникацию определенного вида между индивидами и социальными группами.

Однако использование лингвистических категорий становится проблематичным, когда правила бракосочетания в первобытном обществе уже не рассматриваются как модус социальной коммуникации. С этой точки зрения, миф и религия, как и всякое значимое единство или синтетическая структура, вербальная или визуальная, объявляются языком, и, оказывается, даже сами предметы могут стать высказыванием, если они что-то значат.

Содержание сознания каждого индивида напрямую зависит от объема присвоенной культуры и объема освоенных вербальных описаний культурных предметов, что в целом детерминирует общность сознания индивидов. Ментальный мир человека (склад ума, мироощущение, мировосприятие, психология; мыслительная и духовная настроенность как отдельного человека, так и общества в целом) проецируется на культурное пространство, являясь его неотъемлемой частью. В свою очередь, культурное пространство находит свое отражение в ментальном мире человека путем создания редуцированного варианта восприятия того или иного объекта культуры.

Для выявления общего и специфического в образах мира различных народов важно определить системность образа мира через построение ядра языкового сознания. Под языковым сознанием принято понимать вербализованные образы сознания, складывающиеся в целостную картину. Практически любое состояние нашего сознания подлежит вербальному выражению; сознание людей постоянно подвергается словесным воздействиям.

Языковое сознание в психолингвистике (см. также тему 8) — опосредованный языком образ мира той или иной культуры, т.е. "совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира"⁵.

Исследования языкового сознания носителей разных языков позволило выявить понятие "ядро языкового сознания" из "ядра внутреннего лексикона" и так называемого Ассоциативного словаря. Ассоциативный словарь возникает в результате анализа и обобщения материалов свободного ассоциативного эксперимента и содержит данные как о прямых

---

⁵ Тарасов Е. Ф. Языковое сознание: устоявшееся и спорное // Языковое сознание: устоявшееся и спорное. М., 2003. С. 5—6.

(от стимула к реакции), так и об обратных (от реакции к стимулу) связях между словами, сопровождаемых количественными показателями, позволяющими судить о силе этих связей.

Опытным путем было установлено, что в ядре языкового сознания русских в последние 20 лет на разных этапах находятся такие слова, как "человек", "хорошо", "дом", "друг", "нет", "жизнь".

Все эти данные очень важны в социальной психологии, где раньше использовалось понятие "восприятие людей", потом добавился термин "понимание", а теперь используется термин "межличностное познание". Эти вопросы изучались и изучаются учеными А.А. Бодалевым, В.А. Лабунской, Ю.В. Арутюнян. Как психологи они создали и продвинули такую науку, как этносоциология.

Процесс межличностного восприятия и понимания в иноязычном общении рассматривают с позиций системного подхода, выделяя в нем элементы "субъект", "объект", "процесс", а также ситуацию (место и время) межличностного познания. Подобное деление, конечно, условно, оно только задает некие рамки для простоты изложения материала. В реальном общении субъект и объект межличностного познания постоянно меняются местами.

С точки зрения этнопсихологии, при межличностном общении важны первое впечатление, рефлексия, интерпретация, идентификация.

Первое впечатление имеет колоссальное значение в интуитивном формировании социальных суждений, например итальянца. Оно влияет на выбор его стратегии и стиля поведения. При этом итальянец в большой степени полагается на зрительный образ. Весьма значима для него также информация, поступающая в форме различных запахов. В процессе межличностного общения с представителями другого этноса, другой культуры он постоянно соотносит свое первое впечатление с вновь получаемой информацией. Специфика его последующего поведения заключается в том, что в ходе подобного сравнения первоначальное впечатление зачастую значительно корректируется. При этом происходит изменение отношения к собеседнику, которое внешне до какого-то момента может не проявляться.

Ведущее место в процессе межличностного познания принадлежит механизму интерпретации (соотнесения, отождествления личностного опыта познания людей с воспринимаемым человеком). В основе данного механизма лежит фундаментальное свойство человека сравнивать себя (свою личность, поведение, состояние), как осознанно, так и бессознательно, с другими людьми. При возникновении трудностей понимания итальянцем собеседника (отклонение от норм поведения, ограниченность информации о нем и пр.) механизм интерпретации личностного опыта становится осознанным. Чем больше сходства между собесед-

никами, тем легче и быстрее функционирует данный механизм, тем проще между ними устанавливается психологический контакт.

Наиболее сильное влияние на межличностное восприятие в процессе межкультурного общения оказывают этнические стереотипы, т.е. устойчивые, упрощенные, зачастую ошибочные представления о человеке как о представителе конкретной этнической общности.

В процессе проведенных специальных исследований, например, были выявлены следующие представления итальянцев о русских. К позитивным чертам русских итальянцы относят трудолюбие, терпение, высокую культуру и высокий образовательный уровень, доброту, душевность, сердечность, щедрость, открытость, отзывчивость. В русских женщинах итальянцам нравится природная красота и мягкий характер.

Наряду с позитивным образом русских у итальянцев сложился ряд негативных представлений о них. Так, итальянцы считают многих русских прямолинейными, неорганизованными, недостаточно дисциплинированными, отстающими в техническом отношении, необязательными, ленивыми. Кроме того, по мнению итальянцев, русские не умеют правильно организовать и вести дела, зарабатывать, тратить деньги, а присущая русским смекалка и умение много делать своими руками (например ремонт, рукоделие) оцениваются только, как необходимость выживания в нестабильной ситуации.

На первом этапе изучения собеседника итальянцы чаще всего обращаются к негативным историческим стереотипам, при более тесном контакте возможно обращение к положительным стереотипам. Вместе с тем установлено, что итальянцы обладают высокой межкультурной толерантностью.

Адекватность познания собеседников и партнеров в процессе иноязычного общения зависит не только от языковой компетентности, но и от знания этнопсихологических особенностей.

Еще в начале XIX в. Вильгельм фон Гумбольдт (1767—1835), крупнейший лингвист-теоретик, отметил, что можно и нужно сопоставлять языки, потому что только на материале языков, стоящих на одинаковой ступени развития, можно ответить на вопрос о том, как все многообразие языков связано с процессом происхождения человеческого рода. "Языки являются не только средством выражения уже познанной действительности, но и средством познания ранее неизвестной действительности. Их различие есть не только различие звуков и знаков, а различие самих мировоззрений... В этом заключается конечная цель и смысл всех исследований языка"⁶.

Если сравнение языков на этапе их исследования — это типология, то сравнение языков на этапе их совершенствования — это прежде всего сопоставление мировидений, картин мира, создаваемых с помощью языков. Первичное и неопределяемое для Гумбольдта понятие — "чело-

---

⁶ Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 180.

веческая духовная сила", конкретно проявляющаяся в "духе народа". Он пишет: «Разделение человечества на народы и племена и различие его языков и наречий, конечно, тесно связаны между собой, но вместе с тем и то, и другое непосредственно зависит от третьего явления более высокого порядка — действия человеческой духовной силы, выступающей всегда в новых и чистых формах... Выявление человеческой духовной силы, в разной степени разными способами совершающееся в продолжение тысячелетий на пространстве земного круга, есть высшая цель всего движения духа, окончательная идея, которая должна явственно вытекать из всемирно-исторического процесса. Как язык вообще связан с человеческой духовной силой, так язык народа конкретно связан с "духом народа"... Язык всеми тончайшими нитями своих корней сросся с силой национального духа, и чем сильнее воздействие духа на язык, тем закономерней и богаче развитие последнего. Во всем своем строгом сплетении он есть лишь продукт языкового сознания нации, и поэтому на главные вопросы о началах внутренней жизни и языка... вообще нельзя должным образом ответить, не поднявшись до точки зрения духовной силы и национальной самобытности»⁷.

В. фон Гумбольдт не дает ни определения народа, ни определения отдельного языка, но он постоянно указывает на их неразрывность: язык, в отличие от диалекта, с одной стороны, и языковой семьи — с другой, есть достояние отдельного народа, а народ — это множество людей, говорящих на одном языке.

Такая точка зрения имела четкий политико-идеологический смысл: шла борьба за объединение Германии, в которой ведущую роль играла Пруссия, а одним из обоснований этой борьбы была идея о единстве немецкоговорящей нации.

Согласно В. фон Гумбольдту, язык неотделим от человеческой культуры и представляет собой ее важнейший компонент: "Язык тесно переплетен с духовным развитием человечества и сопутствует ему на каждой ступени локального прогресса или регресса, отражая в себе каждую стадию культуры, язык наименее связан с сознанием. Язык возникает из таких глубин человеческой природы, что в нем никогда нельзя видеть намеренное произведение, создание народов. Ему присуще очевидное для нас, хотя и необъяснимое в своей сути, самостоятельное начало, и в этом плане он вовсе не продукт ничьей деятельности, а непродуманная эманация духа, не создание народов, а доставшийся им в удел дар, их внутренняя судьба. Они пользуются им, сами не зная, кто его построил"⁸. Итак, Вильгельм фон Гумбольдт свято верил в определяющее воздействие языка на духовное развитие народа.

---

⁷ Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. С. 192.

⁸ Там же.

В России близкими по идеям этому немецкому ученому в XIX в. были И.П. Минаев и А.А. Потебня. Вслед за Гумбольдтом И.П. Минаев (1840—1890), видный индолог и профессор Петербургского университета, считал, что в каждом языке сказывается индивидуальность народа, создавшего язык, и в свою очередь развивающегося под его влиянием. Уже архаичные для 80-х гг. XIX в. и недоказуемые идеи о том, что единобразие семитских народов обусловлено строем их языков, соседствуют с идеями, только начинавшими появляться в языкознании (например стремлением избавиться от трудных звуков и др.).

Другим значительно более известным и влиятельным русским ученым, поддержавшим Гумбольдта, был профессор Харьковского университета А.А. Потебня (1835—1891), философ, литературовед, фольклорист, малоросс по происхождению и личным симпатиям.

В молодости Потебня собирал народные песни. Недолго пробыв учителем русской словесности в Харьковской гимназии, он защитил магистерскую диссертацию "О некоторых символах в славянской народной поэзии" (1860) и стал читать лекции в Харьковском университете, сначала в качестве адъюнкта, потом в качестве профессора. В 1874 г. он защитил докторскую диссертацию "Из записок по русской грамматике". Его перу принадлежит книга "Мысль и язык", эссе "О связи некоторых представлений в языке" и "О мифическом значении некоторых обрядов и поверий", "Два исследования о звуках русского языка", "Заметки о малорусском наречии", "К истории звуков русского языка" (1880—1886), разбор книги П. Житецкого "Обзор звуковой истории малорусского наречия", "Слово о Полку Игореве", разбор "Народных песен Галицкой и Угорской Руси", "Объяснения малорусских и сродных народных песен" и др.

Особый интерес представляет его обширная философская статья "Язык и народность" ("Вестник Европы", 1895, сент.), в которой подчеркивал, что язык есть средство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее. Он не отражение сложившегося мирозерцания, а слагающая его деятельность.

Потебня писал в эпоху, когда в отечественной традиции еще не сложилась лингвистическая терминология, поэтому его стиль может показаться излишне затрудненным и недостаточно строгим. В то же время от него идут многие термины, затем прижившиеся в русскоязычной традиции ("внутренняя форма слова", "вещественное значение" и т.д.).

Наиболее продуманным и законченным трудом, с точки зрения современной ему науки, считается 3-й том "Записок по грамматике". "Записки" эти находятся в тесной связи с ранним сочинением "Мысль и язык". Фон всей работы — отношение мысли к слову. Скромное заглавие труда не дает полного представления обо всем богатстве его философского и лингвистического содержания. Автор рисует здесь древний

строй русской мысли и его переходы к сложным приемам современного языка и мышления. Это фактически история русской мысли под освещением русского слова. Капитальный труд Потебни только после его смерти был переписан и отчасти отредактирован его учениками. Столь же объемён, но гораздо менее отделан другой труд Потебни — "Записки по теории словесности". Здесь проведена параллель между словом и поэтическим произведением как однородными явлениями, даны определения поэзии и прозы, значения их для национальной словесности.

Гумбольдтовская традиция проявила себя и в XX в. Ведь В. фон Гумбольдт заявил, что "мышление не просто зависит от языка вообще, потому что до известной степени определяется каждым отдельным языком"⁹. А это уже почти что формула, предшествующая так называемой гипотезе лингвистической относительности, которую связывают с именами Б. Уорфа и Э. Сепира.

Американский этнолингвист и антрополог Эдвард Сепир (1884—1939) был ученым очень широкого профиля. Занимаясь полевыми исследованиями индейских языков, он пришел к необходимости знакомства с антропологией как наукой и занимался ею, когда работал в Оттаве, где написана самая известная его книга "Язык". Взгляд Сепира на язык приводил его к размышлениям, сближавшим его концепцию с идеями, находящимися на стыке различных наук о человеке, — этнологии, психологии, социологии, психиатрии, фольклористики, теории религии.

Эдвард Сепир совместно с Бенджамином Ли Уорфом (1897—1941) в 20-е—40-е гг. XX в. разработал теорию, согласно которой не реальность определяет язык, на котором о ней говорят, а наоборот, наш язык всякий раз по-новому членит действительность. Реальность опосредована языком.

Вначале этот взгляд был в общем виде высказан Сепиром: «Люди живут не только в объективном мире вещей и не только в мире общественной деятельности, как это обычно полагают; они в значительной мере находятся под влиянием того конкретного языка, который есть средство общения для данного общества. Было бы ошибочно полагать, что мы можем полностью осознать действительность, не прибегая к помощи языка, или что язык является побочным средством разрешения некоторых частных проблем общения и мышления. На самом же деле "реальный мир" в значительной степени бессознательно строится на основе языковых норм данной группы... Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или другие явления главным образом потому, что язы-

---

⁹ Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. С. 170.

ковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения»¹⁰.

Уорф подробно развил взгляды Сепира. Уорф по профессии химик-технолог, инженер по технике безопасности, и работа по специальности позволила ему взглянуть на язык специфическим образом — с точки зрения прагматики и прагматизма¹¹. Вот как он пишет о своих впечатлениях о работе на бензиновом заводе: «Так, например, возле склада так называемых бензиновых цистерн люди ведут себя соответствующим образом, т.е. с большей осторожностью; в то же время рядом со складом с названием "Пустые бензиновые цистерны" люди ведут себя иначе: недостаточно осторожно, курят и даже бросают окурки. Однако эти пустые цистерны могут быть более опасными, так как в них содержатся взрывчатые испарения. При наличии реально опасной ситуации лингвистический анализ ориентируется на слово "пустой", предполагающее отсутствие всякого риска»¹².

Уорф был страстным поклонником культуры и языков американских индейцев, особенно его интересовали язык и культура хопи. Сравнивая их языки с европейскими языками, он и сформулировал основные положения гипотезы лингвистической относительности. Форма, культура, обычаи, этические и религиозные представления, отражающиеся в языке, имели чрезвычайно своеобразный характер и резко отличались от всего того, с чем до знакомства с ними приходилось сталкиваться в этих областях культуры ученым. Это обстоятельство подсказало мысль о прямой связи между формами языка, культуры и мышления.

Гипотеза лингвистической относительности сыграла большую роль в культуре XX в., но не столько в академической лингвистике, которая к ней относилась долгое время с подозрением, сколько в смежных областях, в аналитических исследованиях и в междисциплинарных культурологических исследованиях.

В обыденной жизни, а значит в обыденном познании социального мира термин "видение" в разном его свете распространен очень широко: больные какой-либо болезнью видят мир через призму этой болезни, поступающие в вуз — через призму экзаменов, избирающиеся в парламент — через призму выборов, пострадавшие от наводнения — сквозь стихийное бедствие и т.п. Различное видение мира находит свое выражение в системе употребляемого языка.

---

¹⁰ Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 261.

¹¹ Прагматизм — философское течение, основателем которого считается Чарльз Сандерс Пира (см. см. на с. 10).

¹² Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1.

Воспринимаемый и осмысливаемый мир строится на основе определенных языковых норм: его элементы обозначаются при помощи единиц языка. Мы выделяем в мире явлений какие-то категории, связываем их так, чтобы они были организованы, и это предопределяет использование нами некоей языковой системы, хранящейся в нашем сознании.

Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что *мы участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию*. Гипотеза Сепира—Уорфа потому и получила название гипотезы лингвистической относительности, что она обосновывает мысль о том, что *сходная картина мира может существовать только при некотором сходстве языков, ее описывающих*.

По мнению ряда исследователей, в гипотезе Сепира—Уорфа можно выделить два существенных принципа: 1) группы людей, говорящие на разных языках по-разному воспринимают и постигают мир; 2) причиной познавательных различий служит язык.

Первый принцип в строгом смысле слова и есть гипотеза лингвистической относительности. Второй принцип — по сути, доктрина лингвистического детерминизма. Судьбы этих принципов в истории дальнейшего развития науки очевидно различны. Второй принцип с самого начала кажется чрезмерно категоричным, поскольку нельзя согласиться с тем, что все различия обусловлены только языком. Если бы это было так, то люди вообще не могли бы воспринимать и познавать мир, а могли лишь говорить о внешнем мире. Что касается первого принципа (который получил особенно широкую известность), то он также подвергался серьезной критике, главным образом при опоре на результаты многочисленных исследований.

Эти исследования использовали те идеи Уорфа, где он вычленил отдельные аспекты языка, оказывающие особое влияние на мышление. К ним относятся лексика, т.е. определенный словарь, которым пользуются люди, и грамматика, т.е. правила комбинирования значащих единиц.

Николай Онуфриевич Лосский (1870—1965), русский философ, вынужденный эмигрировать из России в 1922 г., стал крупнейшим представителем интуитивистского персонализма Пражского лингвистического кружка (см. ниже). В книге "Характер русского народа" (1957) он попытался найти "формулу души русского народа". Для этого Лосский как историограф рассмотрел состояние народных нравов и типы личности в определенный исторический период (XIX—начало XX в.) и затем воссоздал то представление, которое присуще массовому сознанию русского народа: единый комплекс специфических нравственно-психологических его черт.

Автор осознает многоаспектность проблемы, включающей в себя как выделение основных нравственно-психологических свойств, присущих русским, так и создание своеобразной "пары противоположностей" — морально положительного и морально отрицательного, на которые они распадаются. Следование представлению о том, что каждая позитивная сторона характера народа внутренне сочетается с противоположной, отрицательной, дает возможность избежать односторонности в оценках народного характера, т.е. безмерного его возвеличивания, приукрашивания, восхваления либо злонамеренного принижения, оплевывания и высмеивания. Несомненно такой путь анализа был важен для Лосского как русского мыслителя, т.е. как для представителя того самого народа, оценку характера которого он стремился дать.

Какие же основные черты характера русского народа Н.О. Лосский выделяет? Прежде всего, это религиозность; затем способность к высоким формам опыта, а также к живому индивидуальному общению; страстная сила воли, максимализм и одновременно лень ("обломовщина"), пассивность; свобода духа, искание высших ценностей жизни и тут же склонность к анархии и нигилизм (у интеллигенции), хулиганство (у простонародья); исконная доброта и вспышки необузданной жестокости; даровитость и сатирический склад ума, склонность к самоуязвлению; мессианизм и невыработанность самодисциплины и т.д. Автор рассматривает также такие слабости русского характера, о которых вспоминают иностранные наблюдатели, жившие в России: отсутствие уравновешенности в поведении и чувства меры, небрежность в работе, беспечность, критиканство и бездеятельность, пьянство, своеволие, попустительство, склонность к абсурдным поступкам, внутренняя саморазорванность и увлечение безудержным самобичеванием. Он приводит оригинальное высказывание англичанина М. Бэринга, сравнивавшего свойства характера англичанина и русского: если в каждом англичанине есть сочетание свойств характера Генриха VIII, Джона Мильтона и мистера Пиквика, то в русском человеке сочетаются свойства Петра Великого, князя Мышкина и Хлестакова.

Перед нами своеобразный реестр добродетелей и пороков, этическая картина их сложного взаимопроникновения и переплетения. Соподчинение ценностей, лежащих в основе этих добродетелей, следует определенной авторской логике, и как результат мы имеем картину целостную, а не хаотичную.

Однако приведем одну прямую цитату из эссе Лосского "Характер русского народа":

Существует характерный рассказ о поведении крестьянина, который сам признал, что государственная власть, встречая человека своевольного, должна бывает принудить его к порядку строгими, даже деспотическими

мерами. В Петербурге весной таял лед на Неве и переходить по льду стало опасно. Градоначальник распорядился поставить полицейских на берегу Невы и запрещать переход по льду. Какой-то крестьянин, несмотря на крики городского, пошел по льду, провалился и стал тонуть. Городовой спас его от гибели, а крестьянин вместо благодарности стал его упрекать: "Чего смотрите?" Городовой говорит ему: "Я же тебе кричал!" — "Кричал! Надо было в морду дать!"¹³

Большой интерес для культурологии в свете проблемы взаимосвязи национальной ментальности и языка представляют работы современных ученых Н.В. Уфимцевой и Ю.А. Сорокина, где представители одной нации показаны сквозь призму видения другой нации, например русские глазами американцев, японцев, итальянцев (см. выше) и т.д. Сами русские дают себе такие характеристики (приведены в порядке от большей к меньшей частотности): гостеприимные (5 ответов), добрые (4), душевные (4), терпеливые (4), щедрые (3), открытые (2), доверчивые (2), талантливые (2), изобретательные (2), отзывчивые (1), интеллигентные (1), невоспитанные (1), задумчивые (1), начитанные (1), искренние (1), лицемеры (1), умные (1), ограниченные (1), лихие (1), сдержанные (1), оптимистичные (1), отчаявшиеся (1), веселые (1), несчастные (1), усталые (1), издерганные (1), серые (1), мрачные (1), жадные (1), злые (1), безынициативные (1), остроумные (1), великие (1), ленивые (1), бунтари (1) и т.д.

Американцы же видят русских такими: материалисты (7), дружелюбные (4), расточительные (3), громко говорят (2), любят развлечения (2), свободные (2), гордые (2), индивидуалисты (2), преданные делу (2), ориентированные на конкурентов (2), много работают (1), целеустремленные (1), мотивированные (1), честолюбивые (1), агрессивные (1), жадные (1), противные (1), высокомерные (1), грубые (1), ленивые (1), изобретательные (1), добрые (1), счастливые (1) и т.д. Набор качеств, характеризующих портреты и автопортреты русских, представляет собой противоречивое, но целостное образование, в котором авторы выделяют ядро и периферию.

Когда в идейно-политическом плане начинают абсолютизироваться этноцентристские установки, национальные идеи, действительные или мнимые преимущества, то возникают серьезные конфликты. Неоднократно в наши дни приходится слышать о так называемых конфликтных ситуациях, связанных с идеологией.

Особенно трудно в идеологическом конфликте чувствуют себя даже не авторы определенных идей, а их комментаторы, специалисты по идеологии, политики и журналисты. Им непременно надо отстаивать

---

¹³ Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М., 1991. С. 277.

некую точку зрения, и это представляется весьма сложным, поскольку чаще всего они далеко с ней не согласны. Как считает философ-лингвист Чарльз Моррис, писавший еще в 1940-е гг., от колыбели до могилы, от пробуждения до засыпания современный индивид подвержен воздействию сплошного "заградительного огня" знаков, с помощью которого другие лица стараются добиться своих целей... Ему внушается, во что он должен верить, что он должен одобрять или порицать, делать или не делать... Отношения речи и власти весьма сложные, определены идеологией, этим монстром, который безраздельно властвует в разных сферах нашей жизни.

Известное определение идеологии принадлежит Ф. Энгельсу: "Идеология — это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные побудительные силы, которые приводят его в движение, остаются ему неизвестными, в противном случае это было бы идеологическим процессом. Он создает себе, следовательно, представление о ложных или кажущихся побудительных силах"¹⁴.

Идеология, в трактовке Ролана Барта, тщательно изучившего высказывание Энгельса, это "ложное" (не лживое) сознание; это не способ сознательного обмана, а способ бессознательного самообмана. Функция идеологии состоит в том, чтобы незаметно, а стало быть безболезненно, подменить в сознании человека подлинные, но не всегда обоснованные мотивы его поведения иллюзорными, но зато нравственно приемлемыми для него мотивировками. Вот почему идеология представляет собой такую "картину мира" (способ его изображения), которая истолковывает действительность не с целью ее объективного познания, а с целью сублимирующего оправдания тех или иных групповых интересов. Идеология — это коллективно вырабатываемая ценностно-смысловая сетка, помещенная между индивидом и миром и опосредующая его отношение к этому миру.

Однако идеологию в общественных науках определяют значительно проще (не только не включая, но и нарочито избегая психолингвистические факторы): "Идеология — система идеи и взглядов: политических, правовых, религиозных, эстетических, в которых осознается и определяется отношение людей к действительности"¹⁵. "Идеология — система взглядов и идей, характеризующих какую-нибудь социальную группу, политическую партию, общество"¹⁶. С.Г. Тер-Минасова приводит следующее английское определение идеологии: "Ideology: Science of ideas;

---

¹⁴ Марк К., Энгельс Ф. Избранные произведения: В 2 т. М., 1948. Т. 2. С. 477.

¹⁵ Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000. С. 129.

¹⁶ Там же.

visionary speculation; manner of thinking characteristic of a class or individual ideas at the basis of some economic or political theory or system as Fascist, Nazi"¹⁷.

Легко заметить принципиальную неполноту всех приведенных определений от абстрактных до вносящих элементы конкретной политики: именно потому, что идеология часто выражает интересы отдельной группы, ни одно идеологическое изображение мира не в состоянии его исчерпать, дать до конца связный и целостный образ. Идеология частична по употреблению и уже в силу этого, к сожалению, ущербна.

При сопоставлении идеологий современной России и Запада чаще можно найти точки соприкосновения, чем различия. И тому, и другому языку идеологии свойственны прямая, открытая и навязчивая пропаганда преимуществ системы и режима, порядков страны. Эта пропаганда находит свое выражение в целом ряде лингвистических и экстралингвистических моментов, в подчеркивании открытого патриотизма, в культе святынь и символов. Ее можно увидеть как на транспарантах, так и в уличной рекламе.

В мире английского языка в XX в. наметилась мощная культурно-поведенческая и языковая тенденция к соблюдению языкового такта. Политическая корректность выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума и ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.п.

Если языковеды XIX в., обычно погруженные в историю, не обращали внимания на практическое применение науки о языке, то на пороге XX в. такой интересный мыслитель от лингвистики, как Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (1845—1929), писавший на трех языках — русском, польском и немецком, принял активное участие в разработке проекта реформы русской орфографии. (Проект был подготовлен за несколько лет до революции 1917 г., но реформа началась лишь в 1918 г.) Среди прочих непосредственных применений языкознания он выделял идеологическое, или, как он выражался, политическое: его данные служат одним из средств объективного определения и теоретического установления национального или государственного единства. В ряде работ, написанных после 1905 г., И.А. Бодуэн де Куртенэ пытался дать свои рекомендации для языковой политики в России. Свою точку зрения он выражал так: "Не тот или иной язык мне дорог, а мне дорого право говорить и учить на этом языке. Мне дорого право человека оста-

---

¹⁷ Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. С. 129.

ваться при своем языке, выбирать его себе, право не подвергаться от всеобщей употребляемости собственного языка, право людей свободно самоопределяться и группироваться тоже на основании языка"¹⁸. Он выступал против навязывания гражданам государственного языка и отстаивал права национальных меньшинств на обучение на родном языке и обращение в административные учреждения на нем. Тогда эти идеи не были приняты, а сам ученый даже подвергался за них преследованиям. Но в советское время близкая концепция была положена в основу работы по языковому строительству, в которой активно участвовали ученики И.А. Бодуэна де Куртенэ.

Национально-языковая политика опирается на определенное теоретическое и идеологическое обоснование. Каждое государство, общественный класс или сословие, партия исходят из определенной концепции по национальному вопросу, т.е. из своего понимания того, что такое народ, нация, народность; как связаны народ (этнос) и язык, религия, культура, государство; как соотносятся этническое и общечеловеческое, этническое (национальное) и классовое в культуре, политике, идеологии; в чем заключается справедливость и прогресс в межнациональных отношениях.

Существенно также определить приоритетность отдельных норм права. В правовом обществе права личности выше прав этноса и государства. Права этноса реализуются как права людей, составляющих этнос, а государство должно обеспечивать права всех граждан независимо от их этнической принадлежности. Как писал Бодуэн де Куртенэ, с современной точки зрения, и государство, и область, и община должны быть внепартийными, внеисповедными, вненациональными.

Языковой политикой сегодня называют совокупность установок, теоретических концепций, законодательных актов государства (партии, класса и др.), предназначенных для активного воздействия на процессы языковой жизни общества. Сюда же относят аспекты языковой национальной политики, а также вопросы конкретного регулирования проблем, связанных с взаимодействием в коллективе различных языковых образований (литературный язык и диалекты, употребление двух или нескольких языков и др.), а также вопросы нормирования и стандартизации литературных языков. Последнее, однако, чаще обозначают термином "языковое строительство".

Способы разрешения языковых проблем (выбор языка, опорного диалекта и т. п.) или лингвистических вопросов (определение норм литературного языка) зависят от идеологических концепций классов, партий или правящих кругов. Основу наиболее прогрессивной политики

---

¹⁸ Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды. М., 1963. Т. 2. С. 28.

составляют принцип равноправия всех языков и свобода выбора языка гражданами многонационального общества. Например, "Общество по изучению поэтического языка" (Опояз), возникшее в 1916 г. в Петрограде, не имело формальной организационной структуры, хотя в некоторых документах председателем Опояза называли В. Шкловского, автора брошюры "Воскрешение слова", главу русских формалистов, полагало лингвистику источником методологических нововведений.

Московский лингвистический кружок (МЛК), очень близкий к Опоязу по целям и методам исследования, стоял на аналогичных позициях и не стремился отделить науку о литературе от лингвистики. С Опоязом и МЛК были связаны В.В. Маяковский, Б. Эйхенбаум, Ю.Н. Тынянов, Р. Якобсон, О. Брик.

Вклад Опояза и МЛК в языкознание определяется разработкой проблем поэтического языка (в противопоставлении практическому), что чрезвычайно важно для выяснения границ и взаимоотношений собственно лингвистики, стилистики и поэтики. Но они занимались также исследованием ряда конкретных проблем поэтического синтаксиса, семантики и фонетики (например исследованиями "заумного" языка, имеющими отношение к одной из ключевых проблем семиотики — "мотивированности" знака).

Пражский лингвистический кружок сложился во второй половине 1920-х гг. и затем перерос в серьезную школу структурной лингвистики. С точки зрения идеологии, он интересен тем, что к группе чехословацких языковедов (Вилем Матезиус, Богумил Трнка, Богумил Гавранек, Йозеф Коржинек, Владимир Скаличка, Йозеф Вахек) присоединились вынужденно уехавшие из России русские ученые: Николай Сергеевич Трубецкой (1890—1938) и Роман Осипович Якобсон (1896—1982). В контакте с кружком развивалась деятельность живших в СССР Е.Д. Поливанова, Г.О. Винокура, Н.Н. Дурново, Н.Ф. Яковлева и др. Их взгляды имели определенное сходство с взглядами прагцев.

Реальный вклад этой школы в языкознание — последовательная структурно-функциональная концепция в исследованиях звуковой стороны языка, создание нового раздела науки о языке — фонологии. В области синтаксиса существенным вкладом явилось учение Матезиуса об актуальном членении предложения, в основе которого лежит мысль о принципиальном различии между двумя возможными способами анализа предложения: формальным членением, выделяющим подлежащее и сказуемое и раскрывающем структуру предложения, и членением на "тему" и "рему", выявляющим его "функциональную перспективу".

Функциональный подход к языку нашел отражение в активной практической деятельности представителей Пражской лингвистической школы. В их работах в области языковой культуры был заложен фунда-

мент нормативной лингвистической деятельности, задачей которой было признано стремление "развивать в литературном языке те качества, которых требует его специальная функция".

В 1920-е гг. основную роль в развитии языкознания в России играли Московский и Петроградский университеты. Резко упало значение периферийных вузов, хотя в провинции работали крупные ученые. В 1922 г. в Петрограде был создан Яфетический институт Академии наук (позже Институт языка и мышления), первоначально возникший как институт по разработке "нового учения о языке", согласно которому язык есть надстроечная категория и классовое явление. Его возглавил академик, ориентолог Н.Я. Марр, объявивший свое учение "марксизмом в языкознании", что позволило ему добиться поддержки партийно-государственного руководства. Марр сформулировал так называемую яфетическую теорию, которая первоначально представляла собой доказательство родства грузинского (и в целом иберийско-кавказских языков) с семитскими языками. Господство марксизма, который, хмуро шутя, называли "марризмом", закончилось к 1950 г., когда против него выступил И.В. Сталин. Его серия статей была затем объединена в брошюру "Марксизм и вопросы языкознания". Он назвал его исследованием "трудо-магической тарабарщиной", а самого ученого обвинил в том, что "он запутал языкознание и запутался в нем сам". Сегодня имя Н.Я. Марра ставится рядом с именами антропологов Дж. Фрейзера и Леви-Брюля (см. выше). Ему отводят место как одному из ведущих ученых, способствовавших становлению семиотики в СССР. Вяч. Вс. Иванов отмечает, что в новейших исследованиях о языках активного строя подтверждена мысль Марра о древности оборотов "у него есть" в значении "он имеет"; к числу замечательных идей Марра, высказанных еще в 1931 г., принадлежит различение двух типов языков, связанных с синтаксисом (VSO и OSV). Школа Н.Я. Марра положила начало реконструкции древнейших типов знаковых систем коммуникации, изучению звуковых и жестовых систем знаков, табу.

Один из трудов института Н.Я. Марра назывался так: "Тристан и Исольда. От героини любви феодальной Европы до богини матриархальной Африкании: коллективный труд сектора семантики мифа и фольклора". Действительный автор коллективного труда О.М. Фрейденберг установила, что в "Тристани и Изольде" мы имеем дело с яфетическим эпосом, т.е. с созданием в терминологии тех лет доисторической общественностью Африкании сказаний о космических стихиях, о солнце—Тристани и воде—Изольде, причем то, что называется романом о двух любовниках, представляет собой кельтское, стадийное оформление доисторических сказаний, созданных в эпоху средневекового западного феодализма... Палеонтология сюжета, показывая его возникновение на почве определенного мирозерцания, раскрывает не одну эпоху первобытного общества, но и последовательные ста-

дии развития его мышления и мирозерцания в зависимости от форм общественного уклада... Отводя генезис сюжета "Тристана и Изольды" к "эпохе космического мировоззрения", Н.Я. Марр указывал на начальную стадию сюжета. Группе предстояло воссоздать его стадийный процесс, а это значит проследить весь путь сюжетных трансформаций, отражающих отдельные этапы развития мышления, в зависимости от смены социально-экономических укладов...¹⁹

Смена политических, экономических, идеологических ориентиров привела в сегодняшнем идеологическом процессе в России к ярко выраженной американомании, когда привлекательными оказываются не только технические новшества, но и стандарты жизненного уровня, манера поведения и общения, вкусы. Сейчас английские слова вытесняют не только русские, но и слова других языков, ранее заимствованные и прижившиеся в родном языке ("сэндвич" вместо "бутерброд"; "слоган" вместо нем. "лозунг"; "хит" вместо нем. "шлягер"; "аниматор" вместо фр. "мультипликатор"; "дисплей" вместо фр. "экран" и т.д.).

В конце XX в. были созданы благоприятные условия для международных контактов; российское общество стало более открытым и предрасположенным к таким контактам. В новых социальных и политических условиях активно проявились причины, приведшие к неизбежности заимствований. Тем более, что само отношение к заимствованиям в новых условиях примерно с 1960-х гг. и в особенности в 1990-е гг. изменилось — оно стало более терпимым. Раньше в связи с официальной установкой "против низкопоклонства перед Западом", в период борьбы с космополитизмом в нашей стране (1940-е гг.) не только не принимались новые заимствования, но изгонялись насильственным путем из речевой практики уже укоренившиеся иноязычные слова как идеологически чуждые. В самом факте их употребления усматривались антипатриотические тенденции и устремления. Теперь же, когда стиль нашей жизни резко изменился, когда широкое распространение получили аудио- и видеотехника, компьютер, Интернет, иноязычное слово стало неотъемлемой частью словаря даже на бытовом уровне, не говоря уже о лексике научно-технической, экономической, банковской. Само слово "Интернет", заимствованное из английского языка, расшифровывается как "international net" и в переводе на русский означает "всемирная сеть".

С увеличением числа людей, пользующихся в России компьютерами все шире распространяется так называемый *компьютерный язык*. Уже вышел не один словарь для пользователей компьютеров. Один из последних — "Толковый словарь пользователя РС", в котором около 600

---

¹⁹ См.: Фрейденберг О.М. Целевая установка коллективной работы над сюжетом о Тристане и Изольде // Сумерки лингвистики. М., 2001. С. 325.

слов и устойчивых словосочетаний, где есть *собственно термины* информатики и связанная с ними лексика, но так же и часто употребляемая *лексика профессионального жаргона*.

"Мультимедиа — технология, объединяющая данные, звук, анимацию и графические изображения; использующие эту технологию программы и компьютерные средства передачи информации.."

"Мышка — Мышь. Мышки бывают с двумя и тремя кнопками. Вообще-то практически для всех случаев жизни на мышке вполне достаточно двух кнопок".

Словарь показывает грамматическую характеристику описываемых единиц и их употребление в современном русском языке. На первое место в отборе единиц описания выдвигается их значимость для пользователя, частота употребления в разговорной речи, в прессе и научно-популярных изданиях. Кроме терминов собственно информатики ("база данных", "программирование", "пакет прикладных программ"), терминов, описывающих аппаратную часть компьютерной системы ("материнская плата", "системная шина", "чипсет", UPS), знание которых необходимо пользователю, наряду с их сленговыми эквивалентами ("мама", "железо", "Упса") в словарь входят и имена собственные — названия марок и фирм, наиболее часто встречаемых в текстах, связанных с компьютерами (Intel, Microsoft, Macintosh).

Потребность в словесном обозначении новых понятий и явлений действительности и отсутствие в русском языке адекватных наименований неизбежно привели к заимствованиям интернациональной лексики, которая в большей своей части представляет собой английские слова.

Однако на этой волне удовлетворения потребностей языка всплыло много словесного хлама, ненужного, засоряющего язык. Иностранное слово стало не только необходимым, нужным, но и привлекательным, престижным. В таком случае мера и избирательность в применении иноязычной лексики начинает утрачиваться. Побеждает общий настрой, мода, желание быть "наравне с веком". Вот некоторые лексические параллели, свидетельствующие об отсутствии необходимости в заимствовании, поскольку существуют лексические эквиваленты (правда, иногда несколько огрубленные): "конверсия" — преобразование, "стагнация" — застой, "имидж" — образ, "коттоновый" — хлопчатобумажный, "реперный" — ключевой, важный, "транспарентный" — прозрачный. Среди эквивалентов есть и ранее заимствованные: пресс-конференция, инструктаж (из лат. яз) — "брифинг"; авторитет, популярность (из лат. яз.) — "рейтинг"; реклама (фр.) — "паблисити", спектакль (фр.) — "шоу". Правда, сопоставляемые аналоги не всегда равноценны (есть различия между брифингом и инструктажем или между имиджем и образом), но

ведь эти дополнительные оттенки смысла могли бы развиваться в соответствующих контекстах, и не было бы нужды в заимствовании.

В настоящее время заимствование представлено широко во всех сферах жизни — политической (преобразования в государственном и партийно-политическом устройстве), экономической (переход к рыночной экономике), финансовой (появление банков, новой кредитно-финансовой системы), в сфере предпринимательской деятельности (развитие профессиональной деятельности как интеллектуальной деятельности в период становления рыночных отношений), технической (развитие видеотехники, компьютерной техники, Интернета), бытовой (влияние в стиле одежды, времяпрепровождения), в сфере поп-искусства и спорта (социально-психологический настрой на принятие нового, "иного мира", ранее запретного) и др.

Среди наиболее употребительных заимствований в 90-е гг. XX столетия можно назвать слова: "аутотренинг", "аэробика", "бартер", "бейсик", "брейк", "ваучер", "видеодиск", "видеоклип", "героин", "гиперинфляция", "гуманоид", "дезодорант", "дисплей", "дилер", "дискета", "диск-жокей", "дискомфорт", "имидж", "интроверт", "инаугурация", "инклюзивный", "китч", "клип", "кока-кола", "ламбада", "листинг", "луна-парк", "макияж", "марихуана", "маркетинг", "мафиози", "менеджмент", "оффшор", "рейтинг", "репринт", "рокеры", "скейт-борд", "спонсор", "суицид", "телекинез", "телефакс", "тинейджер", "трейлер", "триллер", "ушу", "фазенда", "файл", "харизма", "хеппенинг", "хоспис", "шейпинг", "шоумен", "шоу-бизнес", "экссклюзивный", "экстраверт", "экстрасенс", "пиар".

Употребление заимствований терминологической лексики прежде всего связано со специальной сферой деятельности — в научной, технической литературе, в профессиональном общении. Однако для современного языка характерным оказывается взаимодействие различных подсистем языка, в частности применение терминов в бытовой, повседневной речи. Через средства массовой информации, а также вследствие активного внедрения техники в быт современного человека специальные понятия и термины становятся активными составляющими бытового лексикона. Более того, подобная лексика внедряется в просторечие. Это еще раз говорит о широком усвоении иноязычных слов русским языком. Конечно, такая лексика часто трансформируется, звучит искаженно, переиначивается: "Она рентгеном работает"; "В квартире лимит живет"; "Понаехала всякая лимита"; "Вышла замуж за контингента". Нелитературный характер подобных словоупотреблений очевиден, но сам факт проникновения иноязычной лексики в просторечие говорит о том, как чужое слово становится своим, органично включенным в словарь повседневного быта.

Константин Паустовский говорил, что "человек, равнодушный к своему языку, — дикарь. Он вредоносен по самой своей сути, потому что его безразличие к языку объясняется полнейшим безразличием к прошлому, настоящему и будущему своего народа....По отношению каждого человека к своему языку можно судить не только о его культурном уровне, но и о его гражданской ценности. Истинная любовь к своей стране немыслима без любви к своему языку"²⁰.

Такова позиция членов "Общества любителей российской словесности" (ОЛРС), основанного в 1811 г., распущенного властями в противоречивую советскую эпоху и возрожденного небольшой группой отечественных филологов в 1992 г. при поддержке академика Д.С. Лихачева. Современные русисты, специалисты по культуре речи справедливо говорят о том, что русский язык — наше национальное достояние. Отражая наши национальные достоинства, язык сегодня часто показывает и наши беды. Практически все лингвисты, литературоведы, культурологи, философы обеспокоены судьбой русского языка. Современные политики в публичных выступлениях нередко прибегают к жаргону криминальных группировок, наиболее тиражные газеты выносят на первую полосу слова-ругательства, памятник "солнцу русской поэзии" А.С. Пушкину задавлен кричащей рекламой. Власть часто демонстрирует равнодушие к языковым проблемам...

Однако мы знаем, что русский язык — мощный фактор формирования личности в современном обществе, мировосприятия, выработки стереотипа общественного поведения. Но это не значит, что языковое окружение (то, что человек читает и слышит) с неизбежностью лепит эту личность по своему языковому подобию. Личность активна, она постоянно производит отбор языковых средств. Нас не удивляет то обстоятельство, что из анализа речевых средств, которыми пользуется тот или иной персонаж литературного произведения, мы способны сделать выводы об эмоциональных, интеллектуальных и социальных особенностях человека. Между этими величинами есть и обратная зависимость.

В обществе действуют определенные языковые нормы. Но специфика культурно-речевой нормы в том, что она не предусматривает никаких санкций в противовес, скажем, правовым нормам общественного поведения. Слова, которые мы произносим, не просто улетают к адресату, тексты, которые мы создали, воздействуют не только на слушающего. Они оставляют след и в нас. Нарушение языковых норм — процесс объективный, обусловленный развитием языка, человека, общества. Писатель-публицист часто преступает их для речевой характеристики персонажей, добиваясь усиления воздействия своих произведений. В повсе-

---

²⁰ Паустовский К. Поэзия правды // Собр. соч. М., 1958. Т. 6. С. 637.

дневной речи мы делаем это, достигая определенного эффекта, например комического. Иногда уклонение от стандарта используется, как своего рода пароль, речевой сигнал говорящего и слушающего к одной и той же социальной или профессиональной группе. Все это случаи целенаправленных и осознаваемых нарушений. Естественно, они могут быть и неосознанными, как следствие имитации, а также низкой культуры говорящего.

Необходимо следить за речью, формировать внутренние санкции против речи эмоционально обедненной, но также и против излишне вычурной, перегруженной всякого рода красотами. Необходимо уважение к памяти поколений, запечатленной в родном слове. Необходима действенная забота о слове в электронных и печатных средствах массовой информации. Необходимо быстрее развитие федерального и регионального законодательства, связанного с использованием, защитой и развитием родной речи. Родная русская речь — это наиболее ценная и в то же время наиболее ранимая часть нашей культуры, нашего национального достояния.

Л и т е р а т у р а

Алпатов В.М. История лингвистических учений. М., 1998.

Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985.

Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1984.

Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре. М., 2000.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

Чем определяется коммуникация?

Расскажите о проблемах антропологии у Леви-Брюля.

Как вы понимаете, что такое "языковое сознание"?

Что думал Гумбольдт по поводу влияния языка на духовное развитие человека?

Почему страшна "болезнь денационализации"?

В чем состоит гипотеза лингвистической относительности?

Что такое идеология?

Как соотносятся язык и политика?

Какие отношения с властью были у школ языкознания, возникших в России в советское время?

Расскажите о современной России через язык и культуру.

Что вы знаете о компьютерном языке?

6. ЭТНОЯЗЫКОВАЯ САМОБЫТНОСТЬ ПРОТИВ СТАНДАРТИЗАЦИИ И ГЛОБАЛИЗМА

Этнос — исторически сложившаяся совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры (в том числе и языка) и психики, а также сознание своего единства и отличия от других таких же образований.

В русском языке такому пониманию термина "этнос" соответствует слово "национальность", в которое нередко вкладывается содержание значительно более узкое, чем то, которое дается слову "нация". Но поскольку термин "национальность" многозначен¹ и изменчив в стабильном плане, целесообразным стало слово "этнос" (от греч. *этникос*²).

В качестве наглядной иллюстрации реальности существования этноса в узком смысле слова может служить наличие общих черт у отдельно живущих, пространственно разобщенных групп людей, принадлежащих к одной национальности. К примеру, украинцы из Украины и украинцы Канады имеют общие черты культуры, в том числе и языка, а также сознание общности происхождения, но у них отсутствует и территориальная, и экономическая, и государственная общность.

Представляя определенную общность культуры, каждый этнос тесно связан со своей средой, которую составляют как социальные, так и природные факторы, выступающие в качестве неперемennых условий его возникновения.

Особые образования, появляющиеся в результате взаимопроникновения этноса и социального организма, во многих случаях обладают относительной самостоятельностью, обеспечивающей особенно благоприятные условия для этнического воспроизводства. Эти синтетические образования часто являются одной из важных и весьма распространенных форм существования этноса, они могут быть определены как этносоциальные организмы (сокращ. "эсо"). Такого рода организмы наряду с эт-

---

¹ Помимо отмеченного значения, термин "национальность" в современном русском языке употребляется также для указания на принадлежность лица к определенному этносу. Слово "национальный" в качестве кальки с западно-европейских языков подчас приобретает значение "государственный" (например "национальное достояние", "национальный доход" и т.д.)

² В древнегреческом языке "этникос" означает "народный, свойственный народу".

нической и культурной общностью к тому же обладают территориальной, экономической, социальной и политической общностью.

Подчеркнем: если иметь в виду собственно этнос, то очевидно, что государственная принадлежность не является его неизменным компонентом, хотя так полагают некоторые авторы. Ведь один и тот же этнос может находиться в различных государственно-политических образованиях.

"Объединиться в этнос" нельзя, так как принадлежность к тому или другому этносу воспринимается самим субъектом совершенно непосредственно, органично, и окружающими констатируется как факт, не подлежащий сомнению. Человек принадлежит к своему этносу с младенчества. Иногда возможна инкорпорация в этнос иноплеменников, но в больших размерах она разлагает этнос. Этнос может быть раздроблен, но при этом он ощутимо сохраняется в диаспорном состоянии, образуя многочисленные реликтовые формы.

Конкретно-исторические условия меняются на протяжении жизни этноса не раз. Дивергенция же (раскол, раздробление) этносов чаще наблюдается при господстве одного способа производства, одной формации. Поскольку исторический процесс представляет собой взаимодействие природы и истории людей, следует подчеркнуть, что каждый человек не только член того или иного общества, находящегося на определенной ступени развития, но и физическое тело, подверженное гравитации, завершающее звено какого-либо биоценоза, организм, способный к адаптации и находящийся в возрасте, определенном воздействием гормонов. То же можно сказать про долгоживущие коллективы, которые образуют разнохарактерные классовые государства или племенные союзы (социальные организмы), а в природном этносы. Этнос есть форма существования *homo sapiens*.

Уже очень долгое время ведутся дискуссии по вопросу, изменяется ли биологический вид *homo sapiens* или социальные закономерности полностью вытеснили механизм действия видообразующих факторов? Общей для человека и для всех живых существ является необходимость обмениваться со средой веществом и энергией, но человек отличается от остальных тем, что почти все необходимые для него средства существования вынужден добывать трудом, взаимодействуя с природой не только как биологическое, но и как социальное существо.

Как бы ни была развита техника, все необходимое для поддержания жизни люди получают из природы. Значит они входят в трофическую цепь как верхнее, завершающее звено биоценоза (совокупности растений, животных и микроорганизмов) населяемого ими региона. А если это так, то они являются элементами структурно-системных целостностей, включающих в себя, наряду с людьми, domestikаты (домашние животные и культурные растения), ландшафты (как преобразованные

человеком, так и девственные), богатства недр, взаимоотношения с соседями (либо дружеские, либо враждебные), ту или иную динамику социального развития, а также то или иное сочетание языков (от одного до нескольких) и элементов материальной и духовной культуры. Эту динамическую систему можно назвать *этноценозом*. Она возникает и распадается в историческом времени, оставляя после себя памятники человеческой деятельности, лишенные уже саморазвития и способные только разрушаться, и этнические реликты, достигшие фазы гомеостаза (сохранения постоянства).

Каждый процесс *этногенеза* (рождения и развития этноса) оставляет на теле земной поверхности четкие следы, благодаря которым возможно установление общего характера закономерностей этнической истории. И теперь, когда спасение природы от разрушительных воздействий стало одной из главных проблем человечества, необходимо уяснять, какие стороны деятельности человека были губительны для ландшафтов, вмещающих этносы. Ведь разрушение природы с губительными последствиями для людей — беда не только нашего времени. Оно вообще не всегда сопряжено с развитием культуры или просто с ростом населения.

Итак, повторим еще раз, этнос — языковая, традиционно культурная общность людей, связанных общностью представлений о своем происхождении и исторической судьбе, общностью языка, особенностей культуры и психики, самосознанием группового единства и даже своей биологической природой. Последняя характеристика в особенности подчеркивается таким ученым, как Л.Н. Гумилев, чье видение оригинально и самобытно.

Субэтнос, по Л.Н. Гумилеву, этническая система, являющаяся элементом структуры этноса. К примеру, в русском народе субэтнотом являются поморы, заволжские старообрядцы, кержаки, русские казаки.

Суперэтнос (надэтнос) — этническая система, которая состоит из нескольких этносов, возникших в одном регионе, и проявляет себя как мозаичная целостность. К примеру, для каждого народа, имеющего славянское происхождение, славяне выступают в качестве суперэтноса, хотя, по логике вещей, суперэтнос как лежащий в основе расхождений родственных близких народов, должен был бы называться скорее их *этническим субстратом*.

В качестве суперэтноса можно, например, считать греков, живших на территории Римской империи, "покоривших" римлян своей культурой.

Когда этнос понимается как состояние живой природы, то появляется необходимость поиска источника того стимула, который приводит в движение саму природу этнического сообщества. Он вводит термин "пассионарность" как способность и стремление к изменению окруже-

ния или, переводя на язык физики, нарушению инерции агрегатного состояния среды. Импульс пассионарности, по Л.Н. Гумилеву, бывает столь силен, что носители этого признака — пассионарии — не могут заставить себя рассчитать последствия своих поступков. Это очень важное обстоятельство, указывающее, что пассионарность — атрибут не сознания, а подсознания, важный признак, выражающийся в конституции нервной деятельности. Степени пассионарности различны, но для того, чтобы она имела видимые и фиксируемые историей проявления, пассионариев должно быть много, т.е. этот признак не только индивидуальный, но и популяционный.

В пассионарности Л.Н. Гумилев видит важный наследственный признак, вызывающий к жизни новые комбинации этнических субстратов. "Пассионарность — это биологический признак, а первоначальный толчок, нарушающий инерцию покоя, — это появление поколения, включающего несколько пассионарных особей. Они самим фактом своего существования нарушают привычную обстановку, потому что не могут жить повседневными заботами, без увлекающей их цели"³. Пассионариям в большей степени, чем прочим членам этноса, присуще свойство рассеивать свой генофонд путем случайных связей, в чем проявляется механизм сохранения признака пассионарности в популяции.

Есть у Л.Н. Гумилева еще один интересный термин — "этническое поле", т.е. феномен этноса как таковой. Он, с его точки зрения, не сосредотачивается в телах ребенка и матери, а проявляется между ними. Ребенок, установивший связь с матерью первым криком и первым глотком молока, входит в ее этническое поле. Пребывание в нем формирует его собственное этническое поле, которое потом лишь модифицируется вследствие общения с отцом, родными, другими детьми и всем народом. Но поле в начале жизни слабо, и если ребенка вначале поместить в другую этническую среду, то перестроится именно оно, а не темперамент, способности и возможности. Смена этнической принадлежности в детстве происходит весьма безболезненно. Листая страницы всемирной истории, автор обращает внимание то на конфессиональные противоречия, то на трагическую гибель людей и культур, как результат действия все тех же этнических полей и растраты пассионарности в определенной фазе этногенеза.

Думая о будущем, Л.Н. Гумилев провидчески указывает: "Биосфера"⁴, способная накормить людей, не в состоянии насытить их стремление

---

³ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М., 1990. С. 281.

⁴ Биосфера — термин, введенный В.И. Вернадским, означающий одну из оболочек земли, включающий в себя, кроме совокупности живых организмов, все пло-

покрыть поверхность планеты хламом, выведенном из цикла конверсии биоценозов. В этой фазе этнос, как Антей, теряет связь с почвой, т.е. с жизнью и наступает неизбежный упадок. Облик этого упадка обманчив. На него надета маска благополучия и процветания, которые современникам представляются вечными, потому что они лелеют себя иллюзией о неисчерпаемости природных богатств. Но это — утешительный самообман, рассеивающийся после того, как наступает последний и на этот раз роковой фазовый переход"⁵. Иными словами, ученый указывает на нешуточность экологической угрозы.

С философско-антропологической точки зрения, созданная трудом и мыслью человека искусственная среда, своеобразная система внебиологических механизмов, или так называемый культурный слой, на поверхности земли, в ее недрах, глубинах мирового океана, в атмосфере, а ныне и в ближайшем космосе, может рассматриваться как "вторая природа", которая получила название *ноосфера* (от греч. *ноос* — разум и сфера). Это понятие и термин впервые ввел в обиход французский философ, ученый-антрополог и богослов Пьер Тейяр де Шарден (1881—1955). Один из потомков Вольтера по материнской линии, член Ордена иезуитов, он понимал под ноосферой идеальную мыслящую оболочку, которая облекает земной шар с тех пор, как на нем появился человек. "Только одно истолкование, только одно название в состоянии выразить этот великий феномен — ноосфера, — писал французский мыслитель. — Столь же обширная, но значительно более цельная, чем все предшествующие покровы (барисфера, литосфера, гидросфера, атмосфера, биосфера, стратосфера), она действительно — новый покров, новый "мыслящий пласт", который, зародившись в конце третичного периода, разворачивается с тех пор над миром растений и животных — вне биосферы и над ней. С очеловечиванием (гоминизацией) начинается новая эра. Земля меняет коду. Более того, она обретает душу"⁶.

Материалистическое понимание ноосферы еще до Тейяра де Шардена разрабатывал выдающийся российский мыслитель и естествоиспытатель академик Владимир Иванович Вернадский (1863—1945), рассматривавший ее как новую, высшую стадию биосферы, связанную с развитием в ней человечества. Осваивая природу, она начинает оказывать на нее решающее влияние и своей деятельностью изменяет сам ее характер. Вернадский, в частности, был одним из создателей так называемого *антропокосмизма* — научного направления, стремившегося объединить

ды их былой жизнедеятельности: почвы, осадочные породы, свободный кислород атмосферы.

⁵ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. С. 432—433.

⁶ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987. С. 149.

в единую систему социально-гуманитарное знание и естественные науки, изучающие природу (и шире космос). В этом его взгляды также перекликались с идеями П. Тейяра де Шардена, который придавал им, однако, религиозную окраску, говоря о необходимости слияния и сотрудничества религии, в центре которой находится человек, и опытной науки, исследующей преимущественно природные феномены. "Религия и наука, — писал он, — две неразрывно связанные стороны, или фазы, одного и того же полного акта познания, который только один смог бы охватить прошлое и будущее эволюции, чтобы их рассмотреть, измерить и завершить"⁷. Не об этом ли говорил и Владимир Соловьев, утверждая в рамках философии всеединства необходимость некоего органического синтеза веры и опытного знания?

Колоссальное значение сегодня имеет этническая культура, под которой понимается вся совокупность культурного достояния, присущая данному этносу в лице его отдельных представителей и целых групп, независимо от того, имеют ли различные элементы и структуры этого достояния специфическую этническую окраску или же являются этнически нейтральными. Помимо этнической культуры, в культуру этноса входят элементы иноэтнической и интерэтнической культуры. Этническая культура динамична в пространстве и времени, а также различна в разных подсистемах культуры. В материальной культуре в целом этническая специфика выражена слабее, чем в духовной, однако даже в рамках отдельных хозяйственно-культурных типов можно выявить существенные этнокультурные различия, несводимые к экологическим и хозяйственным условиям. Даже массовое современное производство предметов материальной культуры не исключает сохранения в них определенного этнического колорита. В условиях социально-экономической модернизации центр этничности перемещается в область духовной культуры. Вместе с тем многие формы духовной культуры имеют межэтническое распространение и к тому же весьма дифференцированы в социальном отношении.

В мире насчитывается более 2000 языков, и все они чем-то отличаются друг от друга. Культурная идентификация, как пишет П.С. Гуревич, крупный русский философ и культуролог, это самоощущение человека внутри конкретной культуры. Ниже мы излагаем близко к тексту его точку зрения на ряд серьезных вопросов от этноцентризма и эгалитаризма до европоцентризма, американоцентризма и афроцентризма⁸.

Расовые, этнические, религиозные и иные формы дискриминации в конечном счете коренятся в эволюционной потребности индивида в оп-

---

⁷ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. С. 223.

⁸ См.: Гуревич П.С. Культурология. М., 1996. С. 186—199.

ределенных формах групповой идентификации. Группы, которые сумели добиться какой-то сплоченности, возможно, выжили лучше, чем те, которые не сумели ее добиться. Все общества обладают тем, что американский футуролог Олвин Тоффлер называет "психосферой", которая охватывает их идеи, начиная от общности и идентичности. Таким образом, идеи "принадлежности", или "общности", и акт идентификации с другими оказывается одной из фундаментальных скреп всех человеческих систем.

Индивидуальная и групповая культурная идентичность выглядит иной в соответствии с историческими волнами парадигмальных преобразований. Например, в течение 10 тыс. лет господства на планете сельского хозяйства индивиды чрезвычайно прочно идентифицировались с семьей, кланом, деревней или другими группировками, которые при всем том захватывали индивида уже при появлении на свет. Индивид рождался уже как член семьи и расовой группы. Он всю жизнь проживал в деревне, в которой родился. Религия задавалась ему родителями и местным сообществом. Таким образом, базисные индивидуальные и групповые культурные привязанности определялись уже при рождении. Групповая идентичность обычно оставалась постоянной на протяжении всей жизни человека.

После промышленной революции глубинная человеческая потребность в культурной идентификации сохранилась, но ее индивидуальная и групповая природа заметно изменилась. Отныне индивида поощряли за то, что он идентифицировался с нацией вместо деревни. Классовое сознание служило еще одной формой идентификации и системы культурных референций. Разделение труда породило совершенно новые культурные группировки. Сложился новый слой идентичности. Хотя многие из прежних форм идентификации сохранились, они были интегрированы с новым слоем того, что можно назвать идентифицирующими признаками. Некоторые из прежних идентификаций утратили свою эмоциональную силу, в то время как новые ее приобрели.

Промышленная революция ослабила семейные формы культурной идентификации. Это выразилось, скажем, в том, что забота о престарелых была снята с детей и возложена на государство. Национальные привязанности стали сильнее, а местные связи — слабее. Но в этом случае господствующие идентификации, кроме профессиональных связей, по-прежнему фиксировались или в значительной степени предопределялись уже при рождении.

В нынешнюю эпоху характер культурной идентификации также меняется. При переходе к более гетерогенному, более дифференцированному обществу нам следует ожидать гораздо большего разнообразия идентификаций и группировок. Во всех высокотехнологических странах

политическая жизнь все больше сегментизируется, потребительский рынок отражает все более разнообразные индивидуальные и групповые потребности. Все большее число субкультур отпадает от господствующих ценностей общества. Те же самые центробежные процессы действуют внутри самих меньшинств.

Что касается расовых, этнических и религиозных подгрупп в каждом обществе, то они сегментируются на меньшие, более разнообразные мини-группы. Теперь не считают американских "черных" гомогенной группой и не включают их в группу выходцев из Латинской Америки. Меняется само понятие о политически значимом меньшинстве. Различия, которые раньше считались незначительными, приобретают культурное и политическое значение.

Не случайно мы становимся свидетелями агрессивной самоорганизации со стороны таких групп, как престарелые, страдающие физическими недостатками, гомосексуалы, ветераны войны, которые считают, что массовое общество несправедливо обходится с ними. Возникают новые идентификационные группы, и этот бурный социальный процесс получает ускорение благодаря демассифицированным средствам массовой информации — специально адресованных публикаций, кабельного телевидения, спутников связи, видеокассет и т.п.

Кроме того, индивид все менее и менее связан контекстом своего рождения и обладает большим выбором в самоопределении. Конечно, мы по-прежнему рождаемся как члены семей и расовых групп, однако очевидно, что по мере нарастания современных цивилизационных преобразований многие люди приобретут большую возможность в выборе культурной идентичности в соответствии с усилением индивидуальности и гетерогенности в новой социальной структуре. Заметно ускоряются отныне и темпы социальных и культурных изменений, так что идентификации, которые выбираются, становятся все более кратковременными. Новые формы самоотождествления накладываются на прежние, возможно, более глубоко укорененные слои расовой и этнической идентичности.

Этническое сознание предполагает идентификацию индивида с историческим прошлым данной группы и акцентирует идею "корней". Этнос, мирозерцание этнической группы вырабатывается с помощью символов общего прошлого — мифов, легенд, святынь, эмблем. Эта культурно-историческая преемственность в жизни этноса — величина динамическая и переменная. Так, американские ирландцы представляют собой более поздний, своеобразный вариант ирландского этноса, сформировавшийся в особых экономических и политических обстоятельствах. Этот этнос обладает некоторыми собственными символами и историческими воспоминаниями, что отнюдь не нарушает этнического единства ирландцев по обе стороны океана.

Идея этноса включает представление о социокультурной групповой специфике, а также о физических и квазифизических отличительных признаках. Причем сознание особенности, "непохожести" на других разделяется самими представителями данного этноса, а не только фиксируется посторонним взглядом. Этнос — категория соотносительная, лишенная смысла вне полиэтнической системы отношений. К примеру, понятие "датский этнос" наполняется конкретным социальным содержанием лишь в том случае, если рассматривать Западную Европу как некую единую систему, а Данию — как ее составную часть. Англичане представляют собой один из этносов Великобритании (этническое большинство) постольку, поскольку наряду с ними существуют шотландская и гельская (уэльская) этнические группы (меньшинства).

В этом смысле любую этническую культуру, независимо от ее масштабов и удельного веса, следует мыслить как субкультуру в рамках плюралистической культуры данного сообщества. Этнос не обязательно характеризуется единством территорий или кровным родством. Этнические группы крупнее кровнородственных и соседних групп, они более разбросаны и разветвлены. Народы диаспоры, подвергшиеся превратностям рассеяния, миграций, коллективного изгнания, сохраняют ярко выраженную этническую определенность даже в случаях отсутствия исходной или новообразованной территориальной базы.

Этнические категории обладают символической, эмблематической, знаковой природой как для сознания самих членов этнической группы, так и для посторонних. Поэтому символические аспекты территориальной и языковой общности подчас оказываются существеннее реальных: например, Иерусалим как символ исторической родины евреев или мечта черных мусульман о создании собственной страны на землях Миссисипи или Алабамы.

Единство этноса опирается на целостность этнической структуры, на функционирование этнического "субобщества", общины. Этническая структура — это арена наглядного проявления и воплощения этнической культуры и текущей жизни. Ежедневный труд, соседские отношения, совместная религиозная практика, политическая активность, экономическое поведение, досуг и развлечения — все это может быть в той или иной степени формой культурной идентификации.

Американскому социологу Г. Абрамсону принадлежит типология персонификаций, воплощающих в себе формы культурной идентификации.

Тип традиционалиста — это лица, разделяющие ценности данной культуры и интегрированные в соответствующую структуру. Автор подчеркивает *новаторский дух этнических традиционалистов* — представителей культурных меньшинств, компенсирующих творческими начинаниями маргинальность и неустойчивость своего общественного по-

ложения. Шотландцы в Британской империи, евреи в христианском мире, армянские и греческие купцы в диаспоре, китайцы в Юго-Восточной Азии нередко оказываются инициаторами нововведений.

К типу пришельца-неофита относятся люди, которые включены в структурную систему этнических связей, но не имеют наследственных корней в соответствующей этнической культуре — она не составляет их внутреннего духовного достояния, не интериоризирована ими. Ранняя идентификация пришельца протекала за пределами культурной общности, к которой он примкнул. Он ощущает себя на пороге совершенно нового культурного опыта. Отсюда чувство неуверенности и маргинальности, более острое, нежели маргинальность традиционалиста, который одиночество среди иноплеменников компенсирует взаимопониманием с соплеменниками. Врастая в чужую структуру, человек предварительно или одновременно вживается в ее культурные ценности и символы.

Тип изгнанника противоположен типу пришельца-неофита. Речь идет об утрате первичных социальных связей с соплеменниками при сохранении этноса и символических традиций родной культуры. Духовный опыт изгнанника — это прежде всего опыт изоляции и одиночества. Житейские типы изгнанника встречаются на разных уровнях социально-классовой системы: будь то китаец-прачка или владелец ресторана, иностранный чернорабочий или еврей при дворе немецкого кронпринца в XVII—XVIII вв.

Тип евнуха — это лица, лишенные памяти о культурном прошлом, не обремененные никаким традиционно-символическим наследием и в повседневной жизни не вросшие в какую-либо социокультурную среду. В своем знаменитом романе "И дольше века длится день" Ч. Айтматов называл таких людей, лишенных корней, манкуртами. "Евнух" — тип, противоположный типу традиционалиста. Классическим его образцом можно считать евнуха при дворе восточного деспота. Янычар в войске, телохранитель-кавас в иностранном посольстве, христианин-вероотступник, ставший визирем при стамбульском дворе, — таковы формы утраты прежней культурной идентичности в эпоху османского владычества.

В современную культурологию входит еще одно понятие, служащее оппозицией нормальной культурной идентичности, — *маргиналы*. Это слово появилось во Франции как имя существительное в 1972 г. Маргиналами стали называть тех, кто сам отвергает общество либо оказывается отринутым им. Маргинальность — это не состояние автономии, а результат конфликта с общественными нормами, выражение специфических отношений с существующим общественным строем. Маргинальность не возникает вне резкого реального или вымышленного столкновения с окружающим миром.

По мнению французского социолога А. Фаржа, уход в маргинальность предполагает два совершенно различных маршрута: либо разрыв всех традиционных связей и создание собственного, совершенно иного мира, либо постепенное вытеснение (или насильственный выброс) за пределы законности⁹.

В любом варианте, будь то результат "свободного" выбора или же следствие процесса деклассирования, который провоцируется напуганным обществом, маргинал обнаруживает не изнанку мира, а его теневые стороны. Общество выставляет напоказ отверженных, чтобы подкрепить свой собственный мир, "нормальный" и светлый.

Современная демократия ориентируется на растворение социокультурных групп в обезличенном "массовом" обществе, не на индивидуальную и групповую идентичность людей, но на общество как многоединство. Эта концепция, по мнению Е.Б. Рашковского, исходит из принципа единства человеческой природы в живом многообразии ее конкретных проявлений. Принцип соблюдения человеческого достоинства людей различных культурных ориентаций и убеждений — вот краеугольный камень современного демократического, плюралистического и правового общества.

Проблема, однако, заключается не только в том, чтобы обезопасить общество от маргинальных групп. Маргинальность вообще становится универсальным феноменом. Многие люди оказываются как бы между культурными обозначениями. В мире немало людей, которых называют полукровками. Многие не могут четко идентифицировать себя ни с одной культурной общностью. Они оказываются между, допустим, традиционной и современной культурами, между различными исповеданиями и т.д.

Пытаясь раскрыть единство культуры как феномена, канадская исследовательница Л. Марсиль-Лакост правильно подметила концептуальные неувязки, присущие сторонникам различных подходов к факту множественности культур. К сожалению, ее собственная позиция строилась на противопоставлении двух понятий — *эгалитаризма* (т.е. равенства) и *плюрализма*, которые, по существу, не обнаруживаются в виде альтернативы.

Плюрализм не противостоит эгалитаризму, когда разнообразие культур рассматривается как множество равных, самостоятельных, хотя и различных духовных сущностей. Именно идея плюрализма обычно несет в себе требование равенства национальных и локальных культур в противовес унификации и глобализации культурного процесса.

---

⁹ См.: Фарж А. Маргиналы // Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 143—144.

В какой мере вопрос о единстве и плюрализме культур может способствовать разъяснению и детерминации философской идеи культуры? "Обычный способ подхода к данному вопросу основан, по-видимому, на недоразумении, — отмечала Марсиль-Лакост. — В самом деле вопрос о единстве и плюрализме культур ставится как вопрос, цель которого — либо определить культуру, включая в нее уровень единства или плюрализма, рассматриваемый адекватно, либо установить эмпирический уровень единства или плюрализма, характеризующий одну или несколько культур. Таким образом, вопрос, являющийся по существу эпистемо-логическим и аксиологическим, ставится как концептуальный и эмпирический"¹⁰.

Многие культурфилософы, в том числе русский философ Н.Я. Данилевский, немецкие философы О. Шпенглер, В. Шубарт, обосновывали идею равенства всех культур. О. Шпенглер, как известно, критиковал европоцентристское воззрение, согласно которому можно игнорировать историю Китая или считать недостойной внимания культуру майя. Говоря об автономности культур, он подмечал, что "эти культуры, живые существа высшего порядка, растут совершенно бесцельно, как цветы на поле"¹¹. Разумеется, при отсутствии иерархии культур они тем не менее могут заслонять друг друга. "Феномен отдельных культур, следующих друг за другом, вырастающих одна подле другой, соприкасающихся, заслоняющих и подавляющих друг друга, исчерпывает все содержание истории"¹².

Перечислим, к примеру, основные положения "Философии истории" Вальтера Шубарта.

1. Исторические процессы ритмичны. Поэтому оказываются принципиально верными циклические объяснения социокультурных процессов, предложенные древними индусами, персами, иудеями (книга пророка Даниила), а также Гёте, Ницше и Шпенглером.

2. Наиболее значительный исторический ритм заключается в чередовании четырех вечных прототипов культуры и личности. Развитие каждого из этих прототипов и его борьба против предшественника и последователя составляет стержень истории культуры и придает эпохе ее ритм, напряженность и конфликт.

3. Каждый вечный прототип переступает пределы нации или расы. Он способен распространяться на целый континент. В пределах своего

---

¹⁰ Марсиль-Лакост Л. Единство и плюрализм культур // Общество и культура; философское осмысление культуры. М., 1988. Ч. 1. С. 66.

¹¹ Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993. С. 27.

¹² Там же. С. 135.

господства прототип пронизывает всю культуру, и каждый человек вынужден считаться с ним, следуя ему или выступая против него.

4. Всякий раз, когда человечество "оплодотворяется" новым прототипом, предыдущий прототип кажется устаревшим. Новый прототип воспринимается как высшая ценность, как цель, по отношению к которой вся предыдущая история была лишь подготовкой. Возникший прототип полностью раскрывается и воплощает все свои ценности. Затем, истощив свои ресурсы, он устаревает и уступает место новому.

5. Шубарт выделяет четыре главных прототипа культуры и личности, или "души", — гармонический, героический, аскетический и мессианский.

6. Вслед за Данилевским, Шпенглером и Тойнби Шубарт отвергает линейное истолкование исторического процесса и "оправдание" истории с помощью будущей цели прогресса. Для Шубарта все времена равны перед Богом, даже героическая эпоха, его отвергающая. Непрерывное развертывание творческих божественных сил происходит все время, и поэтому любой исторический момент сам по себе заключает оправдание своего существования.

Идея множественности культур предполагает обсуждение еще одного вопроса: могут ли культуры оказывать влияние друг на друга или они фатально разъединены, непроницаемы? В европейской философии наиболее распространенными на протяжении долгих столетий были представления о безусловной открытости различных культур, об их взаимном воздействии друг на друга. Правда, это воззрение совмещалось с апологетическим отношением к самой культуре. В соответствии с идеей европоцентризма западные культурные системы отражают патриархальный мир, выражая собой варианты древних или средневековых стадий развития, давно пройденные Западом или оставленные далеко позади.

В современной литературе К. Леви-Строс также исходит из принципа равенства культур. Он одинаково высоко оценивает достижения эскимосов, прекрасно приспособившихся к суровому климату Арктики, и культуру Индии, которая создала непревзойденные по своей глубине религиозно-философские системы¹³.

Все культуры равны. Но есть основание для их ценностного сопоставления. Культуры Мексики и Перу не выдержали напора завоевателей, поскольку были негибкими. Здесь тоже имела место культурная коалиция. Но культуры, которые вступили в нее, были по существу одинаковыми, тогда как в Европе такое смешение создавало принципиально иное качество. Прогресс выступает в этих рассуждениях все-таки

---

¹³ *Levi Strauss, C. Dynamique culturelle et valeurs. In: Approches de la science du développement socio-économique. P., 1971. P. 271—272.*

как весьма важный показатель. Чем более развиты формы общения между культурами, тем больше оснований для прогресса. "В этом смысле можно сказать, что кумулятивная история — это форма истории, характерная для таких социальных суперорганизмов, которые составляют группы обществ, тогда как застойная история — признак неполноценного образа жизни изолированных обществ"¹⁴.

Разбирая концептуальные неувязки этой теории, Г. Померанц пишет: «Здесь К. Леви-Строс останавливается. Связанный принципом равноценности культур, он не хочет идти дальше, не хочет предположить, что "коалиция культур" сама по себе может стать устойчивым явлением, своего рода культурой. Если принять это предположение, то разница между культурой и "коалицией культур" вообще становится условной (в конце концов каждая культура есть "форма общения")»¹⁵.

Европоцентризм — культурфилософская и мировоззренческая установка, согласно которой Европа и присущий ей духовный уклад являются центром мировой культуры и цивилизации. Первыми в Европе противопоставили себя Востоку древние греки. Понятие Востока они относили к Персии и другим землям, находившимся восточнее греческого мира. Но уже в Древней Греции это понятие было не просто географическим, в него вкладывался более широкий смысл. Разграничение Запада и Востока стало формой обозначения противоположности эллина и варвара, "цивилизованности" и "дикости".

Ясно, что такое деление имело отчетливо выраженную ценностную окраску: варварское начало решительно отвергалось во имя эллинского. Подобный взгляд со временем оформился в одну из традиций, унаследованных социальной практикой и духовной жизнью послеантичной Европы. Ведь Греция явилась отправной точкой развития европейской культуры Нового времени.

Античные философы ощущали единство человеческого рода. Однако масштабы вселенского самочувствия были еще незначительны. Другие народы — "варвары" — не воспринимались как идентичные грекам. Собственно к человеческому роду относились не все племена. "Пайдейя", т.е. образованность, мыслилась как родовой признак человечества, в лоно которого могли войти не все народы.

Итальянский философ Р. Гвардини утверждает, что если спросить средневекового человека, что такое Европа, то тот укажет на пространство, где обитает человек. Это прежний "круг земель", возрожденный духом Христовым и объединенный союзом скипетра и Церкви. За пределами этого пространства лежит чуждый и враждебный мир — гунны,

---

¹⁴ *Levi Strauss, C. Dynamique culturelle et valeurs. In: Approches de la science du développement socio-économique. P. 283.*

¹⁵ *Померанц Г. Выход из транса. М., 1995. С. 209.*

сарацины. Однако Европа — это не только географический комплекс, не только конгломерат народов, но живая энтелехия (т.е. интеллект), живой духовный облик. Он, по мнению Гвардини, раскрывается в истории, с которой доньше не может сравниться никакая другая история¹⁶.

Крестовые походы и путешествия, приведшие к великим географическим открытиям, захват новооткрытых земель и жестокие колониальные войны — все это в конечном счете воплощенные в реальных исторических деяниях проявления европоцентристской точки зрения. Согласно ей, Европа, Запад с их историческим укладом, политикой, религией, культурой, искусством представляют собой единственную и безоговорочную ценность.

В эпоху Средневековья, когда экономические, политические и культурные связи Европы с остальным миром резко ослабевают, а важнейшим фактором духовной и политической жизни становится христианство, Восток в сознании европейца закономерно отодвигается на задний план как нечто отдаленное и сугубо экзотическое. Однако возвеличивание Запада прослеживается в европейском сознании на протяжении столетий.

Мысль о разъединенности людей поддерживалась в европейской философии концепцией избранности Запада. Предполагалось, что другие народы относятся к человечеству условно, поскольку еще не достигли необходимого культурного и цивилизационного уровня. Разумеется, они идут дорогой прогресса. Однако при этом народы многих стран проживают вчерашний и позавчерашний день Европы. Идущие по социально-исторической лестнице, народы далеко не всегда оценивались с позиции человеческой соборности. Это было не человечество, а скорее народы разных ойкумен.

Идея европоцентризма, хотя и несла в себе обособление Востока, в то же время подспудно была одушевлена поиском родовых основоположений человечества. Она исходила из мысли, что все народы пройдут западными магистралями и обретут единство. В этом смысле представления о Востоке как зоне "недовыполненного" человечества служили той универсальной схемой, которая, сохраняясь, могла вместе с тем в разное время и в разных обстоятельствах наполняться совершенно различным содержанием. Такие значительные течения европейской культуры, как Просвещение и романтизм, новейшая (начиная с Шопенгауэра) западная философия, искусство модернизма, молодежная контркультура 1960-х гг., самым интенсивным образом вобрали в себя ориентальные элементы, стремясь соотнести, соизмерить себя с Востоком.

---

¹⁶ См.: Гвардини Р. Спаситель в мифе, откровении и политике. Теолого-политические раздумья // Философские науки. 1992. № 2. С. 154.

Идеологи восходящей буржуазии трактовали культуру как синоним "просвещенности". Что касается "диких" народов, то они оценивались как "несостоявшиеся европейцы". В своих теоретических построениях рационализм XVII—XVIII вв. неизменно опирался на пример "дикарей", живших в "неиспорченном", "исходном" состоянии, руководствовался понятием "естественных свойств человека". Отсюда частая апелляция просветителей к Востоку и вообще культурам, не затронутым европейской цивилизацией.

"Не столько пренебрежительное отношение к черным, сколько особенностями художественной психологии XVII, XVIII и первой половины XIX столетия, — пишет отечественный музыковед В. Конен, — мешали людям западного воспитания заметить афро-американскую музыку, услышать ее своеобразную красоту, ощутить ее звуковую логику. Вспомним, что в кругозоре поколений, следовавшем за эпохой Ренессанса, не было места не только "ориентальному", т.е. внеевропейскому искусству (мы здесь имеем в виду не экзотику, а музыку Востока в своем подлинном содержании). Из поля зрения также выпал ряд крупнейших художественных явлений, сформировавшихся на культурной почве самой Европы"¹⁷.

Восходящая к эпохе Просвещения вера в прогресс человеческих знаний укрепляла представление об одностороннем, монолинейном движении истории. Внеисторически понятная "разумность" в противовес "заблуждениям" и "страстям" рассматривалась просветителями как универсальное средство совершенствования общества. Прогресс мыслился ими как постепенное проникновение европейской цивилизации во все регионы мира. Импульс поступательного движения у просветителей был логически непрерывным и толковался как единство, содержащееся уже в бессознательном начале как осознаваемая конечная цель.

Движение всех народов в единую всемирную историю, которое осмысливали Вольтер, Монтескье, Гердер, породило все же важную идею поиска изначальной универсальной культуры. Сложилось представление, что у истоков истории различные народы не были разделены в духовном и религиозном смысле. У них были общие корни, но единая культура впоследствии распалась на множество самостоятельных ареалов.

Если Гердер усматривал в ориентальном мире воплощение патриархального идиллического начала, то Гегель уже пытался поставить вопрос о том, почему восточные народы ушли от своих человеческих истоков, остались в известной мере за пределами магистральной линии истории. В работе "Философия истории" он пытался раскрыть картину

---

¹⁷ Конен В. Блюзы и XX век. М., 1980. С. 4.

саморазвертывания духа, историческую последовательность отдельных стадий. Так рождается схема "Иран—Индия—Египет".

Этот подход к оценке общественного развития в дальнейшем стал вырождаться в апологетическую, по своей сути, "прогрессистскую" концепцию с характерным для нее представлением о науке (а затем и о технике, информатике) как об оптимальном средстве разрешения любых человеческих проблем и достижения гармонии на путях устройства рационально спроектированного миропорядка. Предполагалось, что западная культура некогда вобрала в себя все ценное, что мог дать Восток. Более того, сложилась гипотеза о том, что кочевые индоевропейские народы на заре истории вторглись из Центральной Азии в Китай, Индию и на Запад. Встреча разных культур породила будто бы европейскую цивилизацию, обогащенную контактом различных религий.

Вместе с тем в XX в. в европейском сознании вызревал кризис европоцентризма. Европейский просвещенный мир пытался понять, правомерно ли рассматривать европейскую идею как всемирную. А. Шпенглер отказывался видеть в мировой истории нечто планомерно-цельное, предостерегал от попытки "органически конструировать" ее¹⁸.

О. Шпенглер оценивал схему европоцентризма — от древности к Средневековью и затем к Новому времени — как бессмысленную. По его мнению, Европа как небольшое пятнышко неоправданно становится центром тяжести исторической системы. Он отмечал, что с таким же правом китайский историк мог бы, в свою очередь, построить всемирную историю, в которой крестовые походы и эпоха Возрождения, Цезарь и Фридрих Великий были бы обойдены молчанием, как события, лишённые значения. Шпенглер называл птолемеевской, т.е. устаревшей, привычную для западноевропейца схему, согласно которой высокоразвитые культуры совершают свой бег вокруг Европы¹⁹. Леви-Строс позже, исследуя древнюю историю, высказал догадку, что именно западная культура выпала из всемирной истории²⁰.

Однако в целом европоцентристская концепция не утратила своего статуса. Сложившееся еще в философской классике возвеличивание разумного, рационального "эллинского" начала в противовес стихийности и эмпиричности иных культур, а также возникшее позднее стереотипное представление о технической цивилизации, активно содействовали формированию различных современных сциентистских иллюзий. Они, в частности, нашли опору в разработке Макса Вебера, историка-экономиста

---

¹⁸ См.: Шпенглер А. Об истории // *Его же*. Мир как воля и представление. М., 1900. Т. 2. С. 455.

¹⁹ См.: Шпенглер О. Закат Европы. С. 22.

²⁰ См.: Леви-Строс К. Печальные тропики. М., 1984. С. 130.

(1864—1920), принципа рациональности, основного принципа в его философии истории. Именно Вебер наиболее последовательно рассматривал рациональность как историческую судьбу европейской цивилизации. Он пытался объяснить, почему формальный разум науки и римского права превратился в жизненную установку целой эпохи, целой цивилизации. Постепенное "открытие" мира, вытеснение из мышления, из общественного сознания магических элементов, с одной стороны, а с другой — все большее постижение последовательности и постоянства явлений, — вот те идеи, которые берут у Вебера современные философы, осмысливающие феномен европоцентризма.

Последовательно культуроцентристскую разработку теории европоцентризма находим в наследии немецкого теолога, культурфилософа Эрнста Трёльча (1865—1923). По его мнению, всемирная история — это история европеизма. Европеизм — великий исторический индивидуум, который являет собой для европейцев предмет истории. Западный мир связан с антично-средиземноморским. Эти великие культурные миры формируют в нераздельном единстве европеизм и еще сегодня определяют его там, где он в ходе великой англосаксонской и латинской колонизации распространился на большую часть земного шара²¹. Только европоцентризм позволяет говорить о всеобщей истории, человечестве и прогрессе. "Для нас существует только всемирная история европеизма"²². Э. Трёльч считал, что у народов вне Европы отсутствует историческое самосознание и критическое отношение к прошлому — такую потребность ощущал лишь европейский дух. Поэтому знание чужих культур может быть значимым только для самопознания, понимания мира и практических отношений. Только европеец превратился из хрониста, эпика, пророка и мистика, собирателя грамот и политика в философа истории. Провидя современные европоцентристские интуиции, Трёльч говорит о борьбе с желтой расой, об угрозе возможных варварских вторжений в Европу.

Современный европоцентризм поддерживается концепцией "модернизации мира". Он утверждает, что другие культуры должны принять современный жизненный уклад Запада. Своеобразная разработка европоцентризма содержится в концепции "постистории" Фрэнсиса Фукуямы. Она исходит из того, что идея либерализма становится универсальной.

Американоцентризм — одна из разновидностей европоцентризма, рассматривающая Америку как форпост человечества, как цитадель абсолютно новой культуры. Осмысление культурных связей между Евро-

---

²¹ См.: Трёльч Э. Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории. М., 1995. С. 606.

²² Там же. С. 608.

пой и Америкой имеет в философии давние традиции. Реальные социально-исторические особенности судьбы американской нации, разумеется, позволяли говорить о своеобразии США. Но суть проблемы заключалась в следующем: действительно ли эти специфические черты истории континента привели к рождению особой культуры, противостоящей европейской, или, как думали многие мыслители, здесь складывались лишь модификации последней? Некоторые философы, приглядываясь к переменам, которые происходили на американском континенте, усматривали в этих нововведениях прообраз принципиально иной цивилизации, не только решительно опережающей европейскую, но и ценностно несоизмеримой с ней. В свою очередь, философы Нового Света, подхватывая эту установку, развивали всевозможные мессианские идеи, согласно которым Америка выступала в роли "спасительницы" древней Европы, "поводыря человечества", цитадели ожидаемых культурных сокровищ. Вполне понятно, что в данной системе рассуждений Европа оказывалась воплощением исчерпавшей себя духовности, вчерашних дней прогрессистских упований.

Однако культурные узы Европы и США порождали в философской литературе и противоположный ход мысли, когда энтузиазм по поводу социальных и духовных преобразований на новых землях сменялся унынием, разочарованием в цивилизаторской миссии Америки. Тогда взоры теоретиков отворачивались от "кичливой соперницы", "вавилонской блудницы" и вновь тяготели к "просвещенной Европе". Отмеченные коллизии служили специфической ширмой, за которой разыгрывались острые социальные конфликты, осмысливались "собственно европейские" или "собственно американские" проблемы.

Поначалу господствующий в западном сознании строй мысли не включал даже намека на какое-то культурное различие между Европой и Америкой. Последняя рассматривалась как форпост первой, где последовательно реализуются европоцентристские тенденции. Затем постепенно как в американском, так отчасти и в западноевропейском сознании начало складываться иное убеждение. Некоторые мыслители стали мало-помалу обращать внимание на культурно-историческое своеобразие Америки, укреплялось представление о том, что именно здесь, в Новом Свете, разыгрывается какая-то новая драма истории, выявляется специфический потенциал человеческого духа.

Однако, по мере развертывания истории западного мира, все чаще стали возникать сомнения по поводу принципиальной самобытности США. Действительно ли Америка располагает какой-то оригинальной культурой, если последняя сложена из разнородных элементов? Способен ли "плави́льный котел" из множества своеобразных культур создать нечто целостное и уникальное? Попытки раскрыть неповторимость аме-

риканской культуры, доказать ее своеобразие, принципиальное отличие от европейской то и дело приводили к прямо противоположным результатам. Получалось, что духовная жизнь Нового Света мало чем отличается от европейской.

Хотя американские мыслители находились под сильным влиянием европейского идейного наследия, все же они придавали ему особую трактовку. Известно, скажем, что американские интеллектуалы восприняли основы английского пуританизма. Однако они сообщили ему оттенок мессианизма. Именно поэтому в американском общественном сознании стали укрепляться универсалистские провиденциальные идеи, согласно которым именно Америка будто бы может в противовес Европе стать истинным проводником религиозных и гражданских свобод, воплотить в жизнь священные заветы.

Английская Америка рассматривалась идеологами Нового Света как бастион гражданских и религиозных свобод. Война с Францией укрепляла провиденциальные настроения. Наступление американской революции оценивалось как божественный промысел. Концепция божественного провидения стала важным рычагом национального самоутверждения. Американская революция приравнивалась к исходу евреев из Египта, основатели государства — к библейским патриархам, а Дж. Вашингтона уподобляли Моисею.

Государство, основанное на новом континенте, не имело ни прошлого, ни гомогенного населения. Но именно эти обстоятельства и содействовали созданию развернутой социальной мифологии. Появились идеи о том, будто Америка начинает новую историю человечества. Американские мыслители оценивали свою страну как внеисторическую нацию, которая сложилась благодаря свободной воле своих основателей. Соединенные Штаты противопоставлялись нередко Европе, которую Америка будто бы превосходила своими целями, миссионерским предназначением.

Игнорируя социально-экономические факторы национальной консолидации, американские теоретики подчеркивали объединяющую роль мифов. Завоеватели материка изображались как подвижники, имеющие полное право предписывать свою волю "примитивным" народам Америки и Африки. С помощью данных идеологием оправдывались насилие и геноцид. Историческое становление мыслилось как борьба с "дикостью" индейцев, как цементирование нации на почве наиболее жизненных и неоспоримых культурных стандартов.

Отчетливым своеобразием был отмечен и американский романтизм. Если европейские романтики тяготели к идеализации Средневековья, то в американском сознании такая тенденция не прослеживалась. Американские философы идеализировали будущее. Они возвещали наступле-

ние новых времен, грядущее торжество принципов демократии и гуманизма, которые они стремились проиллюстрировать на примере якобы бесконфликтной истории США. Вместе с тем культурное своеобразие новой нации расценивалось ими как залог уникального исторического развития.

Итак, американские теоретики издавна пытались противопоставить Новый Свет Европе, рассматривая Америку как новое культурное пространство, как принципиально иной мир. Поэтому они стремились обнаружить те черты и признаки общественной жизни, которые позволили бы им провести отчетливое разграничение между двумя культурами — американской и европейской.

Представление о самобытности культурного уклада Америки, где будто бы обеспечивается постоянное восхождение к личному успеху, было нормальной иллюзией экономической истории США. Она поддерживалась некоторыми реальными фактами социальной практики. Абсолютизация ценностей индивидуализма произошла в Америке не случайно. Феодализм и его традиции были устранены здесь раньше и в гораздо более полной мере, чем в Европе. Поэтому уже в XVIII в. Новый Свет, с присущими ему социальными порядками, культурным и психологическим укладами, весьма отчетливо противостоял Старому Свету.

Многие современные американские мыслители, пытающиеся проанализировать самобытность культуры Нового Света, в конечном счете понимают, что история Америки дала пищу для несбыточных упований. Однако отсюда делается парадоксальный вывод: да, иллюзии сопровождали летопись Америки, а история показала их беспочвенность, но именно эта социальная мифология и содействовала формированию совсем иной, нежели европейская, культуры.

Так, американский историк Дж. Робертсон в книге "Американский миф, американская действительность" (1980) отмечает, что мифология, основанная на подчеркивании девственности Нового Света по сравнению со Старым, находит свое регулярное воплощение в двух национальных праздниках — дне рождения Дж. Вашингтона и Дне Благодарения. Оба праздника представляют собой ритуальное воспевание американских мифов, отражают своеобразие американской культуры.

Исторически американское национальное сознание включало в себя глубокую веру в исключительность происхождения и судеб развития страны. Сложившаяся здесь культура была пропитана мыслью о том, что американцы — новый народ, который, сформировавшись из тех, кто искал свободу в Новом Свете и обрел ее, в последующие десятилетия был обязан выполнять свое миссионерское предназначение.

Миф о Новом Свете не был оторван от других, более древних мифов. Он вобрал в себя представления о рае, о "золотом веке", о Риме и варварах. Основу этого мифа составляют три элемента: Новый Свет открыт Колумбом; он был новым и пустынным; аборигены расценивались как нецивилизованные народы — ведь они были "ниже" тех, кто пришел позже на эти земли.

Американская культура, стало быть, содержит в себе конгломерат представлений, имеющих более или менее тесную связь с действительностью. При этом многие из компонентов данной культуры представляют собой некие культурные напластования, которые возникли в результате определенной социально-исторической причины, но не исчезли вместе с ней. Это относится к "американской мечте", т. е. к представлению, будто Америка может стать раем на Земле. Она возникла как результат деятельности первых поколений американцев, которые не расставались с Библией, осваивали новые земли.

В идеологии США в XX в. отчетливо выделялись две задачи: первая — восстановить "американскую мечту" и вторая — Америка должна войти в следующее столетие самой сильной нацией в мире и главной опорой мира и демократии, покорителем космоса (полеты на Марс, новая космическая программа).

Долгое время в мире господствовали белые. Сверхдержавы, экономические гиганты располагаются главным образом в Северном полушарии и в основном населены или управляются белыми. И все же контроль белых над значительными частями Земли является недавно сложившейся ситуацией. Она начала складываться 300—400 лет назад. Тогда европейцы двинулись за рамки собственного континента. Они открыли Новый Свет, быстро покорили индейцев и захватили как Северную, так и Южную Америку. Они освоили торговый путь в Индию, не затронув ислам, который господствовал в Средиземноморье, продолжили колонизацию Азии и Африки.

Критическим периодом для формирования негритянского расизма явились 1850-е гг. Сторонники этого движения утверждали, что негры не должны считать себя гражданами Америки и быть лояльными по отношению к ней. В ряде книг вся мировая история с библейских времен пересматривалась с позиции негритянского национализма. К негритянской расе относили все высокоцивилизованные народности древнего мира — египтян, вавилонян, финикийцев. Высказывались предположения, что негры были в числе предков Иисуса Христа. К великим представителям негритянской расы причислялись Платон, Цезарь, Августин Блаженный.

В развитии негритянского расизма широко использовались труды американского идеолога Э. Блайдена (1832—1912). В своих работах он

занимался типологией негритянской расы, пытался очертить негритянский национальный характер. Он противопоставлял миролюбие негров и агрессивность европейцев, находил, что по сравнению с европейцами негры меньше заражены индивидуализмом, больше нацелены на сотрудничество и религиозность. Центральное место в работах американского политика А. Краммела (1819—1898) занимал панафриканизм. Он защищал идею единства негритянской расы.

Следует вместе с тем проводить различие между опытом сравнительного анализа культур и собственно идеологическим истолкованием такого анализа. Обоснование самобытности расы далеко не всегда приводит к идее расистской культуры. Огромную роль в оформлении афро- и азиоцентризма сыграло наследие немецкого исследователя Лео Фробениуса (1873—1938). Он характеризовал культуры Востока и Запада как полярные типы. Восточным культурам, по его мнению, присущи "пещерное чувство", неподвижность, идея судьбы. Европейским культурам свойственны "чувство дали", динамичность, идея личности и свободы.

Разумеется, в этих культурфилософских воззрениях содержалась в основном идея сравнительного анализа культуры. Типология Фробениуса оказалась прогностической для шпенглеровского разделения "аполлоновской" и "фаустовской" культур. Напомним, что и Н.А. Бердяев размышлял о "женственности" русской и "мужественности" германской культур. Это созвучно тому, как Фробениус сопоставлял мужские и женские культуры. Однако эти культурфилософские экспертизы были использованы для обоснования верховенства, особенности и мессианства неевропейских культур. Ведь именно в Западной Германии Фробениус искал древнее наследие Атлантиды. Он создал сложную мозаику самобытных культур Африки.

Из наследия Фробениуса видный идеолог негритюда Леопольд Сезар Сенгор (р. 1960) (подробнее см. с. 117) использовал идею уникальности африканской культуры. Негр — дитя природы. Разум африканского негра интуитивен, поскольку он нацелен на соучастие к другому человеку. Эмоциональное отношение к миру как раз и определяет все культурные ценности африканского негра — религию, социальные структуры, искусство и литературу.

Развившаяся на рубеже 1850-х—1860-х гг. концепция самобытности и самооценности африканцев выявляет культурный потенциал расы и в этом значении не может быть иллюстрацией расистской культуры. Речь идет о принципиальной разнице между европейцем и африканцем в видении, чувствовании мира. Европейец живет разумом, африканец — чувством, европейец — логикой, африканец — ритмом, европейец — расчетом, африканец — слиянием (растворением), европейец — потреблением

("пожиранием"), африканец — сопереживанием (уподоблением), европеец — земным (заземленным), африканец — космическим (возвышенным), европеец — плотским, африканец — духовным.

Так после Второй мировой войны еще одна сила вошла в историю и стала угрожать устойчивости европейской культуры. Народы Востока, цветные расы обнаружили желание быть активной силой истории. Колониальные системы рухнули, и тогда обнаружил себя афроцентризм. Заявили о себе сначала арабский национализм, а затем и исламский фундаментализм.

Афроцентризм — специфическая мировоззренческая установка, направленная на ценностное возвышение африканской культуры. Он получил распространение после крушения колониальной системы в виде своеобразного учения негритюда, обосновывающего всевластие негритянской расы. Идеологи негритюда утверждали, что многовековое господство Европы, европоцентристские установки должны смениться верховенством Африки. В разработке афроцентризма существенная роль принадлежит прежде всего создателю теории негритюда философу, поэту и эссеисту из Сенегала Леопольду Седару Сенгору. Основные его работы по философии афроцентризма — "Дух цивилизации и законы африканской культуры" (1956), "Негритюд и германизм" (1965), "Негро-африканская эстетика" (1964). Отдельные вопросы афроцентризма освещаются в работах таких африканских ученых, как Жозефо Ки-Зербо (Буркина-Фасо), Энгельберт-Мвен-га (Камерун), Ола Балагу и Экпо Эйю (Нигерия). Огромное место в философии афроцентризма занимает проблема специфики собственно африканской культурной практики. Говоря о психологии африканского негра, Сенгор отмечал, что он — дитя природы. Африканский негр, по его словам, будь то крестьянин, рыбак, охотник или пастух, живет на лоне природы, вне земли и в то же время с ней, вступая в доверительные отношения с деревьями, животными и всеми элементами, подчиняясь суточным и сезонным ритмам. Африканский негр открывает все свои органы чувств и готов к приему любого импульса, вплоть до глубинных волн природы, без какого бы то ни было экрана (не говоря уже о реле и трансформаторах), между субъектом и объектом.

Отмечая специфику негритянской культуры, приверженцы афроцентризма показывали, что для негра на первом месте всегда форма и цвет, звук и ритм, запах и прикосновение. Такое мироощущение противопоставляется западному, рационалистическому. Психологические и художнические интуиции негро-африканской культурологии подхватывались и европейским сознанием. Так, Ж.-П. Сартр в "Черном Орфее" противопоставляет черного крестьянина белому инженеру. По мнению

Л. Сенгора, именно отношение к объекту — к внешнему миру, к "другому" характеризует народ и, таким образом, его культуру.

Теоретики афроцентризма разрабатывали модель европейского человека как сугубо отрицательную, в ценностном отношении несоизмеримую с африканской. По словам Сенгора, белый человек являет собой (или, по крайней мере, являл — со времен Аристотеля и до "бестолкового девятнадцатого века") объективный разум. Как человек действия, воин, хищник, европеец прежде всего отделяет себя от объекта. Он держит объект на расстоянии, обездвигивает его вне времени и в некотором смысле вне пространства, фиксирует и убивает его. Вооружившись точными инструментами, он безжалостно расчленяет объект, чтобы провести фактический анализ. Образованный, но движимый лишь практическими соображениями, белый европеец, убив "другого", использует его для практических целей: он воспринимает его как средство. Эта страсть к разрушению в конечном счете сулит европейцам беду.

Иначе выглядит образ африканского негра. Он, образно выражаясь, заперт в своей черной коже. Он живет в первозданной ночи и прежде всего не отделяет себя от объекта: от дерева или камня, человека или зверя, явления природы или общества. Негр не держит объект на расстоянии, не подвергает его анализу. Получив впечатление, он берет живой объект в ладони, как слепец, вовсе не стремясь зафиксировать его или убить. Он вертит его в чутких пальцах так и этак, ощупывает его, ощущает. Африканский негр — одна из тех "тварей", которые были созданы на третий день творения: чистое сенсорное поле. Он познает "другого" на субъективном уровне, самыми кончиками усиков, если взять для сравнения насекомых. И в этот миг движение эмоций захватывает его до глубины души и уносит центробежным потоком от субъекта к объекту по волнам, порождаемым "другим".

Этнолингвистика — научная дисциплина, находящаяся на стыке этнографии и лингвистики и изучающая взаимоотношения между этносами и языком. Предмет этнолингвистики включает в себя такие отрасли гуманитарного знания, как социолингвистика, паралингвистика, этнология; охватывает область этногенеза и этнической истории, а также этноязыковые процессы, как внутренние, так и в межэтнических контактах, роль языка в формировании и функционировании этнических общностей.

Помимо этого, этнолингвистика занимается эмпирическими исследованиями моделей и функций применения языка в различных ситуационных контекстах, свойственных разным культурам, равно как и созданием общей теории языка, шире — коммуникации вообще всей совокупности человеческой культуры, опираясь при этом на предпосылки, исходящие от связи конкретных культур с конкретными языками.

Культура межнационального общения — целостный феномен, обусловленный коллективным образом существования, это сложно структурированное динамичное образование, имеющее социальную природу и выражающееся в социальных отношениях, направленных на усвоение, сохранение, создание, распространение идей, ценностей, обеспечивающих взаимопонимание людей в различных социальных ситуациях.

В многонациональном социуме, как сегодня говорят, складывается свой этнос, включающий "нормос" и "патос", соответственно приемлемые и недопустимые формы общения, которые не являются простой суммой традиций, норм, принятых в каждой культуре, и могут лишь частично повторять элементы каждого этноса. Нормы, традиции, ритуалы, обычаи, правила общения этноконтактной группы не есть простая сумма их составляющих.

В процессе общения люди воспринимают и оценивают друг друга с позиций собственной культуры и внутренних, присущих ей стандартов. "Культурные фильтры" существуют независимо от сознания. Базовая культура пронизывает все сферы человеческой жизни, включая сферу межнациональных отношений. Незнание культурных особенностей при межкультурных контактах нередко оборачивается расстроенными человеческими отношениями, а порой и межнациональной напряженностью.

Общение в межэтническом социуме характеризуется высоким уровнем стресса. Исследования показали, что чем больше человек следует нормам поведения, отличным от тех, которые приняты в его базовой культуре, тем выше уровень личностной напряженности. Социальное присоединение, социальная поддержка — факторы, уменьшающие неблагоприятные влияния.

Открытое неприятие социумом норм базовой культуры личности также вызывает высокий уровень стресса вследствие конфликта. У личности, включенной в многонациональный социум, может не сформироваться чувство принадлежности к данному обществу, возникнуть так называемая *аномия* (от греч. *аномо* — беззаконный, неуправляемый), характеризующаяся разрушением системы нравственных ценностей, норм, идеалов. Это вызывает глубокий кризис личности. Аномия сопровождается нарушением единства культур, обуславливает тенденцию к социальной смерти, в своих крайних формах она означает смерть социума.

Процесс формирования культуры общения в многонациональном социуме неразрывно связан с процессами формирования позитивной этнической идентичности и этнической толерантности, на которых базируется внутренний мир человека и окружающий его мир социальной реальности. При формировании культуры общения необходимо учитывать национально-психологические особенности членов этноконтактной группы и культурную дистанцию.

Культура межнационального общения существует на индивидуальном и социальном уровнях. Личность усваивает установки, ценности, верования, модели поведения, которые составляют культуру социума. Культура индивидуально выражена и социально обусловлена. Она имеет свою собственную жизнь на групповом уровне. Не существует отдельного индивида, который усвоил бы всю культуру группы. Культура — "надорганичный", коллективный феномен, находящийся вне индивидуального человека. Как социальный феномен, культура имеет свою собственную жизнь и обратной связью усиливает то поведение, которое она программирует (понимание, приятие культуры усиливает ее, непонимание — ослабляет).

Л и т е р а т у р а

Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1983.

Вернадский В.И. Русский космизм. М., 1993.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М., 1990.

Гуревич П.С. Культурология. М., 1996.

Исаев М.И. Словарь этнолингвистических понятий и терминов. М., 2002.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

Что представляет собой наука этнология и как вы понимаете, что такое этногенез?

Что такое этноцентризм и культурная идентификация?

Ваша точка зрения на эгалитаризм.

Что такое европоцентризм, америкацентризм, афроцентризм?

Каковы проблемы этнолингвистики?

Как решаются конфликты в полиэтнической среде?

В современной культурологии после слов "семиосфера" (см. тему 9), "концептосфера" (совокупность основных концептов данной культуры), появилось и слово "логосфера". У каждого из этих слов культурная семантика формируется на основе взаимодействия двух разных предметных областей — языка и культуры. Однако что же такое логосфера? Это прежде всего речемыслительная область культуры. Из значений корней ясно: "логос" (греч.) — слово, речь, рассказ + мысль, идея, понятие; "сфера" (греч.) — шар, область. Широкое значение логосферы — вся огромная область культуры, наполненная "словами и идеями". Логосфера — единая структура мысли и речи, общие принципы, которые определяют речемыслительную или мыслеречевую структуру. Как можно убедиться, рассматривая топику речи и составляющие топику смысловые модели, в организации мысли и организации речи прослеживаются некие общие порядок, законы, принципы.

Если мы определяем предмет речи, ищем его разновидности, то, используя логическую операцию дедукции или индукции, риторическую топику, "род и вид", мы находим искомое.

Термин "логосфера" не столько как термин, сколько как образ, как идею предложил Ролан Барт в работе "Война языков" (1975). Речь в ней идет о проблеме, которая впоследствии стала предметом пристального внимания лингвистов и философов. Эта проблема — связь логоса, языка и речи, мысли и идеи с властью, например с иерархией социума (социум — человеческая общность определенного типа), порою с установлением такой иерархии.

Во Франции уже давно, в России позднее бизнесмены и преуспевающие люди пользуются английским языком, отсекающим незнающих и непосвященных. Бюрократические юридические процедуры, коммерция, сфера досуга (кино и музыка) — все теперь на английском языке, проявляющем в некоторых случаях заметную агрессивность. Из Англии, Америки привозят таблички с надписями: "Private!" (частное владение); "Keep out!" (держись подальше).

Жесткость и лаконизм этих императивов проникли даже в лирическую поэзию:

Я знаю два времени: "утро" и "ночь",
Я знаю два шага: "вперед" и "назад",
Я знаю два жеста: "Keep quiet" и "прочь"...
Мне страшно. Я вижу дорогу в ад...

С. Анджапаридзе

Главная идея, которая содержится в сопоставительном исследовании логосфер разных культур, заключается в том, что ученые пытаются проникнуть в менталитет, ментальность личности или общественной группы, порою большого социума и найти что-то вроде формулы, допустим русской или английской души.

Что такое менталитет, ментальность? Это способ мышления личности или общественной группы, присущие им духовность, склад ума, мировосприятие. Этим термином широко пользуются на Западе, предполагая следующее: "*Mentality: the being mental or I or of the mind (degree of) intellectual power; (loosely) mind, disposition, character*". — "*Менталитет*: способность находиться в разуме, в своем уме; (в широком смысле) склад ума, настроение, характер"¹.

Термином "ментальность" давно пользуются так называемые новые французские историки: М. Блок, Ж. Февр, Ж. Ле Гофф. В центре их внимания, особенно у Жака Ле Гоффа, массовое сознание, коллективные представления, образ мира, доминировавший в толще общества. Они называют ментальностью манеру мыслить, подчас лишенную логики умственных образов, которые присущи данной эпохе или определенной социальной группе. Эти способы ориентации в социальном и природном мире представляют собой своего рода "автоматизмы мысли"; люди пользуются ими, не вдумываясь в них и не замечая их, наподобие мольеровского Журдена, который говорил прозой, не догадываясь об ее существовании. Системы ценностей далеко не всегда и не полностью формулируются моралистами или проповедниками — они могут быть имплицированы в человеческом поведении, не будучи сведены в стройный, продуманный нравственный кодекс. Но эти внеличные установки сознания имеют тем более принудительный характер, что не сознаются. История ментальностей — это история замедлений в истории.

Образ мира, заданный языком, традицией, воспитанием, религиозными представлениями, всей общественной практикой людей, — устойчивое образование, меняющееся медленно и исподволь, незаметно для тех, кто им обладает. Исследование ментальностей — большое завоевание "новой исторической науки", открывшее новое измерение истории, пути к постижению сознания "молчаливого большинства" обще-

---

¹ Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. С. 195.

ства, тех людей, которые составляют его основу, но которые, по сути дела, были исключены из истории.

До недавнего времени в России не обращали никакого внимания на такую категорию, как менталитет (ментальность), воображая, будто духовная жизнь исчерпывается философскими, религиозными, политическими доктринами и что содержание идей мыслителей и теоретиков якобы можно распространить на все общество. Между тем истина состоит в том, что эти идеи и учения остаются достоянием интеллектуальной элиты, а в той мере, в которой они внедряются в умы массы, они неизбежно перерабатываются, трансформируются и зачастую до неузнаваемости.

Идеология и менталитет соотносятся как часть и целое. Язык и идеология взаимодействуют. С.С. Аверинцев, специалист по античному миру, культурфилософ, обратил наше внимание на то, например, что Древний Рим, завоевав Грецию, хотя и навязал ей свою идеологию, но постепенно глубоко проникся ее культурой: "Плененная Греция взяла в плен дикого победителя".

В приближении к попытке конкретного определения логосферы, к так называемой формуле используют разные методы. Известный русский ученый А.Ф. Лосев (1893—1988) в своем труде по исследованию культуры античной Греции "История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон" (1969) использует метод *семантического анализа*, или *контент-анализа*. Он выделяет ключевое слово автора, слово-термин, связанное с его определенной, осмысленной, четко сформулированной системой взглядов. Допустим, у Платона — это *любовь*. Что именно составляет содержание этого слова? Каковы компоненты данного значения (значений) или, как теперь говорят, каковы его коннотации, репрезентирующие культуру? Что за экспоненты культуры содержатся в данном языковом знаке?

При жизни Платона (428—348 до н.э.) обнаруживается не одна, а целых восемь разновидностей любви, которые образуют систему, объединяясь в четыре группы, и каждая из них имеет свою структуру.

I группа — любовь конкретно-чувственная. Анализ контекста показывает, что греки относились иначе, чем мы, к отвлеченным, абстрактным идеям. У Эроса (Eros) есть двое детей: Вожделение (Himeros) и Влечение (Potos). Химерос — страсть обладания близким, прежде всего человеком. Потос — томление по отдаленному предмету любви. Его можно испытывать не только к человеку. Души, упавшие с неба, чувствуют именно потос, с тоской вспоминая об утраченном небе. При этом складывается такая их структура значений: эрос — чувственное влечение; химерос — чувственное влечение + близкое; потос — чувственное влечение + далекое. Видно, что состав значений слов строится из от-

дельных компонентов, более мелких значений, сочетание которых дает значение более конкретное.

II группа — любовь, основанная на чувстве внутреннего сродства любящего и любимого. Это, во-первых, близость-преданность, то, что мы называем дружбой (*philia*). Филия может объединять хозяина и собаку (филология — любовь к слову). Во-вторых, это любовь-уважение (*storge*) — чувство родителей к детям и детей к родителям. И в-третьих, это любовь предков к потомкам — филосторго (гибрид филии и сторго). В этом чувстве силен уже не интимный момент, а общезначимый.

III группа разновидностей любви — любовь разумная. Она представлена одним понятием — агапе (*agape*), отсюда русское имя Агафья. В этой любви все определяет разум, долг, уважение. Таково чувство опекуна и подопечного. Также в значении этого термина силен элемент оценки: агапе испытывают к тому, кого высоко ценят разумом.

IV группа тоже состоит из одного члена — любви-жалости (*eleos*). В русском языке этому пониманию любви соответствует отождествление ее с жалостью: люблю — значит жалею. Тут наши культуры оказываются сходными.

Итак, слово "любовь" у Платона оказывается весьма сложно структурированным, многообразным, что соответствует роли этого слова и самого понятия в данной культуре, его ключевому статусу в логосфере (семиосфере, концептосфере) Эллады.

Наиболее тонко в логосфере любой культуры разрабатываются понятия и слова, которые имеют особое значение в данной культуре. Так, в языке эскимосов слово и понятие "снег" весьма дифференцированно. У них насчитывается 40 существительных, обозначающих разновидности снежного покрова.

К пониманию культуры и отдельных ее аспектов через поиск ключевых слов стремится А. Вежицкая². Она считает, что в языке находят свое отражение и одновременно формируются ценности, идеалы и установки людей, то, как они думают о мире и о своей жизни в этом мире.

А. Вежицкая исходит из наличия общей базы для всего разнообразия способов концептуализации действительности, обнаруживаемых в различных языках мира. В соответствии с ее подходом любой сколь угодно причудливый концепт, закодированный в той или иной языковой единице, может быть представлен в виде определенной конфигурации элементарных смыслов, которые являются семантически неразложимыми и универсальными, поскольку они лексически присутствуют во всех языках.

---

² См., например, ее работу "Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.

Настаивая на существовании *метаязыка*, подчеркивая его универсальность, А. Вежбицкая, с точки зрения отечественных лингвистов, допускает некоторые смещения и искажения, подменяя универсальный язык английским языком, прибегая к толкованиям из английского словаря, из его ядерной части. Когда же она анализирует лексические единицы, не входящие в ядерную часть, то подробно их эксплицирует тоже на семантическом метаязыке, в то время как такие единицы, мы знаем, не являются универсальными, и должны рассматриваться как отражающие специфику видения мира, присущего носителям именно данного языка, данной культуры.

Поскольку слово имеет аналоги не во всех языках, то, чтобы сделать его понятней носителю любого языка, мы обязаны дать ему толкование, используя универсальный метаязык. А раз уж мы все равно даем ему толкование, мы можем отразить в толковании все лингвоспецифические и культурно-специфические особенности концепта. Именно здесь А. Вежбицкая замечает семантические нюансы, дающие ей ключ к пониманию специфики соответствующей культуры. Изучение словарного состава языка поставляет объективные данные, позволяющие судить о базовых ценностях обслуживаемой этим языком культуры.

Общеизвестно, что существуют различные обычаи и общественные установления, пишет А. Вежбицкая, предлагая рассмотреть немецкое существительное *Bruderschaft* (брудершафт), буквально — братство. В немецко-английском словаре Харрапа (*Harrap's German and English dictionary*) оно старательно толкуется как совместное выпивание, клятва в братстве, после которой можно обращаться друг к другу на "ты". При этом исследовательница делает вывод, что отсутствие слова со значением "брудершафт" в английском языке связано с тем фактом, что английский язык больше не проводит различия между интимным и фамильярным "ты" (*thou*) и более сухим "вы" (*you*) и что в англоговорящих обществах нет общепринятого ритуала совместно выпивать в знак клятвы в вечной дружбе.

В английском языке нет слова, соответствующего русскому глаголу "христосоваться", толкуемому "Оксфордским русско-английским словарем", как "обмениваться троекратным поцелуем (в качестве пасхального приветствия)". В английском также нет слова, соответствующего японскому "*mai*", обозначающему формальный акт, когда будущая невеста и ее семья в первый раз встречаются с будущим женихом и его семьей.

Значение английского слова "*friend*" изменилось в течение веков таким образом, что это выявляет глубинные изменения в отношениях между людьми. Эти отношения можно было бы грубо охарактеризовать разными способами — как "девальвация", "расширение охвата" (значе-

ния), «сдвиг от вертикального (в глубину) к горизонтальному (во времени и пространстве, от "эксклюзивного" к "инклюзивному")».

Общее направление этих изменений удобно иллюстрируется возникновением выражения "close friend" (близкий друг), появление которого трудно датировать. В шекспировском конкордансе Спевака (специальном словаре) этого выражения нет. В современных же источниках это самое частое сочетание.

В целом значение слова "friend" стало более "слабым", так что для обретения прежней силы теперь приходится использовать выражение "close friend". Кое-что от прежнего значения слова "friend" сохранилось в производном существительном "friendship": тогда как в старом употреблении друзья (friends) были связаны друг с другом отношением дружбы (friendship). В современном употреблении у человека может быть гораздо больше близких друзей (friends), нежели дружб (friendships), и только о близких друзьях (close friends) можно теперь сказать, что они связаны отношением дружбы (friendship).

Особенно обращает на себя внимание тот факт, что число друзей, которые могут быть у человека, возросло с течением времени во всех англосаксонских обществах. В высокодинамичном современном американском обществе люди насчитывают своих "друзей" дюжинами. Однако аналогичные примеры можно найти и в австралийском английском. Можно полагать, что представление о дружбе уступило место в англо-американской культуре новому идеалу — "знакомству с новыми людьми". Всех людей, которых человек встречает на новых местах, он очень легко называет друзьями. Взгляд на дружбу как на такое состояние, которое предполагает медленное становление и длится "вечно", сменился немедленным включением-исключением своих "друзей". Учитывая ту ключевую роль, которую английское слово "friend" играет в современной литературе, посвященной межличностным отношениям, особенно важно понять, что же в действительности означает это слово. Если мы ясно видим, какие изменения претерпела его семантика, "мы будем менее склонны абсолютизировать англосаксонский концепт "friend" и рассматривать его как своего рода мерку для оценки и сопоставления человеческих отношений в целом"³.

Что же такое, по сути, концепт? Ю.С. Степанов пишет: "Концепт — явление того же порядка, что и понятие... По своей внутренней форме в русском языке слова "концепт" и "понятие" одинаковы: "концепт" является калькой латинского "conceptus" (понятие) от глагола "conspicere" (зачинать). "Понятие" происходит от глагола "пояти", что на древнерус-

---

³ Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001. С. 75.

ском означает схватить, взять в собственность, взять женщину в жены. Иными словами значения очень сходны. В научном языке эти два слова тоже иногда выступают как синонимы, одно вместо другого. В настоящее время они довольно четко разграничены"⁴.

"Концепт" и "понятие" — термины разных наук; второе употребляется главным образом в логике и философии, тогда как первое является термином в одной отрасли логики — в математической логике, а в последнее время закрепилось также в науке о культуре, в культурологии, и является главным ее термином.

Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не "творец культурных ценностей" — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее.

Ю.С. Степанов, помимо слова "концепт", употребляет еще и термин "константа", который он понимает как концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долго. Термину "константа" может быть придано и другое значение — "некий постоянный признак культуры". Алфавиты и алфавитные тексты, например, остаются константами в периоды двоеверия. Культура для него — это ее концепт, сохранившийся на все дальнейшие времена: "обустройство того места, где живешь, прежде всего обработка земли, уход за землей; почитание богов — хранителей этого места; обережение богами людей, которые в таком месте живут и так хорошо поступают"⁵. Из новейших определений культуры он обращает внимание на те, которые культурологически трактуются структурно или системно, т.е. он обращает внимание: а) на эволюционные семиотические ряды; б) синхронные семиотические ряды в культуре — "парадигмы", или "стили"; в) ментальные изоглоссы⁶; г) идею "масштаба" в истории культуры (конкретные размеры предметов материальной культуры); д) сужающиеся и расширяющиеся процессы (их динамику); е) группы рейтинга.

Анализируя концепты "свой" и "чужие", "западники" и "славянофилы", "человек" и "личность", Степанов проводит сопоставление по выше обозначенному плану, прибегая к текстам разных эпох, созданных соотечественниками, значительное внимание уделяя этимологии, предистории появления каждого из концептов. Что касается анализа структуры

---

⁴ Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 1997. С. 40.

⁵ Там же. С. 14.

⁶ *Изоглосса* — термин, означающий линию на географической карте, которая соединяет поверх административных границ пункты с одинаковыми явлениями в языке, одинаковые слова, одинаковые фонетические явления. В русском языке две изоглоссы — "невестка" и "сноха" для понятия — жена сына.

концепта, то он поступает следующим образом. Очень ярко это выглядит при анализе некоторых примеров из русской жизни.

В жизни теперешнего активного населения России день 23 февраля был ежегодным "праздником мужчин", а день 8 марта — "праздником женщин". В первый из этих дней предметом торжества являлись все мужчины, независимо от их возраста и профессии, — дома, на предприятиях, в школах от первого до последнего класса, даже в детских садах мальчики получали поздравления и мелкие подарки от девочек. Во второй из этих дней точно то же делают мужчины и мальчики по отношению к женщинам и девочкам. Этот факт культурной жизни образует концепт. В данном случае перед нами даже "двойной концепт", состоящий из двух связанных представлений о двух праздниках.

В этом факте культурной жизни есть еще и некая собственная структура — два праздника симметричны, противопоставлены и расположены по календарю в непосредственной близости один к другому. К тому же 23 февраля по старому стилю приходится на 8 марта по-новому, т.е. в некотором смысле обе даты — это одна и та же дата. Обозначим описанное положение дел как "положение дел 1".

Столь же хорошо известно, что эти два праздника различны и никак между собой не связаны. 23 февраля отмечался (и в жизни старшего поколения все еще является таковым) как день Советской армии, т.е. праздник военных. 8 марта отмечался (и определенной частью старшего поколения все еще отмечается) как "Международный женский день", т.е. день борьбы "всего прогрессивного человечества" (а не только самих женщин и не только мужчин ради женщин) за равноправие женщин с мужчинами, за их эмансипацию. В этом качестве оба праздника не соотносятся между собой и тем более "не симметричны" ("положение дел 2").

Наконец, историки и некоторая часть просто образованных людей знает (причем больше о 23 февраля, чем о 8 марта) исторические факты далекого прошлого, приведшие в дальнейшем к установлению этих памятных дней. 23 февраля 1918 г. только что организованная армия нового Советского государства — Красная Армия — одержала под Нарвой и Псковом крупную победу над войсками Германии (шла Первая мировая война). Это событие связано с именем Л.Д. Троцкого, комиссара по военным и морским делам, председателя Реввоенсовета Республики. 8 марта как праздник было определено по инициативе Клары Цеткин (1857—1933), активной деятельницы международного женского и коммунистического движения; она возглавляла женский секретариат Коминтерна и была одним из основателей коммунистической партии Германии ("положение дел 3").

Совершенно очевидно, что все три положения дел (1), (2), (3) отражены в нашем сознании в "концепте 23 февраля и 8 марта". Но отраже-

ны они по-разному, с разной степенью актуальности, как разные компоненты одного концепта. Компонент (1) является наиболее актуальным, собственно, он-то и составляет основной признак в содержании концепта "праздник". Компонент (2) все еще участвует в понятии "праздник", но не столь живо, не столь "горячо", образуя его как бы дополнительный, не активный, "пассивный" признак. Компонент (3) уже не осознается в повседневной жизни, не является "внутренней формой" этого концепта. Этот признак определяет конкретные календарные даты проведения того и другого праздника, прямо указывая на эти даты; он же определяет в конечном счете и главный концептуальный признак — связь первого праздника с мужчинами, а второго — с женщинами; наконец этот компонент определяет и название праздников, их словесную форму — *Двадцать третье февраля, Восьмое марта*⁷.

Соотношение компонентов в содержании одного концепта (или явления культуры) и способы их обнаружения занимали исследователей с самого начала, с того момента, когда духовная культура была осознана как особая сфера и как предмет исследования. И с самого начала это был вопрос о методе, который для Ю.С. Степанова является вопросом о содержании и реальности концептов. С его точки зрения, концепт имеет слоистое строение и разные слои являются результатом, "осадком" культурной жизни разных эпох.

С.Г. Тер-Минасова вслед за В.Н. Телия выясняет семантику концепта "родина", рассматривая ее прежде всего как производное социально-го концепта "patria". По их мнению, оязыковление понятия "patria" в русском языке представлено четырьмя активными наименованиями: "родина-1", "родина-2", "отчество", "отчизна". Причины такого номинативного расчленения понятия "patria" и соответственно концептообразующих его областей имеют глубокие социально-исторические и социально-культурные корни. Эти понятия развивались и расширяли область в конкретных социально-исторических условиях, вбирая в себя ценности и духовно-культурные ориентиры.

В наименовании "отчество" ("дела на благо отчества") мы видим некую общность — не персональную, а национально-геополитическую, хранящуюся в исторической памяти народа, как и в наименовании "отчизна" ("отчизны верные сыны").

Обратим теперь внимание на основные концептообразующие сферы "родина".

"Родина-1" — это всегда личностное, персональное восприятие "своего" географического пространства, отражающего следующую структуру знания: место (и/или местá), ценностное отношение к которому для

---

⁷ См.: Степанов Ю.С. Константы... С. 43.

субъекта X определяется тем, что X родился здесь и с детства ощутил себя в кровно-родственной связи с окружающими и с ушедшими поколениями; в этом месте X впервые воспринял себя как часть окружающей природы (микро- и макрокосмоса); X обрел здесь друзей и близких и стал частью этого неформального социума; X осознал свой внутренний мир среди родных и близких на родном языке и воспринял себя как часть этого общего с ними мира; X овладел родным языком и стал частью говорящих на нем; X испытал и продолжает испытывать эмоционально-положительное отношение к родным местам, к своим родителям и кровно-родственным "корням", к близким людям, к знакомым с детства традициям, к родному языку.

"Родина-1" — это всегда персональное, свое (мое) личностное место (или места), архетипически противопоставленное чужому месту, чужбине, обычно это: "родные края", "родная сторона", "сторонушка", "родные могилы", "родные березки".

"Родина-1" ассоциируется с родной землей, как с кормилицей и поилницей, как с матерью-прародительницей. Отсюда образ родины-матери как начала и источника всего живого, и к концу жизни — к возвращению в ее лоно, к сырой земле.

Концепт "родина-1" является, с точки зрения С.Г. Тер-Минасовой, как бы персональным остовом для всех остальных наименований концепта "patria", если речь идет о личностной сфере субъекта. В этих случаях "малая родина" (родина) сопричастна в "большой родине" как часть структуры знаний, присущих в скрытом виде остальным наименованиям. Наименования "отечество", "отчизна" фокусируют прежде всего пространство общее, не персональное, присущее всему народу, живущему на этой территории (наше), так как эти концепты, ориентированные на контекст государственно-исторического единства не только территориального, но и всего социума, на нем проживающего.

У англичан, например, совсем другие отношения со своей страной, более дистантные, чем у русских, не такие близкие и интимные, не такие порою трогательные и сентиментальные, как у русских. Это часть их национального характера. Высшая ценность для них на протяжении многих лет — королева, а значит, институт правления, государственная власть.

Занимаясь исследованиями французского менталитета, с точки зрения носителя русского языка, М.К. Головановская опирается не на концепты, а на понятия, составляющие, как она считает, основу французского и русского менталитетов. Ее метод — контрастивный анализ значений и выявленных из метафизической сочетаемости вещественных коннотаций, образов, сопровождавших понятие в двух языках.

Описание каждого слова (синонимического ряда) строится сначала как выявление предпосылок значений и коннотаций, а затем как описа-

ние этимологии и истории значений слова. Материалом для ее исследований, в частности, послужили такие русские слова, как "душа", "ум" ("разум", "рассудок") и такие французские, как "âme", "esprit" ("raison", "intelligence").

При описании русских понятий она установила следующее. Душа занимает уникальное место в человеке, она отождествляется с личностью человека, с его жизнью (такое отождествление имеет глубокие мифологические корни), душа — этическое ценное понятие, предмет особой заботы человека. Локализация души — в груди человека. Душа входит в такие сочетания, которые представляют ее как материальный орган, через который описываются эмоциональное состояние человека, эмоциональное воздействие на человека; как физическое воздействие на данный орган, изменение личности; как изменение данного органа, раскрытие подлинных чувств и желаний; как раскрытие вместилища, обычно скрытого от посторонних глаз. В русском языке душа мыслится в пределах нескольких четко выраженных коннотаций: душа ассоциируется с сосудом, заполненным жидкостью, что позволяет усмотреть в образе души связь с хаотическим докосмическим началом, связанным с женской детородной функцией; этот же образ развивается коннотацией места, где протекают и разворачиваются события. Помимо этих образов, выделяются еще два: хлеб и живое существо с выраженной эмоциональной жизнью. Русская душа пассивна и страдательна. Она мыслится русскими как национальный специальный орган. Само по себе это понятие обиходное и часто встречается в обыденной речи. Все сказанное позволяет понять, почему для русского сознания столь важно понятие души — женское, детородное, хаотическое, эмоциональное, основа жизни.

Понятие "ум" — самое широкое и употребительное из соответствующего ему синонимического ряда. Из всех синонимов именно это слово пришло из греческого языка, возможно, поэтому в этом понятии много специфического славянского смысла. В современном языке "ум" ассоциируется со способностью человека принимать решения, т.е. порождать новое знание. Из сочетаемости этого слова видно, что соответствующее понятие мыслится неодушевленным в отличие от двух других внутренних органов — души и совести. Понятие ум сопровождают такие коннотации: ум — это инструмент и ресурс (у Тютчева: "умом Россию не понять"); ум — это твердь, на которой стоит человек; ум — это вместилище. Инструментальность — основное в образе ума, связано с особым образом знания в русском языке.

Синонимы слова "ум" — "разум" и "рассудок" (оба латинского происхождения) имеют свою специфику. Разум ассоциируется с внешней способностью, с наличием базовых для человека представлений, рассу-

док предполагает наличие обыденных житейских знаний. Слово "рассудок" не очень употребительно. Существуют такие сочетания: "лишиться рассудка" (как предмет); "потерять рассудок" (как орган); "здравый рассудок". Понятие разума, ассоциируемое на содержательном уровне с понятием истины, имеет некоторые общие с этим понятием коннотации (например светило).

Русское слов "интеллект" — недавнее заимствование, получившее неожиданную биолого-механическую коннотацию, заданную мифологией нового времени: интеллект ассоциируется с мышцей, с телом и никак не вписывается в древние представления о единстве духовного и материального в человеке.

При описании соответствующих французских понятий было установлено следующее. Французское слово "âme" — душа, представление о которой связано и с античными, и с христианскими установками, определяющееся через последние, мыслится во французском языке как неодушевленный предмет, с которым человек совершает ряд физических действий. У французов слово "âme" ассоциируется с тканью и одеждой, т.е. с некоторой оболочкой, в оценке которой эстетический аспект находится не на последнем месте. Душа отождествляется с металлом, во всяком случае с ней для придания ей нужной формы ведут себя как с металлом. Душа также мыслится как некоторое углубление внутри тела. Французская душа иногда может ассоциироваться, как и в России, с хлебом.

Центральное понятие, описывающее во французском языке "орган мысли", — это "esprit", понятие-гибрид, обозначающее в терминах русского языка одновременно и ум, и душу. Эта особенность понятия, обозначающая совмещение двух полезно разводимых в русском языке начал, в полной мере отражается на его функционировании и на его коннотациях. Основные из этих коннотаций: металлическая машина большого или маленького размера; одушевленное, крайне эмоциональное существо, живущее внутри человека и являющееся особым объектом его заботы; емкость внутри человека, вместилище, продолговатый орган, вроде щупальца, хобота или фаллоса. Важно отметить у этого понятия особые нюансы значения, связанные с его ассоциированием, с практической, прагматической и материальной деятельностью и позволяющего его включить в один ряд с другими словами. В которых можно выделить этот аспект значения (*fortune, occasion, bien, vérité*). Показательно также наличие классификационных признаков, показывающих рационалистическое начало французского менталитета. "Esprit" — внутренняя часть человека, человек является его носителем, но не пользователем, человек не работает им как инструментом.

Французское понятие "intelligence" (еще один эквивалент русского "ума") — это понятие, особенно акцентирующее элемент понимания, анализа в умственной деятельности человека, способность взаимопонимания между людьми, т.е. ум особого рода. Понятие "intelligence" многое переняло от самого сильного понятия синонимического ряда "esprit" и обозначает также и духовную сущность, и человеческое существо, т.е. это понятие тоже переняло некоторые черты гибридности. Особенно среди его значений надо отметить способность живого существа приспособляться к новым ситуациям, связывающим его с идеей практического действия.

Во французском языке понятие "intelligence" недостаточно разработано образно. Мы можем говорить лишь о некоторых фрагментах, оставшихся, возможно, от некогда существовавшей целостной картины. С какой-то точки зрения "intelligence" — слой, покрывающий мозг, с какой-то другой — машина, порождающая абстрактные схемы. Однако образ, отождествляющий "intelligence" и машину, присутствует также и у "raison" — типичной научно-философской метафоры.

"Raison" обычно воспринимается как эквивалент и русских слов "разум" и "рассудок". Особенности этого понятия в том, что оно связано непосредственно с действием, а не состоянием человека, за ним не проглядывается душа, а только конкретный, этимологически мотивированный образ счета, расчета, эталона, не допускающего множество трактовок, так же как и "esprit", и "intelligence", и "raison" не инструмент, а качество человека, это то, к чему взывают, а не творение человека, созданное им для определенных целей.

М.К. Голованивская приходит к выводу, что за русским и французским понятиями души стоит один и тот же прототипический этимон "дух", "дыхание", однако понятия, произошедшие от этого этимона и трактуемые принципиально сходно, развили совершенно различные образно-ассоциативные ряды, что обусловлено различиями в формировании национального самосознания и привело к четким различиям сущности национальных менталитетов. Русская "душа" в большей степени связана с представлением о психическом (и следовательно, в большей степени наследница Психеи) — живой детородный орган, внутренняя суть которого связана с идеей "быть, а не казаться". Французская душа оказывается связанной с совершенно иным комплексом представлений — ткань, одежда, металл, предмет, что свидетельствует о том, что это понятие было приспособлено французским сознанием для выражения целостной установки на то, что мир делается руками человека, приспособливается им, перекраивается под его мерки.

Центральным органом мышления в русском языке является ум, во французском *esprit*. Ум — это инструмент, которым человек добывает новое знание, "открывает истины", находит выход из лабиринта и проч.

Esprit этимологически связано с "духом и дыханием" и является мыслящим и чувственным началом. Esprit не инструмент, а сущность человека, разумное начало, равно как и *intelligence*, делающее акцент на идее понимания, и *raison*, связанный с конкретным эталонным, практически направленным действием человеческого разума. Иначе говоря, во французском языке не обнаруживается точного эквивалента русскому уму, равно как и русский ум, а также разум, рассудок не знают такой особенной выделенности и разработанности понятия практического ума, имеющего во французском языке даже возможность образно ассоциироваться с наличными деньгами. Такая особенная отвлеченность присутствует во французском языке во всех словах, обозначающих орган мышления. В русском языке нет ни особой классификации, ни особой отмеченности, ни одного из понятий. Слово "рассудок", имевшее было такую отмеченность, почти что вышло из употребления, а слово "разум" не наделено в русском языке особыми возможностями образовывать понятийно-образные ряды.

Французское сознание не адаптировало высшей функции за органами наивной анатомии человека. Носитель французского языка покорила душу и совесть, приписав основную жизненную энергию органу мысли — *esprit*, оказавшемуся больше души и даже совести, ставшему основным символом человеческой сущности.

Таким образом, для французского сознания более значимыми и потому более стойкими оказались установки античного мировоззрения, нежели христианского, не слишком подходящего для стимулирования активности и развития общественного и личностного прогресса, а также являющегося основой рефлексии, мешающей практическому действию. Такие же истоки имеет и крайне неожиданный для русского сознания образ души как ткани, оболочки, одежды, традиционно презираемых русским одухотворенным видением мира, делающим выбор не в пользу кажущегося, формального, выразившегося в формах этикета и в отношении к искусству.

Для русского сознания христианство оказалось единственно доступной и данной религией, поэтому оно пропиталось особым духом страдательности и мистицизма. Русский человек чувствует себя естественно, живя внутри "с судьей и палачом" (такова наша душа), имея четко очерченный источник эмоций, трактуемый в терминах стихии, равно как и многое из того, что эти эмоции вызывает.

Как пишет китайский ученый-славист Лю Вей⁸, концепты входят во все звенья "культуры". Концепт — своеобразный сценарий культуры,

---

⁸ См.: Лю Вей. Концепт "судьба" в русской и китайской картине мира (тема "судьбы" в контексте культуры) // Текст: восприятие, информация, интерпретация. М., 2002. С. 167.

через который можно знакомиться с особенностями культуры той или иной нации, размышлять о них, сопоставлять. Язык хранит культуру народа и передает ее из поколения в поколение.

Слово "судьба" очень важно для России, оно часто встречается в русской культуре и русской поэзии. Понимание судьбы как высшей силы, предопределяющей жизнь человека, зафиксировано во многих словарях русского языка, но у этого слова есть и другие значения — участь, доля, рок, удел, жребий, предопределение, фатум, провидение, звезда, планида. Эти слова принадлежат одной и той же семантической парадигме, только они располагаются на периферии. В центре все же находится "стечение обстоятельств, не зависящих от воли человека, ход жизненных событий"⁹.

В современном китайском языке слово "судьба" имеет значения: жизнь, предопределенность, удачливость, использование и даже "приказывать" и "давать". В каждом человек таится небесная сила, которая является его судьей. Намерения неба необратимы, поэтому надо, слушаясь неба, следовать судьбе. Тот, кто следует небу, будет жить, а тот, кто ему противоречит, — погибнет.

В судьбе человека случай иногда может сыграть определенную роль. Большинство людей считают, что существует возможность изменения судьбы человека. Судьба человека все время находится в динамическом, неустоявшемся положении.

В человеке все время есть скрытая инициатива. Отсюда рождается вера в возможность изменения судьбы. Многие люди подчеркивают постоянство судьбы, невозможность ее переделать. И в русском языке звучат слова "рок", "фатум", "предназначение", "предначертание" для неизменности судьбы, а кроме этого, еще слова "удача", "случай", "шанс", "фортуна".

Судьба — бесконечная тема человечества. Она рисуется сменой поколений. Чувство судьбы свойственно каждому человеку, оно появляется у него с тех пор, как постепенно он начинает осмысливать себя. Человек ощущает свою судьбу как счастливую или нелегкую, как трагическую или завидную.

Картина мира складывается из разнообразных фрагментов человеческого опыта, зависящих от многих объективных и субъективных факторов. Старые фразеологизмы, пословицы и афоризмы, содержащие слово "судьба", звучат пессимистично, но они отражают наивное мировоззрение человека. Представление человека о мире, с точки зрения китайского ученого, постоянно обновляется; со временем также изменяются и сам мир, и сам человек, поэтому важны всякие новые знания о старом объекте.

---

⁹ Словарь русского языка / Под ред. С.И. Ожегова. Любое издание.

Л и т е р а т у р а

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.

Голованивская М.К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка. М., 1997.

Степанов Ю.С. Концепты и константы русской культуры. М., 1996.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Как вы представляете себе, что такое концептосфера, семиосфера, логосфера?

Как называется метод, которым Лосев исследовал логосферу Эллады?

Что нового внесла в изучение культур А. Вежбицкая? В чем специфика ее обращения со словами и понятиями?

Как размышляет о концептах и константах русской культуры Ю.С. Степанов?

Как рассматривают концепт-анализ В.Н. Телия и С.Г. Тер-Минасова?

Какого типа анализ предпринимает Ю.С. Степанов для анализа концептов?

Как соотносятся русские и французские понятия души и ума?

Психолингвистика — наука, изучающая язык как феномен психики, — появилась в ответ на требования ряда смежных с ней наук — педагогики, дефектологии, медицины, включая нейрофизиологию и психиатрию; а также криминалистики, политологии (науки о массовой пропаганде, коммуникации и рекламе), имиджологии, военной и космической инженерии и др. Ее предмет — решение прикладных задач, связанных с речью. Однако в своем развитии она приобрела не столько практический, сколько теоретический характер и оказалась в настоящее время разделенной на два лагеря — психологический и лингвистический. Несмотря на все призывы к единению эта наука трактуется большинством языковедов лингвистически и все, что не вменяется в рамки их понимания, выводится в зону "психологии речи".

Говоря об имеющихся определениях психолингвистики, надо сказать, что долгое время ее синонимом была "теория речевой деятельности", родоначальником которого считают А.А. Леонтьева. Одно из его определений, в котором говорится, что "предметом психолингвистики является речевая деятельность как целое и закономерности ее комплексного моделирования", послужило на какой-то период причиной синонимичного употребления терминов "психолингвистика" и "психология речи". По А.А. Леонтьеву, речевая деятельность представляет собой такой вид деятельности, который аналогичен трудовой, познавательной, игровой и др. Психологически речевая деятельность организована подобно прочим видам деятельности, а это значит, что, с одной стороны, она характеризуется предметным мотивом, целенаправленностью, эвристикой, а с другой — состоит из нескольких последовательных фаз: ориентировка, планирование, реализация плана, контроль. Речевая деятельность может выступать как самостоятельная деятельность со специфической мотивацией, составляющими которой являются речевые действия (имеющие цель, подчиненную цели деятельности) и речевые операции (варьирующиеся в соответствии с условиями).

Как наука психолингвистика оформилась в начале 50-х гг. XX в., хотя предпосылки для ее возникновения были и раньше. Так, разные авторы прослеживают корни этой науки у В. Гумбольдта и В. Вундта, а также в работах многих отечественных ученых: А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртене, А.А. Шахматова, И.М. Сеченова, Н.А. Берн-

штейна, С.И. Бернштейна, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, Н.И. Жинкина, а потом А.А. Леонтьева, Е.Ф. Тарасова.

Психолингвист Т.Н. Наумова отмечает, что союз языкознания и психологии длится уже свыше 100 лет. Анализируя в своих статьях психологически ориентированные синтаксические теории в отечественной лингвистике, она трактует рассматриваемые концепции как закономерные звенья научной эволюции с учетом современного им теоретического контекста. Справедливо отмечая, что психологическая ориентация той или иной концепции с позиций чистой лингвистики обычно прежде трактовалась как довесок к чистым лингвистическим идеям, а чаще как недостаток или заблуждение автора, она верно полагает, что подобные идеи оказались тем не менее перспективными и стимулирующими.

По вопросу периодизации, становления и развития психолингвистики нет единства мнений. Разными авторами часто используются как весьма сходные, так значительно различающиеся основания для сравнения или классификации тех или иных концепций этой науки. К числу ведущих проблем психолингвистики Е.Ф. Тарасов относит "продуцирование и восприятие речевого высказывания вместе с проблемой речевого общения и усвоение языка ребенком"¹.

Дж. Кесс считает, что "психолингвистика — это научная дисциплина, пытающаяся разработать лингвистически и психологически валидную теорию, которая объяснила бы природу языка и усвоение его детьми"². В качестве основных исследовательских проблем в этом случае также выступают понимание и продуцирование речи и усвоение родного языка ребенком. В самом же развитии психолингвистики американский ученый Дж. Кесс выделяет четыре основных периода: период формирования, лингвистический период, когнитивный период, текущий период когнитивной науки. Для первого периода было специфично влияние идей структурализма и бихевиоризма, второй связан с доминированием трансформационной порождающей грамматики в лингвистике. Когнитивный период связан с отказом от провозглашенной Н. Хомским идеи центральной роли грамматики и признанием взаимосвязи грамматики с семантикой, а языка с другими когнитивными и поведенческими системами, вовлеченными в процессы усвоения и использования языка. В настоящее время эта интердисциплинарная наука — психолингвистика — вовлекается во все более широкий круг исследований, связанных с установлением природы знаний, структуры ментальных репрезентаций и того, как эти знания и репрезентации используются в мыслительной деятельности типа рассуждений и принятия решений.

---

¹ Тарасов Е. Ф. Языковое сознание: устоявшееся и спорное. С. 5.

² Цит. по: Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М., 1999. С. 23.

И.М. Румянцева предлагает свое определение данной науки³. Она считает, что это наука о человеческой речи, рассматриваемой комплексно — психологически и лингвистически. Мы познаем ее как средство общения (т.е. языковой код, языковая система), как психический и психофизиологический процесс, как речевую деятельность. Предметом психолингвистики таким образом становится речь во всей многогранности ее лингвистических и психических сторон.

Поскольку формирование психолингвистики началось в период пандемии информационного подхода как общенаучной парадигмы, определявшей в то время специфику видения исследуемых объектов, то она повлияла на характер используемой терминологии. В язык этой науки вошли такие понятия, слова и выражения, как "кодирование" и "декодирование", "пропускная способность связи", "приложение мер энтропии", "передача информации" с помощью "речевого сообщения". Всеобщее стремление максимально учесть идеи общей теории связи стало платформой разработки психолингвистики. Несколько позднее умами психолингвистов овладела "компьютерная метафора". Она понуждала анализировать языковой/речевой механизм человека и протекающие в нем процессы в свете представлений о возможностях и ограничениях, которые специфичны для соответствующих структур и процессов при признании аналогии между работой мозга (как "процессора") и работой компьютера со всеми вытекающими отсюда последствиями. К числу типичной для данного подхода терминологии относятся "переработка языка", "множественный или селективный доступ к слову", "переработка как исчисление (computation) синтаксической структуры".

Осознание несостоятельности компьютерной метафоры для объяснения специфики функционирования языка у человека привело к иному определению соотношения между работой мозга и работой компьютера. Авторы психологических публикаций последнего времени чаще обращаются к исследованиям в области нейрологии и к моделям познавательных процессов, базирующимся на аналогии с устройством и принципами работы мозга.

Большое влияние на развитие психолингвистики как науки и дальнейшее самое последнее развитие проблематики оказали две когнитивные революции. В качестве первой из них зарубежные ученые рассматривают устойчивый переход от свойственного бихевиоризму изучения "объективного", т.е. наблюдаемого извне, к поведению "субъективному", не поддающемуся прямому наблюдению, — к ментальным процессам.

---

³ См.: Румянцева И.М. Психолингвистика: новое время, новый взгляд // Вопросы филологии. 2002. № 1 (10).

Второй когнитивной революцией (или дискурсивным переворотом) стали называть переход от акцентирования внимания на слове и предложении к тексту и далее к дискурсу, приведшему к оформлению дискурсивной психологии, дискурсивного подхода и т.п. Переключение на дискурс связано с осознанием в мировой науке роли межличностных знаковых (символических) взаимодействий в умственных процессах, при этом активность трактуется как когнитивная, если реализующий ее человек использует символы или другие средства, направленные вне его и подчиняющиеся некоторым нормативам, которые определяют корректность или некорректность использования этих средств. Однако такие средства приобретаются только через совместную деятельность людей, в том числе и речевую, т.е. через дискурс. В 1930-е гг. эти идеи прозвучали у Л.С. Выготского.

Параллельно с оформлением дискурсивной психологии происходит активизация исследований в области дискурса с переносом акцентов с синтаксиса на семантику. Для отечественной лингвистики как теории речевой деятельности с самого начала было свойственно признание изначальной активности субъекта деятельности и включенности в коммуникативное и прочее взаимодействие при ведущей роли семантики и мотивации.

Чрезвычайно сильной оказалась тенденция к интегрированию результатов, получаемых многими науками, так или иначе связанными с изучением человека и разных аспектов его функционирования в природе и обществе. Все более осознанным и целенаправленным становится исследование человека с учетом постоянного взаимодействия биосферы, ноосферы, этносферы, психосферы при воздействии на них космоса.

Иначе говоря, для психолингвистики как науки важен широкий круг проблем, связанных общечеловеческими механизмами овладения и пользования языком, с используемыми при этом универсальными стратегиями и опорными элементами, а также специфическими особенностями применения тех или других в разных условиях и при воздействии комплекса внешних и внутренних факторов. Даже при внимании к ментальным процессам психолингвистика должна учитывать включенность индивида в систему социальных взаимодействий, вне которых ни овладение, ни пользование языком не могут успешно реализоваться.

Каковы же актуальные проблемы психолингвистики в настоящий период? Зарубежные психолингвисты полагают, что одной из распространенных областей исследования ныне является изучение того, как люди понимают дискурс, т.е. запоминают и продуцируют его. Другой популярной проблемой является лексикон, или ментальный словарь. Изучение слов стало значительно более популярным в последнее десятилетие. Обе названные области наряду с их теоретической важностью

имеют также практические приложения: исследования дискурса помогают глубже заглянуть в процессы общения с позиций психотерапии, а изучение лексикона помогает понять, как дети учатся читать.

Еще одна проблема связана с тем, как ребенок овладевает языком. Интерес к врожденным языковым механизмам при научном исследовании дополняется возрождением языкового окружения ребенка. Взрослые говорят с детьми иначе, чем с взрослыми, с точки зрения фонологии, семантики, синтаксиса и прагматики, и многие исследователи изучают роль "языковых уроков" в овладении языком. Ощутимый прогресс достигнут в области двуязычия, билингвизма и языковых нарушений. Успех достигнут благодаря интегрированию подходов с позиций разных дисциплин в рамках когнитивной науки. Психолингвистику также могут интересовать сегодня виды знания, вовлеченного в пользование языком, биологические основы языка и взаимодействие языка, культуры, познания.

О проблемах отечественной психолингвистики можно судить по проблематике симпозиумов и конференций: "Языковое сознание" (1988), "Психолингвистика и межкультурное взаимодействие" (1991), "Язык, сознание, культура, этнос: теория и прагматика" (1994), "Языковое сознание и образ мира" (1997), "Языковое сознание: устоявшееся и спорное" (2003). В последнее время нашими учеными широко освещаются такие проблемы, как невербальные компоненты коммуникации, взаимоотношения речи и мышления, соотношение "язык—человек—общество", включающее понятие "языковая личность", определяются тенденции, связанные с акцентированием внимания на проблемах природы и структуры языковой способности человека. В ряде публикаций особо подчеркивается актуальность исследования межкультурного общения, этнокультурной специфики языкового сознания, различных аспектов взаимодействия языков и культур. Есть также работы, посвященные исследованию процессов категоризации, понимания текста, роли опор при получении выводного знания (см. ниже), особенностей слова как единицы индивидуального лексикона, специфики лексикона при двуязычии, стратегий овладения и пользования вторым языком (см. ниже).

Владение языком подразумевает не просто знание языка, а способность мобилизовать это знание при выполнении определенных коммуникативных задач в определенных контекстах и ситуациях. Поэтому следует различать и разграничивать понятия языковой компетенции как знания языка и коммуникативной компетенции как владение им. При этом в термин "коммуникативная компетенция" вкладывается разное содержание в зависимости от того, в русле какого научного подхода и в каких целях он используется.

В отечественных публикациях принято говорить об овладении умениями и навыками и об изучении/усвоении языковых явлений (знаний). В англоязычной научной литературе разграничиваются понятия "acquisition" и "learning": первое относится к "схватыванию" одного или второго иностранного языка в естественных ситуациях общения, а второе — к сознательному изучению языка детьми или взрослыми в учебных ситуациях разных видов. Но часто эти термины употребляются как синонимы.

Некоторые наши ученые об овладении языком говорят как о процессе, противоположном конечному продукту — освоенному и выученному (овладение—владение—знание—пользование). Другие говорят о постижении языка, представляющем собой еще один тип его усвоения, соотносимого с приобретением родного языка ребенком и с изучением языка взрослыми. Трактую постижение языка как естественное и необходимое продолжение приобретения и изучения, предполагается языковое развитие личности, сопровождающее его социальное развитие, не прекращающееся по достижении биологически понимаемой аттики с точки зрения ее приемлемости/неприемлемости.

Разграничение понятий языковой компетенции и пользования языком идет от работ Н. Хомского, выделившего "linguistique competence" (ментальные репрезентации языковых правил), которые выступают, по его мнению, в роли внутренней грамматики идеального говорящего-слушающего), и "linguistique performance" (понимание и продуцирование речи).

Как полагают психолингвисты, овладение человеком иноязычной речью означает, что она стала неотъемлемой частью его самого, его мыслей и чувств, его сознания и подсознания, что она вошла в психику человека естественно и органично, и он управляет ею не только осознанно, но и не задумываясь. Научиться оперировать языковыми знаками, как математическими символами, конструировать из них фразы и даже целые тексты можно чисто механически, однако такое говорение, хоть и может определяться по целому ряду признаков как речевая деятельность, собственно речью еще не будет. Полноценная речь человека — не система знаков, значение и употребление которых может быть произвольно установлено и выучено, как выучиваются правила пользования алгебраическими знаками. Для овладения подлинной иноязычной речью нужно, чтобы выученное стало органичной частью не только памяти человека, но и всей его психики, состоящей как из сознательной, так и бессознательной зон. Все психические процессы, как когнитивные, так и эмоциональные, не просто сопряжены с речью и служат помощниками в ее образовании, но и являются неперенными речевыми составляющими.

Иноязычная "выученная речь", успехов в которой добились только за счет осознанной познавательной деятельности, основанной на работе произвольного внимания и памяти, но не ставшей при этом органической частью всей психики человека — ее по привычке многие называют "речевой деятельностью", недаром бывает искусственной и скованной. Чаще всего ее характеризует русскоязычный акцент и такое же русскоязычное построение фраз. Человек строит эту речь из языковых знаков осознанно и целенаправленно, чаще сообразуясь с законами и моделями своего родного языка, но ни о каком автоматизме, порождаемом работой бессознательных пластов психики, говорить не приходится. Люди, усвоившие язык таким конструктивистски механическим способом, испытывают большие сложности и с пониманием речи (многие утверждают, что они ее просто не слышат, речь представляется им своеобразным шумом). А дело в том, что при обучении этих людей естественные законы восприятия речи, первичные при овладении речью, не только не учитывались, но были нарушены. Человек овладевает иноязычной речью тогда, когда ему вдруг начинают сниться сны на иностранном языке, когда неожиданно для себя он начинает на нем думать и когда осознает, что ему намного проще написать письмо или сочинить рассказ на иностранном языке, нежели переводить их с русского. В обыденной жизни такое владение языком называется свободным. Так что назначение психолингвистики заключается в том, чтобы помогать людям в овладении иноязычной речью в самой большой степени "свободы".

Итак, различают *знание языка* и *владение языком* (ср. англ. knowledge и proficiency). Известно, что можно знать язык (помнить и осознанно применять много грамматических правил), но тем не менее не быть способным свободно пользоваться этими знаниями в коммуникативных целях вне учебной обстановки. В то же время некоторые обучаемые с низкими показателями в области грамматики могут неплохо справляться с устной практикой. Таким образом, владение языком подразумевает не просто знание некоторого языка, а способность мобилизовать это знание при выполнении определенных коммуникативных задач. Термин "языковая компетенция" используется в ином значении — в связи с реальным, а не идеальным пользователем, с уточнением, что наряду с языковой компетенцией индивида необходимы также прагматическая, социокультурная, стратегическая, коммуникативная компетенции. В последние годы сочетание различных видов компетенции подразумевается при использовании одного из таких терминов, как имеющего наиболее общее значение. В отечественных публикациях ныне стали говорить о коммуникативной компетенции в самом широком смысле.

Понятия языковой/коммуникативной компетенции пересекаются с понятием *языкового сознания*. Определение последнего вызывает некоторые трудности из-за разных к нему подходов. Так, порой подчеркивается, что разные аспекты сознания по-разному связаны с языком. Один из таких аспектов связан с иерархией значений и операций в языке, с механизмами построения и понимания высказываний, текстов, с рефлексией над семантикой, синтактикой и прагматикой как основными семиотическими измерениями.

Онтологией языкового сознания стала в отечественной психолингвистике в последние годы практика межкультурного общения, речевые продукты которого являются материалом для выявления этнокультурной специфики языкового сознания представителей разных культур. Поэтому для подобного анализа языкового сознания чрезвычайно важна такая онтологическая предпосылка исследования, как утверждение о внешней детерминации языкового сознания, о его обусловленности человеческим способом бытия в мире. Для исследователя этнокультурной специфики языкового сознания эта онтологическая предпосылка принимает форму утверждения, что языковое сознание отображает специфику взаимодействия с миром конкретного этноса.

Уровень традиционного лингвистического описания языкового сознания предполагает обобщенное описание значений и употреблений языковых единиц и структур в отвлечении от психологии говорящего человека и психологической реальности выполняемого описания. Такое описание осуществляется в рамках традиционной фонетики и фонологии, лексикологии и лексикографии, грамматики. Результатами таких описаний являются фонетики (книги), словари и грамматики, которые представляют собой результат обобщения значений и употребления языковых форм и структур. Такое описание необходимо для фиксации и распространения языковых норм, для обучения языку, для сравнения языков, составления словарей и учебников.

Известно, что интерпретация текста (психолингвистическая) осуществляется реципиентом, во-первых, как процесс осмысления зафиксированных в вербальном коде авторских смыслов. Понимание текста, во-вторых, предполагает более высокий уровень осознания, проникновение за "значение", когда индивидуальное сознание верифицируется системой отношений, заданных в тексте репрезентантов. Вне понимания невозможно эстетическое восприятие художественного текста, предполагающее ту или иную степень осмысления вербального кода⁴.

---

⁴ Пицальникова В.А. Диалог культур как программа исследования когнитивных процессов в межкультурной коммуникации // Межкультурная коммуникация и перевод. М., 2002. С. 13.

Отсюда *понимание текста* невозможно без построения определенной релевантной структуры смыслов в концептуальной системе реципиента на базе языковых знаков, которые являются в этом случае для реципиента средством конвенциональной ориентации в концептуальной системе автора текста.

Посредством языка происходит трансформация субъективных смыслов, единственно имеющих реальное психическое бытие, в интерсубъектное знание. В этом случае необходимой объясняющей силой может обладать понимание концепта как всего того, что индивид знает, предполагает, думает о реальности действительности. В таком понимании концепт близко подходит к термину "образ языкового сознания". Моделирование этого содержания на основе соотношения различных репрезентантов, в том числе и вербальных, позволяет использовать понятие концепта и как научной интерпретирующей категории. Тогда языковое содержание (значение) включается в реальный процесс конструирования (структурирования) концептуальной системы (и в ее научное моделирование) в качестве определенной составляющей концепта (см. тему 7) наряду с другими его составляющими: визуальными, слуховыми, эмоциональными, ассоциативными и другими, связанными в функциональную гомоморфную систему. В качестве компонента концепта языковой знак способен представлять концепт в целом, что и осуществляется в вербальном тексте. При восприятии языкового знака актуализируется образное, понятийное, эмоциональное и ассоциативное содержание, связанное с данным словом (каждый из названных компонентов в силу концептуальности смысла способен актуализировать все составляющие концепта).

Языковые репрезентанты представляют собой систему дискретных единиц, а потому между языковым значением и смыслом нет изоморфизма⁵ в строгом смысле слова: нет точной корреляции определенного элемента одной системы элементу другой. Фундаментальный принцип интерпретации предполагает, что формирование концептуальной системы происходит в соответствии с последовательным введением концептов в концептуальную систему. Поэтому каждый концепт текста обладает определенным смысловым пространством, находящимся в процессе постоянного структурирования. Отсюда очевидно, что понимание вновь вводимой информации осуществляется индивидом с участием всей концептуальной системы, однако концептуальная система индивида не может обладать всеми возможными ментальными структурами в

---

⁵ *Изоморфизм* (от изо... и греч. *morphé* — форма) — понятие современной математики, уточняющее широко распространенное понятие аналогии модели. Изоморфизм — соответствие между объектами, выражающее тождество их структуры.

качестве устойчивых компонентов мышления. Поскольку мышление осуществляется по принципу функциональной системы, то в процессе понимания происходит не только заимствование, но и образование познавательных структур в результате интеграции исходных.

Фреймовая теория стала широко известной после выхода в свет работы М. Минского "Структура для представления знаний" (1978), где он определяет фрейм как иерархическую структуру для представления знаний о некоторой стереотипической ситуации. Под этой ситуацией М. Минский понимает некоторый обобщенный фрагмент действительности, типичное положение дел, в котором связаны участники, их действия и необходимые при этом предметы. В современной литературе есть немало терминов с близким значением ("схема", "скрипт", "сценарий", "план", "когнитивная модель", "модель ситуации"), но "фрейм" — это все же родовое понятие.

Фреймы — это элементы когнитивной базы человека. Во внешнем мире фреймов нет. В голове "среднего" носителя языка есть знания, например знание о том, что в создании спектакля участвуют режиссер и актеры, причем он знает, какие типичные действия выполняет каждый из участников. Фрейм представляет собой форму, принятую в современной лингвистике для упрощенного, схематичного отображения этого набора знаний.

Проблема знания — одна из существенных на сегодняшний день, а разработка общей теории знания — фундаментальная задача современности. Вопросы характера знаний, их содержания, хранения, организации, усвоения, использования, преобразования по-разному решаются в философии, социологии, психологии, педагогике и т.д. В наиболее общем виде знания делят на *научное* и *ненаучное*, *естественнонаучное* и *гуманитарное*. Особенную проблему составляет *обыденное* знание.

Языковые знания принято противопоставлять *неязыковым*, *прагматическим*, *фоновым* и т.д. Однако при этом смешиваются разные основания для классификации. Так, языковые и неязыковые знания могут разграничиваться по содержанию или по форме репрезентации (т.е. вербализованные и невербализованные). В последнем случае возникает серьезная проблема менталитета и т.д.

Из информатики пришли термины "декларативное знание" и "процедурное знание". Различие между ними заключается в том, что одно знание представляет собой знание о чем-либо, второе знание — как сделать что-либо не на уровне вербального описания, а в плане реального действия. Есть также знания имплицитное и эксплицитное. Под *имплицитным* знанием понимается интуитивная информация, которой оперируют обучаемые; *эксплицитная* информация включает осознанное знание о языке, т.е. правила, которые формулируются вербально.

Эмпирики не признают наличия у детей какого бы то ни было *врожденного знания*, но допускают, что у человека от рождения имеется нечто, дающее возможность овладения языком, т.е. допускают существование врожденных средств (механизмов и процедур) овладения знанием и отводят решающую роль прижизненному опыту ребенка, благодаря которому формируется, "создается" не имевшееся раньше знание. В отличие от эмпириков, рационалисты единодушны в том, что от рождения человек уже располагает "базовым" знанием, однако мнения о характере такого знания весьма различны.

Взаимодействие различных видов знаний, специфически репрезентированных в памяти индивида, обеспечивает функционирование языковой личности. Кто же такая в конце концов *языковая личность*?

Личность должна рассматриваться в перспективе культурной традиции народа, этноса, считает лингвокультуролог В.А. Маслова, ибо для рождения человека в человеке необходим культурно-антропологический прототип, который формируется в рамках культуры.

Категории культуры — пространство, время, судьба, право, богатство, труд, совесть, смерть и т.д. — отражают специфику существующей системы ценностей и задают образцы социального поведения и восприятия мира. Это своеобразная система координат, которая формирует языковую личность.

Первое обращение к языковой личности связано с именем немецкого ученого Й. Вайсгербера. В русской лингвистике первые шаги в этой области сделал В.В. Виноградов, который выработал два пути изучения языковой личности — личность автора и личность персонажа. О говорящей личности писал А.А. Леонтьев. Само понятие языковой личности начал разрабатывать Г.И. Богин, ввел же это понятие в широкий научный обиход Ю.Н. Караулов.

Трактовку языкового сознания, опосредованного с позиций "образа мира", предлагает А.А. Леонтьев, указывающий на то, что это вытекает из понимания языка как единства общения и обобщения (по Л.С. Выготскому) и из признания факта существования значений, как в предметной, так и в вербальной форме. Языковое сознание также следует рассматривать как один из уровней в структуре целостной картины мира человека (см. тему 4), т.е. как один из вариантов возможных схем освоения мира, в наибольшей мере приспособленный для целей коммуникации.

Каждый язык по-своему членит мир, т.е. имеет свой способ его концептуализации, поэтому каждый язык имеет особую картину мира и языковая личность (см. ниже) обязана организовывать содержание высказывания в соответствии с этой картиной.

Язык есть важнейший способ формирования и существования знаний человека о мире. Отражая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в слове результаты познания. Совокупность этих знаний, запечатленных в языковой форме, представляет собой то, что в различных концепциях называется то как "языковой промежуточный мир", то как "языковая репрезентация мира", то как "языковая модель мира", то как "языковая картина мира". Больше всего распространен последний термин.

Понятие картины мира, в том числе и языковой, строится на изучении представлений человека о мире. Если мир — это человек и среда в их взаимодействии, то картина мира — результат переработки информации о среде и человеке. Таким образом, представители когнитивной лингвистики справедливо утверждают, что наша концептуальная система, отображенная в виде языковой картины мира, зависит от физического и культурного опыта, непосредственно связана с ним и строится на изучении представлений человека о мире.

Явления и предметы внешнего мира представлены в человеческом сознании в форме внутреннего образа. По мнению А.А. Леонтьева, существует особое "пятое квазиизмерение", в котором представлена человеку окружающая его действительность: это "смысловое поле", система значений. Тогда картина мира — это система образов.

М. Хайдеггер писал, что при слове "картина" мы думаем прежде всего об отражении чего-либо, картина мира, сущностно понятая, означает не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина. Между картиной мира как отражением реального мира и языковой картиной мира как фиксацией этого отражения существуют сложные отношения. Картина мира может быть представлена с помощью пространственных (верх—низ, правый—левый, восток—запад, далекий—близкий), временных (день—ночь, зима—лето), количественных (одна луна, одно солнце, много звезд), этических (обряды и ритуалы) и других параметров. На ее формирование влияют язык, традиции, природа и ландшафт.

Языковое сознание, однако, также считают средством формирования, хранения и переработки языковых знаков вместе с выражаемыми ими значениями, правилами их сочетания и употребления, а также с отношением к ним со стороны человека, взглядами и установками на язык и его элементы. При этом подходе метаязыковые знания трактуются как входящие в структуру языкового сознания.

Языковое сознание — достояние индивида, поэтому неизбежно должны быть затронуты вопросы о языковой личности. Под *языковой личностью* в настоящее время в науке понимают человека, рассматриваемого с точки зрения его готовности производить речевые поступки,

создавать и понимать "произведения речи". При этом подчеркивается, что человек обладает родовой способностью быть личностью, но каждый индивид еще должен ею стать. Г.И. Богин разработал модель языковой личности, являющейся, с его точки зрения, параметрической и имеющей форму куба, который включает 60 компонентов, полученных при умножении трех параметров (ось А — фонетика, лексика, грамматика; ось Б — адекватный синтез, адекватный выбор, насыщенность, интерпретация, правильность; ось В — чтение, письмо, аудирование, говорение).

Ю.Н. Караулов предлагает иную модель языковой личности, учитывающую философский и психологический аспекты моделирования (с разграничением языка, интеллекта, действительности, а также семантического, когнитивного и прагматического уровней) с выделением трех уровней структуры языковой личности (вербально-семантического, тезаурусного, мотивационного) и установлением специфичных для разных уровней единиц (слов, понятий, деятельностно-коммуникативных потребностей), отношений и стереотипов.

Первый уровень, по Ю.Н. Караулову, — *вербально-семантический* (семантико-строевой, инвариантный) — отражает степень владения обыденным языком. Второй уровень — *когнитивный*, на нем происходит актуализация и идентификация релевантных знаний и представлений, присущих социуму (языковой личности) и создающих коллективное (или индивидуально-когнитивное) пространство. Этот уровень предполагает отражение языковой модели личности, ее тезауруса, культуры. И третий, высший уровень — *прагматический*. Он включает в себя выявление и характеристику мотивов и целей, движущих развитием языковой личности.

Следовательно, кодирование и декодирование информации происходит при взаимодействии трех уровней "коммуникативного пространства личности" — вербально-семантического, когнитивного и прагматического.

Концепция трехуровневого устройства языковой личности определенным образом коррелирует с тремя типами коммуникативных потребностей — контактоустанавливающей, информационной и воздействующей, а также с тремя сторонами процесса общения — коммуникативной, интерактивной и перцептивной.

Уровневая модель языковой личности отражает обобщенный тип личности. Конкретных же языковых личностей в данной культуре может быть множество, они отличаются вариациями значимости каждого уровня в составе личности. Таким образом, языковая личность — это многослойная и многокомпетентная парадигма речевых личностей. При этом речевая личность — это языковая личность в парадигме реального

общения, в деятельности. Именно на уровне речевой личности проявляются как национально-культурная специфика языковой личности, так и национально-культурная специфика самого общения.

В содержание языковой личности обычно включаются следующие компоненты:

1) ценностный, мировоззренческий, компонент содержания воспитания, т.е. система ценностей или жизненных смыслов. Язык обеспечивает первоначальный глубинный взгляд на мир, образует тот языковой образ мира и иерархию духовных представлений, которые лежат в основе формирования национального характера и реализуются в процессе диалогового общения;

2) культурологический компонент, т.е. уровень освоения культуры как эффективного средства повышения интереса к языку. Привлечение фактов культуры изучаемого языка, связанных с правилами речевого и неречевого поведения, способствует формированию навыков адекватного употребления и эффективного воздействия на партнера по коммуникации;

3) личностный компонент, т.е. индивидуальное, глубинное, что есть в каждом человеке.

Языковая личность — социальное явление, но в ней есть индивидуальный аспект. Индивидуальное в языковой личности формируется через внутреннее отношение к языку, через становление личностных языковых смыслов; но при этом не следует забывать, что языковая личность оказывает влияние на становление языковых традиций. Каждая языковая личность формируется на основе присвоения конкретным человеком всего языкового богатства, созданного предшественниками. Она характеризуется определенным запасом слов, имеющих тот или иной ранг частотности употребления, которые заполняют абстрактные синтаксические модели. Если модели достаточно типичны для представителя данного языкового коллектива, то лексикон и манера говорения могут указывать на принадлежность к определенному социуму, свидетельствовать об уровне образованности, типе характера, указывать на пол и возраст и т.д. Языковой репертуар такой личности, деятельность которой связана с выполнением десятка социальных ролей, должен быть усвоен с учетом речевого этикета, принятого в социуме.

Языковая личность существует в пространстве культуры, отраженной в языке, в формах общественного сознания на разных уровнях (научном, бытовом и др.), в поведенческих стереотипах и нормах, в предметах материальной культуры и т.д. Определяющая роль в культуре принадлежит ценностям нации, которые являются концептами смыслов.

Культурные ценности представляют собой систему, в которой можно выделить универсальные и индивидуальные, доминантные и дополни-

тельные смыслы. Они находят отражение в языке, в значениях слов и синтаксических единиц, во фразеологизмах.

Параметры языковой личности только начинают разрабатываться. На сегодняшний день известны различные подходы к изучению языковой личности, определяющие статус ее существования в лингвистике: полилектная (многочеловеческая) и идиолектная (частночеловеческая) личности (В.П. Нерознак), этносемантическая личность, элитарная языковая личность, семиологическая личность (А.Г. Баранов), русская языковая личность (Ю.Н. Караулов), языковая и речевая личность, словарная языковая личность, языковая личность западной и восточной культур (Т.Н. Снитко), эмоциональная языковая личность.

Одна из важных тем исследований в психолингвистике это *овладение вторым языком (Я2)*. По этой проблеме существует постоянно развивающаяся теория и организуется поиск новых исследовательских процедур. Усвоение Я2 имеет свою специфику и, с точки зрения многочисленных ученых, является весьма злободневным.

Прежде всего необходимо разобраться с понятиями "первый язык", "второй язык", "родной язык", "иностранный язык". На первый взгляд, это две пары соотносимых понятий, компоненты которых четко противопоставлены либо по времени (или порядку) усвоения языков, т.е. "первый язык" (Я1) — "второй язык" (Я2), либо по принадлежности к тому или иному социуму: "родной язык" (РЯ) — "иностранный язык" (ИЯ). В принятых сокращениях это выглядит так: Я1—Я2; РЯ—ИЯ. Однако между этими парами понятий нет прямого соответствия, при котором было бы обязательным равенство Я1—РЯ; Я2—ИЯ: на самом деле для индивида могут быть родными Я1 и Я2 (это имеет место, например, в ситуации бытового двуязычия); хронологически второй язык может далее вытеснить первый по времени его усвоения и стать "родным" (в этой связи нередко говорят о том, что один из языков двуязычного индивида является доминантным, т.е. основным). К тому же второй язык может не быть иностранным, но изучаться в учебных условиях (такое, например, происходит при наличии некоторого языка межнационального общения в сочетании с РЯ), а ИЯ иногда бывает для индивида третьим, четвертым и т.д. языком. Таким образом, соотношение названных понятий является более сложным, чем кажется.

В научной литературе обычно разграничивают понятия Я2 и ИЯ с учетом того, что в первом случае овладение языком происходит в естественных ситуациях общения (т.е. тогда, когда на нем говорят носители этого языка) и без целенаправленного обучения, а во втором — в искусственных учебных ситуациях с ограниченной сеткой часов, но при обучении под руководством профессионала. Соответственно различаются понятия естественного (бытового) и искусственного (учебного) двуязы-

чия (билингвизма). При таком подходе подразумевается, что Я2 "схватывается" с помощью окружения и благодаря обильной речевой практике без осознания языковых явлений как таковых, а ИЯ "выучивается" при посредстве волевых усилий и с использованием специальных методов и приемов.

Как показывает ознакомление с историей методов обучения ИЯ, в последнее время все более распространенным становится мнение, что между процессами овладения РЯ и ИЯ больше сходства, чем различий, механизмы речевой деятельности на родном и инностранном языке одни и те же, обучаемые проходят одни и те же стадии речевого развития, допускают сходные типы ошибок и т.п. Происходит также пересмотр представлений об интерференции, т.е. о влиянии РЯ на овладение ИЯ с выдвиганием на первый план роли положительного переноса из РЯ в ИЯ, в том числе — в отношении стратегий овладения и пользования языком.

Что касается случаев между овладением Я2 и ИЯ, то строгое разграничение этих случаев наблюдается довольно редко. Многие авторы вообще используют термины "второй язык" и "иностраный язык" как взаимозаменяемые, лишь иногда оговаривая конкретные условия, если их требуется учитывать из тех или иных соображений. В англоязычной литературе используется термин "second language" (Seconde Language Acquisition — SLA); обозначаемое им понятие "foreign language" может быть более широким или равнозначным последнему.

Л и т е р а т у р а

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 1999.

Тарасов Е.Ф. Введение в психолингвистику. М., 1991.

Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М., 2002.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

Каковы причины возникновения психолингвистики?

Какие сферы науки охватывает психолингвистика?

Как происходит психолингвистический анализ текста?

Расскажите о языковом сознании.

Что такое языковая компетенция?

Как вы себе представляете языковую личность?

Какие проблемы могут возникнуть при овладении вторым языком?

Перечислите основные виды знаний.

Межкультурные контакты в настоящее время особенно актуальны. Происходит интенсивная интеграция всех стран мира, возникает языковое и культурное многообразие на всех уровнях международного сотрудничества. Знакомство с культурой, историей чужой страны, носителями чужого языка осуществляется разными путями: поездка в страну, чтение художественной литературы и просмотр художественных фильмов, обучение на языке.

Чтение художественной литературы и использование художественных текстов оказывает универсальное воздействие: читатель приобщается к культурным ценностям другой страны, получает представление об образе жизни людей, возможность почувствовать живой язык и значительно обогатить словарный запас в области исторических реалий, терминов (военных, технических, общественных), разговорных единиц и т.п. Все уплотняет его знания.

С другой стороны, общение, диалог — это жизненная потребность человека. Путем общения человек расширяет свой опыт, именно общение обеспечивает выживание человека в социальной среде и его психологическое благополучие. Изучение феномена межкультурного общения связано с исследованием языкового сознания как отдельных представителей разных этнических культур, так и национального (массового) языкового сознания.

Возможность взаимопонимания в межкультурном диалоге определяется устойчивостью и универсальностью базисной "картины мира", общностью того "ядра сознания", которое является отражением основных универсальных составляющих окружающего предметного мира, а также общностью этнических констант, составляющих "центральный зону" этнической культуры, наполняемых специфическим в каждой культуре содержанием. Такая общность базисных этнических констант и наполняющих их языковых сознаний — необходимая предпосылка речевого межкультурного общения.

При установлении деловых отношений важно, чтобы происходило именно общение, диалог, взаимопонимание, а не столкновение двух культур. Если партнеры владеют культурологической информацией друг о друге, им легче найти взаимопонимание при решении деловых вопросов. Большое значение имеет язык, на котором ведутся перегово-

ры и уровень владения им. Хорошо, если партнеры общаются на двух контактирующих языках, но это — идеальный вариант, к сожалению, редко встречаемый. Обычно переговоры между сторонами обеспечиваются переводчиком или одним из партнеров.

Развитие науки и техники качественно изменило отношения между людьми и государствами: расширяются и укрепляются контакты между деловыми партнерами, от откровенного противостояния государственные деятели, правительства и организации переходят к деловому межкультурному сотрудничеству, изучению культур других народов с целью их использования и оказания воздействия на своих партнеров.

Еще не так давно под словом "культура" понимали совокупность материальных и духовных достижений общества, однако это слово, как было выше продемонстрировано, охватывает все исторические, специальные и психологические особенности этноса, обычаи, взгляды, традиции, поведение, быт, условия жизни, особенности данной сферы деятельности. Что обычно и естественно в одной стране, совершенно неприемлемо в другой. Все это пытаются сегодня по мере возможностей учитывать в отношениях с деловыми партнерами. С этой точки зрения представляется очень важной нацеленность лингвистов, занимающихся проблемами межкультурной коммуникации, на диалог и трансляцию культур. Часто в связи с этим "перспективным планом" участники разных форумов, конгрессов и конференций, посвященных диалогу культур, включают многочисленные исследования, опирающиеся на взаимоисключающую терминологию. Вопросы терминологии ставятся сейчас многими учеными. Ясно, однако, что диалог культур необходим, и понимать его надо достаточно широко, имея в виду и исторический контекст (допустим, взаимоотношений России и Запада), и соотношение языка и культуры, и проблемы собственно межкультурного общения, а также взаимовлияние перевода и культуры.

Диалог (от греч. *диалогос* — беседа) изначально — разговор между двумя или более лицами в драме или в прозаическом произведении. Потом диалог стал пониматься шире, его посчитали философско-публицистическим жанром, заключающим в себе собеседование либо спор двух или более лиц.

В трудах известного филолога М.М. Бахтина диалог существенно расширил свое значение¹, поскольку это слово стали употреблять в следующих коннотативных смыслах: 1) композиционно-речевая форма жизненного высказывания (разговор двух или нескольких лиц); 2) всякое речевое общение; 3) речевой жанр (диалог бытовой, педагогический, познавательный); 4) вторичный жанр-диалог: философский, рито-

---

¹ См.: Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001.

рический, художественный; 5) конститутивная черта романа определенного типа; 6) жизненная философско-эстетическая позиция; 7) формообразующий принцип духа, неполной противоположностью которого является монолог. "Духовная сфера смысла — собственный локус диалогических отношений, которые совершенно невозможны без логических и предметно-смысловых отношений"². "Предметно-смысловые отношения при этом должны воплотиться, т.е. войти в другую сферу бытия, стать словом, т.е. высказыванием, и получить автора, творца данного высказывания, чью позицию оно выражает"³. Это делает понятной трактовку диалога.

"Всякий настоящий читатель Достоевского, — полагает М.М. Бахтин, — который воспринимает его романы не на монологический лад, а умеет подняться до новой авторской позиции Достоевского, чувствует (это) особое активное расширение своего сознания, но не только в смысле освоения новых объектов (человеческих типов, характеров, природных и общественных явлений), а прежде всего в смысле особого, никогда ранее не испытанного диалогического сообщения с чужими сознаниями"⁴.

У Бахтина личностность, персонологичность, субъектность становятся дифференциальными чертами диалогических отношений. Участниками этих отношений являются "я" и "другой", но не только "они". "Каждый диалог происходит еще и как бы на фоне ответного понимания незримо присутствующего третьего партнера"⁵.

Третий участник диалога у Бахтина и эмпирический слушатель-читатель, и господь Бог. Бахтинский подход, сохраняя за диалогом статус реального жизненного отношения, не отвлеченного от эмпирической ситуации, не превращающего ее в условность (не метафоризирующего ее), рождает в то же время особого рода расширение смысла "диалога". Так понимаемый диалог охватывает уже широкую сферу отношений и разные степени выраженности.

Для определения нижнего предела диалогических отношений надо ввести, по мнению С.Н. Бройтмана⁶, понятия *нулевой степени диалогичности* и *ненамеренной диалогичности*. Пример "нулевых диалогических отношений" — широко используемая в "комике" ситуация диалога двух глухих, где имеется реальный диалогический контакт, но нет никакого смыслового контакта между репликами (или контакт воображаемый) —

---

² Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С. 314.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 117.

⁵ Бахтин М.М. Собр. соч. М., 1996. Т. 5. С. 338.

⁶ См.: Бройтман С.Н. Диалог и монолог — становление категории // Бахтинский тезаурус. М., 1997.

здесь раскрывается точка зрения третьего в диалоге (не участвующего в нем непосредственно, его непонимающего). Освоение (понимание) целого высказывания всегда диалогично. К нижней ступени относится и "ненамеренная диалогичность", возникающая между целыми высказываниями и текстами, отдаленными друг от друга во времени и пространстве, ничего не знающими друг о друге, если есть между ними хотя бы какая-нибудь смысловая конвергенция. В данном случае, как и при нулевой степени роль экспликатора диалогических отношений, выполняет третий — "понимающий".

Верхний предел диалогичности — отношение говорящего к собственному слову. Он становится возможным тогда, когда слово обретает двойную интенцию и оказывается направленным не только на предмет, но и на "чужое слово" об этом предмете. Такое слово и высказывание М.М. Бахтин называет "двуголосым". Только при обращении автора к двуголосому слову композиционно речевая форма диалога перестает быть внешней формой и становится внутренне диалогической, а сам диалог становится фактом поэтики. Спектр диалогических отношений, реализуемый двуголосым словом, не сводится к противопоставлению и борьбе, а предполагает, как "разно-гласие" и взаимную обращенность самостоятельных голосов, так и "со-гласие" ("со-радование", "со-любование"). Высшую степень своего развития диалогическое слово, по М.М. Бахтину, нашло в романах Достоевского.

Если встать на точку зрения М.М. Бахтина, то Б.А. Успенский, занимаясь риторическим диалогом, выявляет поэтику композиции. Он отмечает очень интересные отношения между фразеологией и идеологией, несовпадение точек зрения в том случае, когда в повествовании ведется речь с фразеологической точки зрения какого-либо лица, но композиционной задачей является оценка этого лица с какой-либо другой точки зрения. План идеологии и план фразеологии не совпадают, а вступают в диалог.

Часто случается, что не совпадают и план фразеологии с планом психологии. При рассмотрении плана психологии надо отметить, что число действующих лиц, описание которых происходит "изнутри", а не "извне", нередко бывает ограничено в произведении. Можно сказать, что в образы одних персонажей автор может на время "вживаться", описывая мир через их восприятие, тогда как другие интересуют его преимущественно в плане восприятия со стороны.

Для характеристики произведения весьма существенно, насколько соотносится раскрытие внутреннего состояния того или иного персонажа с отношением к нему автора в плане идеологической оценки. Иначе говоря, вопрос ставится так: насколько соотносится в данном произведении принцип "внутреннего" и "внешнего" описания с разделением персонажей на "положительные" и "отрицательные".

Б.А. Успенский разбирает не только словесные тексты, проявления в них внешней и внутренней точек зрения, но и тексты живописные. В самом деле, в одних случаях художник занимает позицию наблюдателя, находящегося вне изображаемой действительности. Соответственно он и строит изображение с точки зрения такого наблюдателя: между ним и тем миром, который он изображает, находится мысленный барьер, и таким образом он смотрит на мир как бы через окно. Именно такая — внешняя по отношению к изображаемой действительности — позиция художника была обоснована теоретиками эпохи Возрождения, по мысли которых, картина не есть что-либо иное, как "окно в природу", (ср. "fenestra aperta" Альберти, "pariete di vetro" Леонардо да Винчи). Со времени Ренессанса такая позиция художника становится обычной в европейском изобразительном искусстве.

Между тем для более раннего искусства характерна принципиально иная позиция художника. Древний художник не мыслит себя вне изображения, но, напротив, помещает себя как бы внутрь изображаемой действительности: он изображает мир вокруг себя, а не с какой-то отчужденной позиции. Он занимает, таким образом, внутреннюю по отношению к изображению позицию.

Использование внутренней или внешней точек зрения в изобразительном искусстве может проявляться, в частности, в системе перспективы. Так, прямая и линейная перспектива, характерная для ренессансной и позднейшей живописи (предполагающая сокращение предметов по мере их удаления от зрителя), представляет мир таким, как он воспринимается извне (со стороны), с какой-то фиксированной точки зрения — внешней по отношению к изображаемой действительности. Напротив, так называемая обратная перспектива, характерная для древнего искусства (предполагающая сокращение предметов по мере их приближения к зрителю картины, т.е. к переднему плану) соответствует позиции именно внутреннего наблюдателя. Здесь Б.А. Успенский подходит к проблеме *рамок* в различных семиотических сферах, к тому, что в деловой межкультурной коммуникации называется "форматом переговоров"⁷.

Психологи и лингвисты при описании диалогов и контактов делают свои наблюдения, отличные от общезнаменитых. Так, например, Т.К. Цветкова отмечает, что человек, воспитанный в условиях одной культуры, не только "монокультурен", но и лингвоцентричен. Это означает, что познавательные структуры, фиксированные в данном языке, становятся порой единственным инструментом "диалога сознаний" людей, принадлежащих к одной лингвокультурной общности. Значение

---

⁷ См.: Успенский Б.А. Поэтика композиции. СПб., 2000.

понимается ими как когнитивная модель, средство и способ познания действительности. Отсюда становится понятной *активизация заимствований* при интенсификации межкультурной коммуникации, стремление ко все большей универсализации значений.

В межкультурном общении, как отмечает В.А. Пищальникова, происходит не только заимствование, но и *образование новых познавательных структур* в результате интеграции исходных. "Диалогом культур" поэтому она называет процесс активизации и/или создания механизмов, способов и средств порождения и репрезентации новых для лингвокультурной общности моделей. И это возможно в результате: 1) "информационного взрыва", с репрезентацией которого языковые структуры определенного языка справляются, но с трудом; 2) влияния данного языка, в котором имеются познавательные структуры, наиболее адекватные новому содержанию. Поэтому лингвокультурные общности в настоящее время заимствуют когнитивные формы, структуры и порождают новые.

В *лингводидактике* есть свой подход к диалогу как межличностному общению, в котором есть несколько уровней. Первый уровень определяется умением войти в психологический контакт с собеседником, говорящим на другом языке. В данном случае коммуникация ограничивается обменом несколькими фразами, можно жестами и улыбками, для определения языковой отчужденности. Второй уровень определяется умением провести деловую беседу в рамках какой-то темы, составить правильно документ. Овладение этим уровнем требует определенных лексико-грамматических знаний и навыков.

А.А. Леонтьев выделяет когнитивный аспект овладения языком (коммуникацию): "Когда мы говорим о коммуникативном или коммуникативно-деятельностном аспекте овладения или владения языком, то имеем в виду как бы ориентацию на собеседника — в конечном счете, коммуникативность ведь есть оптимальное воздействие на собеседника. Но, овладевая иностранным языком, мы одновременно усваиваем присущий соответствующему народу образ мира, то или иное видение мира через призму национальной культуры, одним из важнейших компонентов которой является язык. Главнейшую задачу в сфере овладения языком можно сформулировать так: научиться говорить (или писать) так, как говорит или пишет носитель языка (или, по крайней мере, стремиться к этому). Тогда формулировкой главной задачи такого владения в когнитивном аспекте будет следующая: научиться осуществить ориентировку так, как ее осуществляет носитель языка"⁸.

---

⁸ Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1999. С. 43.

Таким образом, третий уровень овладения знаний будет "межкультурным". Он предполагает свободное владение иностранным языком, знакомство с лингвокультурологией, способность к глубокому общению с собеседником.

Р.Д. Льюис предлагает "контрольный список" вопросов, ответив на которые, можно смело отправляться на встречу с партнерами:

1. Какова конкретная цель этой встречи?
2. Где лучше всего встретиться?
3. Кто будет присутствовать на переговорах (уровень представителей, их число, класс специалистов)?
4. Как долго будут продолжаться переговоры?
5. Созданы ли условия для переговоров (размещение сторон, транспорт, оборудование)?
6. Что включить в программу развлечений?
7. В какой степени можно ожидать привязанности противоположной стороны к протоколу (официальность, одежда, повестка дня)?
8. Какой стиль предпочтут участники?
9. Кто из них принимает решения?
10. Насколько гибкими они могут быть на переговорах?
11. Какова чувствительность противоположной стороны?
12. Каковы приоритеты противника (прибыль, долгосрочные отношения, победа, гармония)?
13. Насколько велик разрыв между обеими сторонами (логический, религиозный, политический, эмоциональный)?
14. Насколько приемлема для нас их этика?
15. Будут ли проблемы с языком?
16. Какой механизм разрешения тупиковых ситуаций надо избрать?
17. В какой степени допустимы такие неформальные факторы, как юмор, сарказм, колкость, раздражительность?

Комментируя этот список, Е.Ю. Соколова пишет, что во время проведения переговоров всё играет свою роль: и сложившиеся принципы, и национальный характер (ментальность), и социальное окружение, и ценности Я-образа, и этика, и компромисс. Все эти факторы неизбежно влияют на переговоры, в которых нет общей стратегии, гарантирующей быстрое взаимопонимание⁹.

Вникая в межкультурные моменты переговоров в разных странах, стоит отметить, что в каждой стране переговоры начинаются по-разному: одни — пунктуально, быстро и по-деловому; другие — с лег-

---

⁹ См.: Соколова Е.Ю. Культурологический подход и межкультурное взаимопонимание на деловых переговорах // Актуальные проблемы науки и современное состояние развития российского общества. М., 2003. С. 191.

кой беседы о том, о сем, а некоторые встречи вызывают массу недопониманий, да и вообще даются с трудом.

Американцы, скандинавы и немцы любят "брать быка за рога". Они не видят никакого смысла "в пустой трате времени". Американцы известны решением дел за завтраком (что совершенно недопустимо в глазах испанцев). Немцы вам зададут сначала все трудные вопросы. Вам придется убедить их в эффективности своих предложений, качестве товаров, готовности к их поставке. Все эти усилия они предпримут, чтобы получить максимально низкие цены на товар. В первый раз они закажут небольшую партию товаров, а когда вас проверят, то заказ может увеличиться.

Приступать к обсуждению вопросов с ходу в Англии, Франции, Италии, Испании может показаться некультурным. Гораздо более цивилизованным считается плавный переход к обсуждению предмета переговоров после обмена любезностями, который может продлиться от десяти минут до часа. Англичанин едва ли не в смущении указывает на то, что пора начинать. В Японии, где соблюдение традиций обязательно, существует почти фиксированный промежуток времени, по истечении которого старший по положению произносит: "Предметом рассмотрения является..." — в этот момент все склоняют головы и начинают работу.

Французы склонны делать бизнес намного быстрее, но и способны быстро выйти из него. Может показаться, что испанцы недооценивают приготовлений, сделанных вами, чтобы облегчить получение сделки. Они не вдаются во все детали, зато изучают вас, и будут иметь дела с вами в том случае, если вы им понравитесь, и вас сочтут благородным человеком. В этом отношении на них похожи японцы. Представление о времени и пространстве, протокол — все играет роль. Лишь когда переговоры уже идут полным ходом, открываются глубокие пропасти культурных различий.

Максимум согласия между культурами иностранного языка (языка с которого переводят) и языка, на котором говорит переводчик, влияет на сохранение национальной окраски нового текста, ибо он 1) включается в систему новой культуры; 2) сохраняется при этом полностью или частично; 3) сглаживается смысловая трансформация, "адаптация" смысла смыслов текста к системе языка переводчика, адаптация смысла к культуре языка переводчика, адаптация смысла к среднему уровню слушателя или читателя, которому предназначен текст.

Переводчик ориентируется на систему знаний и опыт читателя, стараясь предугадать тот объем его знаний и опыта, который будет релевантным для нового текста и вывода умозаключения из текста читателем, для чего он "снимает" из первого текста все или почти все противоречия и нечеткости. Переводчик вписывает первый исходный текст в

привычную для него "картину мира", что сопровождается наложением и отражением его языковой личности на второй текст. Причиной адаптации смысла к среднему уровню читателей можно назвать то, что перевод несет в себе черты адаптации, являясь социальным заказом определенной исторической эпохи и социума, и находится на пространственно-временном и культурно-историческом расстоянии от первого текста. Различия в языковом и культурном кодах в системах иностранного языка и языка переводчика приводят к появлению адаптивного перевода.

Адекватный перевод инокультурного текста невозможен без его понимания. При понимании реципиент осуществляет точный выбор слова для перевода, причем одного из его значений. Однако часто переводчик попадает в ситуацию необходимости понимания каких-либо слов в контексте. Рассматривая переводческое понимание слова в контексте, его догадку можно назвать *техникой перевода*. Догадка о контекстном значении слова осуществляется на фоне воссоздания целого речевого отрезка. Следует отметить, что данное явление свойственно не только пониманию инокультурного текста вторичной языковой личностью, но и пониманию текста на родном языке, где реципиенту встречаются незнакомые слова. Наличие таковых обусловлено, в частности, включением разных слов в неодинаковый практический опыт человека и различной частностью их употребления.

Контекстная догадка — это прежде всего понимание смысла. Поэтому при ее реализации действуют те же факторы, что и при понимании текста: 1) факторы, связанные с характеристиками воспринимаемого текста (особенности лексики, формальная структура, заголовок, организация контекста и подтекста и т.д.); 2) факторы, связанные с особенностями личностного сознания реципиента (степень владения тезаурусом, наличие фоновых знаний, стереотипизация языкового мышления, эмоционально-экспрессивные характеристики, принадлежность к определенному когнитивному типу, уровень семиосоциопсихологической подготовки, языковой компетенции, информационно-познавательные интересы, установки и т.д.). При реализации контекстной догадки, как правило, действуют сразу несколько факторов понимания. Причины ошибочного понимания при реализации контекстной догадки также носят аналогичный комплексный характер.

Приступая к разговору о "поле" и "гендере" (их точное значение см. ниже), в значительной мере влияющих на особенности современных переводов, мы начнем их экспликацию издалека — с категории одушевленности-неодушевленности. Она поможет нам выявить некоторые не сразу бросающиеся в глаза характеристики категории рода (пола).

Выдающийся французский лингвист конца XIX—начала XX в. Антуан Мейе, используя свои собственные наблюдения и отчасти наблю-

дения других лингвистов, обратил внимание на тот факт, что в древних родственных языках стран Европы, Индии, Ирана (индоевропейских), слова различно оформляются, т.е. выделяются в две основные группы: в зависимости от того, рассматриваются предметы, явления как неодушевленные или как одушевленные. Продолжая наблюдения, он установил, что даже один и тот же предмет может быть назван по-разному: то словом класса одушевленного (мужского или женского рода), то словом класса неодушевленного (среднего рода). Причем в таком словоупотреблении была обнаружена строгая последовательность, закономерность. Так, в священной книге древних индусов "Ригведа" вода обозначается двумя разными словами: в тех случаях, когда вода рассматривается как вещество, т.е. в обычном понимании ("По воде плывет корабль..."), используется слово среднего рода, но как только вода оказывается движущимся, активно действующим предметом, вернее его олицетворением ("Послушные воды остановились...") поэт пользуется словом женского рода (во множ. числе).

В "Илиаде" Гомера (11-я песнь) описывается, как накануне грозной битвы перед полками троянцев:

Гектор ходил впереди со щитом во все стороны равным.

Как приносящая гибель звезда — то меж туч появляясь,

Ярко сияет, то в тучах тенистых исчезает...

Здесь Гектор сравнивается со звездой, которая движется, появляется, исчезает, т.е. является существом активным. И для обозначения ее Гомер использует одушевленное существительное муж. рода — "aster", хотя он мог использовать другое слово "astron", неодушевленное, среднего рода. Оно широко употреблялось, когда речь шла о звездах, понимаемых как небесные тела.

Показательно, что существительное мужского рода "aster" всегда обозначает движущую звезду и переводится не только как "звезда", но и как "метеор", "метеорит". Это слово может иметь и мистический смысл — "небесное знамение", тогда как "astron" вполне материально: это и звезда, и вообще небесное светило. Поэтому в выражении "идти по звездам" всегда использовалось это слово.

Следовательно, рассуждал А. Мейе, в зависимости от того, как рассматривался один и тот же предмет: как вещь или как существо, способное действовать, он может получать два обозначения — одного среднего рода, другое — одного из одушевленных родов (мужского или женского). Звезды в разное время года меняют свое местоположение в небесном пространстве. Ими руководствовались не только при определении сухопутных или морских маршрутов, но и при определении жизненных путей отдельных людей и целых народов.

Выражений (фразеологизмов), так или иначе связанных со звездами (вроде "родиться под счастливой звездой"), немало в каждом языке. И в соответствии с таким духовно-мистическим пониманием звезды одушевлялись: почти во всех языках слово "звезда" мужского или женского рода (т.е. по древней классификации, она относится к классу одушевленных предметов-слов).

В тех языках, где слово "вода" олицетворяется и где для ее обозначения обязателен один из родов одушевленного класса, обнаружилось аналогичные воззрения на огонь. Особенно интересен тот факт, что известное еще по мифам, по народным сказаниям противопоставление (или сопоставление) воды и огня отразилось в языке: во многих языках вода женского рода, огонь — мужского.

Обожествление огня было характерно для всех народов мира. Всем известно значение огня для первобытных людей. Почитание огня сохранилось в рассказах об огненном змее, об огненной жар-птице, в обожествлении огня-молнии, в культе Перуна у наших предков. Огонь сопровождал бесчисленное множество всяких ритуалов. Это особенно показательно для Древней Индии, где огонь — Агни — стал одним из главных божеств.

В тех странах, где господствовало материалистическое миропонимание, как, например, в Древней Греции, названия воды, огня и т.п. оказываются неодушевленными (среднего рода); у тех же народов, где сильны были религиозные взгляды на мир, как в Индии или Древнем Риме, формы класса одушевленного обязательно берут верх, причем такие языки характеризуются противопоставлением женского рода мужскому.

Названия деревьев, особенно плодовых, в индоевропейских языках были женского рода (дерево рассматривалось как нечто рождающее, т.е. подчеркивалось его женское начало). Так, в латинском языке название грушевого дерева — женского рода, а плода груши — среднего рода. Аналогичный пример в русском языке: "яблоня" — "яблоко". Вообще, в русском языке, кроме слов "дерево" и "растение", нет других названий деревьев среднего рода (обобщающее родовое слово противопоставлено конкретным видам, которые одушевляются).

Как известно, в разных языках противопоставляются обозначения луны и солнца. В Древней Руси мужское начало солнца открывается нам в его имени — Дажьбог — сын Сварога (муж. р.). В одном из древних текстов написано: "Солнце сын Сварогов еже есть Дажьбог". Отмечают также, что в большинстве языков слово "земля" — женского рода, тогда как "небо" — обычно мужского. Небу приписывалось мужское начало, земле — женское, производящее, рождающее. Во множестве сказаний, песен, пословиц "мать сыра-земля" противопоставляется "небу-батюшке".

Любопытно, что в ряде языков, которые в глубокой древности были родственными, близкими, которые восходят к одному праязыку, названия ребенка служат существительное среднего рода (ср. нем. *kinder*, русское — дитя) причем резко расходящиеся между собой. Это свидетельствует об их позднем образовании в сравнении с такими словами, как отец, мать, сын и дочь.

Ясно, что в разных языках род соответствующих слов может быть различным, поэтому при переводе стихотворений нередко разрушается или видоизменяется образный строй (а следовательно, и содержание). Академик Л.В. Щерба о стихотворении М.Ю. Лермонтова "На севере диком стоит одиноко..." (перевод из Гейне, в немецком языке сосна — "Fichtenbaum" — муж. р.) писал, что для образа, созданного Лермонтовым, сосна... не совсем годится, между тем как для Гейне ботаническая порода дерева совершенно не важна, что доказывается тем, что другие русские переводчики перевели Fichtenbaum кедром (Тютчев, Фет, Майков) и даже дубом (Вейнберг). Зато совершенно очевидно уже из этих переводов, что мужской род не случаен. Лермонтов женским родом сосны отнял у образа всю его сильную любовь, устремленность и превратил мужскую любовь в прекраснотушныи мечты.

У Пушкина в переводе поэмы "Конрад Валенрод" (точнее, вступления) А. Мицкевича есть такие строки:

И всяк, преступивший через воды,
Лишен был жизни иль свободы,
Лишь хмель литовских берегов,
Немецкой тополью плененный,
Через реку, меж тростников,
Переправлялся дерзновенный,
Брегов противных достигал
И друга нежно обнимал.

Примечательна здесь старая грамматическая форма — женский род слова "тополь". У Пушкина мы встречаем обе формы этого слова (и мужской, и женский род). Подобные варианты есть и в современном языке (например "зал", "зала"). Устаревшие формы в изданиях произведений Пушкина иногда заменяются, но эту форму исправить нельзя. Дело в том, что у Пушкина в данном случае женский род слова "тополь" противопоставлен мужскому роду слова "хмель". Грамматические формы получают символический смысл.

Пушкин намеренно сохраняет образный строй стихов Мицкевича ("тополь" — в польском языке женского рода).

Н. Асеев, который также переводил поэму, не обратил внимания на родовую особенность слова "тополь" или не захотел с ней считаться. Он перевел:

Лишь ветка литовского дикого хмеля
К любимому тополю прусского края,
К заветной стремилась за Неманом цели.

Этот перевод, так сказать, буквальнее: у Мицкевича так и сказано — "ветка литовского хмеля", но образное представление оказалось разрушенным (женский род слова "ветка" не спасает положения). Так, одна грамматическая особенность оказывается весьма существенной и для перевода, и для понимания поэтического текста.

В поэтических произведениях категория рода изначально запрограммирована на выражение эмоционального отношения к миру и одушевление с этой целью неживой природы. Категория рода объясняется по-разному: символично-семантически, морфологически и синтаксически. В любом случае она способна влиять на восприятие человеком соответствующих слов и понятий. Сегодня переводчикам приходится сталкиваться с еще большими, новыми по характеру сложностями.

Традиционно понятия пола использовались для обозначения морфологических и физиологических различий, на основании которых человеческие существа (и многие живые организмы) определяются то как "одушевленные предметы или объекты" женского рода, а то как мужского.

Но, помимо биологических различий, сегодня между людьми существует также и разделение социальных ролей, форм деятельности, различия в поведении и психологических характеристиках. При этом нетрудно обнаружить некое качество, которое в одном случае считается мужским, а в другом определяется как женское.

Таким образом, возникла необходимость различать биологический пол, в английском обозначаемый словом *sex* (пол как совокупность анатомо-биологических особенностей) и социальный пол — *gender* (гендер как социокультурный конструкт). *Гендер*, таким образом, определяется как совокупность представлений о личностных и поведенческих особенностях мужчин и женщин. Эти особенности, взятые в отдельности определяют женственность (*фемининность*) и мужественность (*маскулинность*).

Взаимосвязь категории "*gender*" и "*sexus*" можно также представить простой формулой: гендер равняется "природный пол человека плюс его социальные последствия". Это означает, что само биологическое разделение новорожденных по полу не более значимо, чем цвет их волос. Однако в процессе их роста, социализации ребенок усваивает тот тип поведения, который характерен в данном обществе для представителей биологического пола, т.е. *гендер создается обществом*. Для описания процесса создания гендера ученые используют два термина: "институционализация пола" и "ритуализация пола"¹⁰.

---

¹⁰ См.: Бурукина О.А. Гендер как интрига познания. М., 2000; Табурова С.К. Гендерный фактор в эмоциональной сфере // Текст, восприятие, интерпретация. М., 2002. С. 78.

Институционализация пола — это процесс параллельной организации повседневной жизни представителей двух полов, который начинается с производства различных игрушек для девочек и мальчиков и заканчивается производством мужских и женских нарядов, косметики, журналов, телепередач, существованием мужских и женских профессий, мест проведения досуга. То есть жизнь представителей двух полов протекает как бы в "параллельных мирах", конструируемых самим обществом.

Ритуализация пола — это существующие в обществе ожидания относительно мужского и женского поведения, т.е. некие ритуалы, которым мужчины и женщины должны следовать в своем поведении. Понятно, что эти ожидания изменяются в географическом и историческом пространствах: они различны на разных этапах.

О.А. Бурукина призывает переводчиков учитывать гендерно-культурные особенности языка перевода и прибегать к гендерной лингвокультурной адаптации (слайду) — «лексико-грамматической трансформации, подразумевающей минимальное изменение словарного эквивалента в языке перевода в силу языковых, гендерных и культурных его особенностей. Иначе стремление перевести всю прелесть оригинала может привести к появлению в тексте перевода нелепых, порой даже неприличных сравнений, как, например: "Виконта поразило солнечное сияние ее волос, голубизна глаз, сравнимая лишь с нежнейшей голубиной яйц дрозда"»¹¹.

Гендерные ритуалы касаются внешности (одежда, прическа), стиля общения (выбор лексики, жестов, интонации, самого права говорить, положения говорящего в пространстве), профессиональной деятельности и других параметров.

Исследования эмоционального компонента речевого поведения мужчин и женщин также весьма наглядны. В значительной мере меняется стиль ведения беседы. Есть разница как в самом речевом поведении, так и в реакции на позицию собеседника. Несмотря на тот факт, что эмоции носят универсальный характер и свойственны людям в целом, их проявление и значение имеют свою культурную специфику, что находит свое отражение в языке и речи мужчин и женщин. Женщины и мужчины, принадлежащие к разным культурам, по-разному плачут и смеются, молчат или говорят, радуются или горюют ("Молчать, когда джигиты разговаривают...").

С.Г. Тер-Минасова отмечает, что в англоязычном мире улыбка — это не только биологическая реакция на положительные эмоции, но и формальный знак культуры, не имеющий ничего общего с искренним расположением к тому, кому ты улыбаешься; это традиция, обычай, знак

---

¹¹ Бурукина О.А. Гендер как интрига познания. С. 101.

того, что у вас нет агрессивных намерений, способ формальной демонстрации своей принадлежности к данной культуре, данному обществу. В России улыбка — это выражение естественного, искреннего расположения, симпатии, хорошего отношения. Заставить в тех же случаях улыбаться прибалта довольно трудно. Если у француза улыбка может не сходить с уст, эстонец будет оставаться с каменным лицом в той же ситуации. Если для Запада характерна улыбающаяся, приветливая женщина, то в России вне деловых отношений улыбающаяся, приветливая женщина может быть воспринята по-иному.

Это уже не говоря о том, что в России всем известно: "Смех без причины признак дурачины", а если вспомнить, как может себя повести "криминальный элемент" после слов "Чего лыбишься?", то и вовсе будет сохранять нейтральное выражение лица.

Чтобы понять особенности проявления эмоций в разных культурах, важно различать эмоции как относительно короткие эмоциональные состояния с частично неконтролируемыми компонентами и с частично контролируемыми экспрессивными компонентами. Различие в типах эмоций позволяет выявить два типа коммуникаций — *эмотивную* и *эмоциональную*. Эмотивная коммуникация — это сознательная демонстрация эмоций, которая используется в стратегических целях в самых разнообразных ситуациях общения. Основное ее предназначение — повлиять на восприятие собеседником речевой ситуации и на ее понимание.

Как эмоциональность, так и эмотивность используются в коммуникативных целях, но их направленность и предназначение различны. Эмоциональность как инстинктивное, бессознательное, незапланированное проявление эмоций, сфокусирована в большей степени на субъекте. Эмотивность как сознательная, запланированная демонстрация эмоций направлена на объект и представляет собой не естественное проявление эмоций, а своего рода коммуникативную стратегию, цель которой воздействие на объект, демонстрация лояльности к нему и предупреждение возможного конфликта.

Такая антиконфликтная стратегия характерна для ситуаций, в которых собеседников разделяет определенная дистанция. Можно предположить, что именно поэтому она характерна для культур, отличающихся максимальной социальной дистантностью.

Эмоциональность принято рассматривать как психобиологическое явление, связанное с потребностью людей приспособиться к внутренним психическим раздражителям, основной функцией которого является снятие эмоционального напряжения и поддержание психического равновесия. Эмоциональность (более яркая — женская эмоциональность) выполняет также и безусловно коммуникативную функцию, так как несет информацию об эмоциональном состоянии субъекта, о его от-

ношении к речевой ситуации, что во многих случаях является сигналом, подтверждающим правильность понимания полученной информации (я тебя понял, относясь к услышанному так же, как и ты, мы чувствуем одно и то же).

По проблемам вербальных ассоциаций на цвета существует большая литература. Зрительное восприятие осуществляется столь же в мозгу, сколь в органе зрения, поэтому перцепция часто суть интерпретация, а не только простая реакция на стимул. Интерпретация как мыслительная операция вызывает определенные ассоциации: с линиями, формами, цифрами, буквами, словами, вещами и т.д. Мир цвета у женщин разнится от мира цвета у мужчин. Вероятно, существуют различия в самом способе формирования цветового образа у мужчин и у женщин. Сопоставительный анализ ассоциативных полей цветов и цветонаименований показал, что в целом структура на цвета и наименования по половому признаку однотипна, но все же существуют и определенные статистически значимые различия на цвета у мужчин и женщин.

Е.И. Горошко, психолингвист, занимающийся цветовыми образами, отмечает: 1. Цвета у мужчин вызывают при назывании непременный ответ, женщины реагируют не сразу, процесс именования цветов у них затруднен. 2. Женщины отвечают при разговоре о цветах развернутыми ассоциациями, мужчины отвечают чаще односложно. 3. Анализ слов-реакций на цвета по частям речи выявил, что в женском ассоциативном поле существительные и наречия встречаются чаще, чем в ассоциативных полях цветонаименований, мужчины же относительно чаще реагируют существительными на цвета, а прилагательными — на цветонаименования. 4. При изучении структуры ассоциативных полей было установлено, что мужские реакции на цветонаименования разнообразнее реакций на цвета, у женщин такого не наблюдалось. 5. Если же рассматривать классификацию реакций, то именно названия цветов дали значительно больший процент реакций — устойчивых слов и выражений, как у мужчин, так и у женщин. 6. Вопреки прогнозу некоторых психолингвистов, что ассоциации, актуализируемые в ответ на цветовые стимулы, в большей мере связаны с непосредственными эмоциональными реакциями, а названия цветов с культурно и национально обусловленными значениями, слова (названия цветов) вызывали у мужчин и у женщин больше оценочных и эмоционально-оценочных реакций, связанных с воздействием цвета на человека. 7. Женские вербальные реакции (по количеству одинаковых слов и выражений) больше совпадали с невербальными, нежели мужские реакции¹².

---

¹² См.: *Горошко Е.И.* Изучение вербальных ассоциаций на цвета // *Языковое сознание и образ мира.* М., 2000. С. 291.

Л и т е р а т у р а

Бахтин М.М. Собр.соч. М., 1996. Т. 5.

Бурукина О.А. Гендер как интрига познания. М., 2000.

Введение в гендерные исследования. СПб., 2001.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

Что такое межкультурная коммуникация?

Как вы понимаете, что такое диалог культур?

Как *подходят* к диалогу М.М. Бахтин и Б.А. Успенский?

Как понимают межкультурную коммуникацию в лингводидактике, какие существуют уровни общения?

Приведите пример делового общения.

Что такое перевод-адаптация?

Зачем нужны контекстные догадки?

Чем объясняется появление "гендера"?

В "Словаре культуры XX века" В.П. Руднев пишет, что "текст есть одно из ключевых понятий гуманитарной культуры XX в., применяющееся в семиотике, структурной лингвистике, филологии, философии текста, структурной и генеративной поэтике"¹. *Текст* — это последовательность осмысленных высказываний, передающих информацию, объединенных одной темой.

Слово "текст" имеет сложную и разветвленную этимологию (лат. *textum* — ткань, одежда, связь, соединение, строение, слог, стиль; *textus* — сплетение, структура, связное изложение; ткань; *texto* — сплести, сочинять, переплести, сочетать).

В этимологию слова, таким образом, входит три семантических компонента, или маркера: то, что сотворено, создано человеком, неприродное; связность элементов внутри этого сделанного; искусность этого сделанного.

В соответствии с этими тремя значениями текста он изучается тремя дисциплинами: текстологией, герменевтикой и поэтикой.

Текстология выявляет из нескольких вариантов канонический текст, т.е. комментирует его содержание и производит атрибуцию, определяет его принадлежность определенной эпохе и определенному автору.

Герменевтика занимается толкованием текста. Например, без герменевтического комментария трудно понять такой текст, как "Улисс" Джойса или Библию. Герменевтика священных текстов называется *экзегетикой*.

Поэтика изучает искусность построения текста. Она исследует как устроен текст, его структуру и композицию. Здесь следует ввести разграничение между художественным и нехудожественным текстами. Нехудожественные тексты передают или, во всяком случае, претендуют на то, чтобы передавать информацию. Это может быть на самом деле ложная информация, специально вводящая в заблуждение. Но художественный текст не передает ни истинную, ни ложную информацию. Он оперирует вымышленными объектами, так как задача искусства — занимать, развлекать читателя. В роли беллетристики часто выступает газета, которая как будто пишет правду. Но правда — палка о двух концах. Есть правда прокурора, который доказывает виновность преступ-

---

¹ Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М., 1997. С. 305.

ника, а есть правда адвоката, который на том же процессе доказывает его невиновность.

Художественный текст часто нуждается в герменевтическом комментарии, причем каждая эпоха прочитывает художественные тексты по-своему.

Текст может быть понят предельно широко, как его понимает семиотика и философия текста. Улица города, дорожные знаки и светофор — все несет информацию и читается жителями города и проезжими. Можно сказать, что текстом оказывается все на свете, и тогда не остается места для реальности. В.П. Руднев полагает, что реальность — это текст, написанный Богом, а текст — это реальность, созданная человеком².

Французский философ Ж. Деррида утверждает: "Для меня текст безграничен. Это абсолютная тотальность"³. Мир им воспринимается как текст. Человек тоже как текст. Ролан Барт и режиссер П. Гринуэй говорят о "тексте-удовольствии", "тексте-наслаждении". Умберто Эко трактует текст как путь. Под текстом стали понимать сообщение, обладающее "культурным объемом" — многозначием смысловых и амбивалентностью содержательных прочтений, требующих серьезных герменевтических усилий, в отличие от плоской информации — газетной, рекламной, деловой.

Существенно размежевались считавшиеся еще недавно адекватными не только понятия "текст" и "информация", но также "информация" и "знание". Что такое информация сегодня (см. тему 1)? Это изложение, изъяснение, предполагающее процесс передачи или получения каких-либо сведений, процесс информирования (каналы связи, потоки, направления передачи, передающие среду, участников, их коммуникационные возможности в восприятии, интерпретации значений, которые воплощаются в смыслы как феномены культуры).

По модели, предложенной термодинамикой, информацию рассматривают как "убыль неопределенности, т.е. меру неопределенности" или "усовершенствование системы в результате передачи ей информации, ведущее к уменьшению энтропии", т.е. в приложении к человеку это безотчетное стремление к восстановлению некой неполной или распавшейся всеобщей связи с универсумом⁴.

---

² См.: Руднев В.П. Словарь культуры XX века. С. 308.

³ Цит. по: Вайнштейн О.Г. Деррида и Платон: деконструкция логоса: Интервью с Жаком Деррида // Мировое дерево. 1997. № 1.

⁴ См.: Эшби У.Р. Введение в кибернетику. М., 1959; Бриллюэн Л. Научная неопределенность информации. М., 1966.

Есть и другие определения информации, например: "Информация об объекте есть изменение параметра наблюдателя, вызванное взаимодействием наблюдателя с объектом"⁵. Наблюдателем в данном случае может быть непосредственный или опосредованный отправитель либо получатель информации. Так как передача информации осуществляется посредством сообщений (текстов), то используется знаковый репрезент в форме семиотического образа или эквивалента. Последний включается в сознание как часть ментального пространства и порождает социально воспринимаемый знаковый образ, порождение смысла. При этом смысл не исчерпывается значением, так как последний — лишь семантическая компонента смысла, наряду с которой смысл включает в себя также компоненту экзистенциального переживания и ценностной окрашенности.

Следовательно, как пишет исследователь информационных процессов Н.А. Збруева, изменение параметра наблюдателя связывается, с одной стороны, с взаимодействием с некоторым объектом, каковым является некий знаковый репрезентант-артефакт или дискретные артефактуальные структуры; с другой стороны, изменение параметра наблюдателя происходит в результате возникновения связей между семантическими знакообразами и порожденными ими смыслами в имманентной ему культурной системе. Единицы информации, порождающие смыслы, которые могут передаваться человеческим разумом, являются также единицами культуры, как и смысл. Если последний может рассматриваться как квантовая единица, то единица информации в культуре предполагает аналог волновой функции, так как позволяет перемещаться в пространственно-временных координатах, причем передача информации не сводится к простому вычитанию ее у отправителя, она присутствует на всем пространстве передачи к получателю, не обедняя отправителя⁶.

Передача информации в культуре по сути представляет собой множество сообщений, которые передаются преимущественно по звуковому или зрительному каналам либо их совокупности. Процесс коммуникации, протекающий в пределах реального времени, естественно отличается от коммуникаций, возникающих в дискретных по отдаленности временных отрезках. Так как в этом случае процесс декодирования может происходить в иной культурной системе, порожденной другими смыслами как результатом изменений семантических полей, ценностных доминант личного и социального порядков, а потому лежащим в плоскости герменевтики.

---

⁵ Шатовалов В.И. Энтропийный мир. Волгоград, 1995.

⁶ См.: Збруева Н.А. Информационное моделирование в поле культуры // Текст: Восприятие, информация, интерпретация. М., 2002. С. 157.

Восприятие и интерпретация текста, его, с одной стороны, системность, информативность, коммуникативность, с другой — гетерогенность, неоднозначность, герметичность заставили лингвистов, филологов, психологов создать парадоксальные бинарные модели: синхрония/диахрония в языкознании и сравнительном литературоведении; сознательное/бессознательное в психологии. Подобные культурные модели можно встретить в "точных" науках: волна/частица в космомикрофизике; фенотип/генотип в биологии. Алгоритм этих схожих по структуре моделей совпал с алгоритмом архаических антиномичных понятий: древнекитайское — инь + янь; древнеегипетское — сильный/слабый; древнегреческий фармакон — яд/лекарство. Это сопоставимо с фольклорными образами: чудище/принц; царевна/лягушка; умный/дурак.

Текст — это особый вид, мир социальной коммуникации. Коммуникативная функция подчиняет себе материал вещи. Опираясь с текстами по нормам коммуникации, присущим определенной культуре, субъект присваивает этот опыт, внедряет его в собственное сознание. Тексты нередко обретают форму идеологий, которые активно воздействуют на человека.

Особенности процессов коммуникации в реальном времени позволяют целенаправленно воздействовать на расширение области коммуникации, используя, в частности, многократные акты повторения коммуникации. В условиях глобальных информационных процессов этот прием используется для максимального усреднения интерпретации смыслов знаковых систем сообщений участниками трансляции информации. Это способствует, с одной стороны, расширению области общего восприятия, с другой стороны, в условиях агрессивности информационного пространства, в котором обитает индивид, приводит к обеднению экзистенциального переживания из-за неиспользования личностью потенциальных смысловых возможностей. Причиной последнего могут быть не только природные сниженные интеллектуальные возможности конкретного человека, сколько их искусственное ограничение за счет внедрения наведенного (полученного извне) стереотипа восприятия и осмысления.

Информационное манипулирование сознанием является наиболее динамичным и имеющим претензии на глобальный эффект интегральным антипозитивным способом взаимодействия культур. Расчет делается на интеллектуальную неразборчивость получателя информации, формирование нужной картины мира при этом интенсифицируется с помощью современных знаковых средств, будь то стилевые и лексические особенности молодежного сленга, разного рода перформансов, арт-салонов, демонстрация роскошных интерьеров, шокирующие рекламы, эпатазирующее поведение и т.п. Общественная апатия породила спрос на

динамичные по форме, возбуждающие (компенсирующие внутреннюю безысходность или бездеятельность) произведения литературы или искусства.

Французский философ Поль Рикёр определяет текст как "объединение или структурированные формы дискурса, зафиксированные материально и передаваемые посредством последовательных операций прочтения"⁷.

Мы принадлежим все без исключения к какой-то социальной прослойке, классу, категории, к определенной нации, культуре, придерживаемся традиций. Если мы принимаем за основу общение между людьми, наше участие в жизни некоего сообщества, то мы принимаем первую интегративную функцию идеологии, которую рассматриваем как систему образов, символов, интерпретаций этого сообщества. А согласившись с такой ролью идеологии в опосредовании бытия, мы тем самым приемлем и остальные ее функции, связанные с искажением и обманом (см. тему 5).

Традиционно в лингвистике под текстом понимают некоторую организацию знаков, которую можно изучать как самостоятельное явление культуры. Благодаря распространению идей семиотики любой феномен культуры — производство орудий труда (техно), музейные ценности, семейные отношения и многое другое — возможно рассматривать как знаковую систему, ибо все это разного вида тексты.

Наша задача — вычленить язык (лингвистику) из явлений духовной и материальной культуры, чтобы язык мог быть осознан, он должен быть представлен в отчужденной фиксированной оболочке. Такой оболочкой является письмо. В этой форме язык независим от говорящего и от конкретных ситуаций.

Только с началом функционирования в обществе целостных образований (текстов) в социуме происходит осознание текста как явления культуры, будь то гимны Вед, гомеровские поэмы, сакральные тексты, Библия или Коран, мифы и легенды.

Много экспериментальных текстов на тему анализа текста написал Ролан Барт. Вот как он определял текст:

это не эстетический продукт, это означающая практика;

это не структура, это структурация;

это не объект, это работа и деятельность;

это не совокупность обособленных знаков, наделенная тем или иным смыслом, подлежащим обнаружению, это диапазон существования смещающихся следов.

---

⁷ Рикёр П. Герменевтика и политика: Московские лекции и интервью. М., 1995. С. 3.

Инстанцией текста является не значение, но означающее в семиологическом и психоаналитическом употреблении этого термина.

Ролан Барт полагает возможным в произведении — *объекте* выделить некий особый исследовательский *предмет*, который он и называет текстом. Произведение и текст нуждаются в качественно различном подходе.

Если литературное произведение представляет собой архитектурное целое, единство которого определяется единством смысловой интенции, т.е. задачей суггестивного внушения потребителю определенного смысла, определенного представления о действительности, "образа мира". Произведение — это телеологическая конструкция, возникающая как некий завершенный продукт, который организован в целях воздействия на адресат; это сообщение, предназначенное для коммуникации.

Современное литературоведение знает несколько основных подходов к произведению: 1) с точки зрения его объяснения, предполагающего выявление каузально-генетических связей этого произведения с внешними ему социально-историческими и прочими "обстоятельствами"; 2) с точки зрения общей поэтики, занимающейся универсальной "грамматикой" ("морфологией") литературной формы; 3) с точки зрения функциональной (описательной, частной) поэтики, которая строит аналитическую модель конкретного произведения, выявляя внутренние взаимосвязи его элементов и правила их функционирования; 4) с точки зрения герменевтики, чьей задачей является "понимание" и "истолкование" смыслового содержания ("означаемого") этого произведения.

Бартовский взгляд на текст в конечном итоге сводится к одной из интерпретаций *интертекста* Юлии Кристевой⁸, которая в своих исследованиях опиралась на понимание диалога М.М. Бахтиным (см. тему 9).

Проблема интертекстуальности совсем не нова; она касается отношения произведения к другим — как предшествующим, так и современным ему — произведениям или даже дискурсам (художественным, публицистическим, философским, научным и т.п.). Читая того или иного автора, специалист без труда обнаруживает прямые или косвенные влияния, оказанные на него другими авторами и проявляющиеся в виде прямых или скрытых цитат, реминисценций.

Это проблема так называемых источников, и, решая ее, исследователи склоняются, как правило, к двум, хотя и противоположным, но взаимодополняющим ответам: составив "воображаемую библиотеку" прочитанных писателем книг, они либо растворяют его в предшествующем "культурном опыте", не располагая, однако, инструментом, способным определить его самобытность, либо пытаются невольно ее подчеркнуть.

---

⁸ См.: Кристева Ю. Исследования по семанализу. М., 1969.

Юлия Кристева пересмотрела теорию "источников" в трех пунктах.

1. Интертекст она понимает не как собрание "точечных" цитат (попурри; продукт клея и ножниц), но как пространство схождения всевозможных цитаций. Саму цитату следует рассматривать лишь как частный случай цитации, предметом которой являются не конкретные фразы, абзацы или пассажи, позаимствованные из чужих произведений, но всевозможные дискурсы, из которых собственно состоит культура и в атмосферу которых независимо от своей воли погружен автор. Любый пишущий, даже если ему не пришлось прочесть ни одной книги, все равно находится под влиянием окружающих дискурсов (социолоктных, бытовых, научных, пропагандистских) и в его сознании тоже возникает текст. По самой своей природе любой текст есть не что иное как интертекст, и этот факт способна учесть лишь концепция, рассматривающая литературное "слово" не как некую точку (устойчивый смысл), но как место пересечения текстовых плоскостей, как диалог различных видов письма — письма самого писателя, письма получателя (или персонажа) и, наконец, письма, образованного нынешним или предшествующим культурным контекстом.

2. Вот почему процедуру возникновения интертекста Кристева называет "чтением-письмом"; интертекст пишется в процессе считывания чужих дискурсов и потому всякое слово (текст) есть такое пересечение других слов (текстов), где можно по меньшей мере прочесть еще один текст (слово).

3. Кристева акцентирует динамический аспект своей концепции. Интертекстовая структура не наличествует, но вырабатывается по отношению к другой структуре. Встречаясь в интертексте, предшествующие тексты взаимодействуют друг с другом, причем возникновение новой структуры предполагает активное отношение притяжения-отталкивания ко всему предшествующему текстовому материалу (любая знаковая структура либо опирается на другую структуру, либо ей противостоит), его реструктурирующую трансформацию.

Бартовский текст — это переакцентированный интертекст Кристевой. Текст — это вся недифференцированная масса культурных смыслов, впитанная произведением, но еще не подчинившаяся его тематическому заданию. Чтобы как-то упорядочить текстовую множественность, сделать ее хоть в какой-то мере доступной для аналитической объективации, Барт и вводит понятие *кода*. Его код не имеет отношения к лингвосомиотическому употреблению этого термина (код/сообщение). Его "код" — это "пространство цитации", диапазон, в котором располагаются всевозможные культурные голоса.

Далее бартовские коды делятся на герменевтические и референциальные. Если первые, описывая строение и развертывание сюжета,

имеют непосредственное отношение к произведению как к завершенной конструкции, то референциальные (коннотативный, семный) отсылают нас к совокупности знания (исторического, философского, психологического, литературного и т.п.). Именно отсюда вырастает произведение, состоящее из множества стереотипов, усваиваемых обыденным сознанием.

Рассмотрим теперь, как видел текст Ю.М. Лотман, один из российских представителей неосемиотики — науки, изучающей многообразие знаковых систем, важнейшей из которых является вербальный язык. Во многом он подходит к тексту так же, как Р. Барт. Для него текст, если не чтение-письмо, то сообщение, построенное на основе кода. "Роль подобных кодов могут играть разного типа формальные структуры, которые тем успешнее выполняют функцию переорганизации смыслов, чем асемантичнее их собственная организация. Таковы пространственные объекты, типа узоров или архитектурных ансамблей, предназначенные для созерцания, или временные, типа музыки"⁹.

В словесных текстах Лотман различает два аспекта: 1) свойства текста, позволяющие его интерпретировать в качестве кода и 2) способ функционирования текста, при котором он соответственным образом употребляется. В первом случае текст не сообщение, а кодовая модель, во втором — самоосмысление порождающей тексты личности. Необходимо, полагает Ю.М. Лотман, создать типологию культур, чтобы вскрыть универсальные черты, присущие всем культурам, идентифицировать конкретные системы, открыть, например, язык средневековой или ренессансной культуры.

Культурой, по его мнению, управляют или система правил, или репертуар текстов. Будучи ориентированной на грамматику, культура зависит или от "справочника", или от "книги". Справочник — это код, который позволяет создавать новые сообщения и тексты; книга — это текст, построенный по правилам, пока еще неизвестным, но стоит их проанализировать и свести к форме справочника, они смогут предложить нам новые способы создания текстов.

У самого же текста, с точки зрения Лотмана, есть три функции. Одна из них — *творческая*. Всякая осуществляющая весь набор семиотических возможностей система не только передает готовые сообщения, но и служит генерации новых. Творческая функция — универсальное свойство языка, а поэтический язык наиболее представительен для демонстрации языка как такового (*tel quel*).

Текст *помогает самообучению*. Всякое новаторское художественное произведение является произведением на неизвестном аудитории языке,

---

⁹ См.: Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. С. 36.

который еще должен быть реконструирован и усвоен адресатами. Возможность такого самообучения адресата обуславливается, во-первых, тем, что в любом, даже предельно индивидуализированном языке не все индивидуально: неизбежно наличествуют уровни, общие для обоих участников коммуникации, служащие базой для реконструкции. Во-вторых, это "индивидуальное" и новое неизбежно течет в русле определенной традиции, память о которой актуализирована в тексте. Наконец, в-третьих, язык искусства неизбежно гетерогенен и, предельно удаляясь от полюса мета- и искусственных языков, он парадоксально обязательно включает элементы рефлексии над собой, т.е. метаязыковые структуры. Опыт европейского авангарда убедительно свидетельствует, что чем индивидуальнее художественный язык, тем больше места занимает авторская рефлексия, направленная на язык и включенная в его же структуру.

Третья функция текста — это *функция памяти*. Текст не только генератор новых смыслов, но и конденсатор культурной памяти. Текст обладает способностью сохранять память о своих предшественниках контекстах. Если бы текст оставался в сознании воспринимающего только самим собой, то прошлое представлялось бы нам мозаикой несвязных отрывков. Для воспринимающего текст — это всегда метонимия реконструируемого целостного значения, дискретный знак не дискретной сущности. Сумма контекстов, в которых данный текст приобретает осмысленность и которые определенным образом как бы игнорированы в нем, может быть названа памятью текста. Это создаваемое вокруг себя смысловое пространство вступает в определенные отношения с культурной памятью (традицией), отложившейся в сознании. В результате текст обретает новую семиотическую жизнь.

Казалось бы, текст, проходя сквозь века, должен стираться, терять содержащуюся в нем информацию. Однако в тех случаях, когда мы имеем дело с текстами, сохраняющими культурную активность, они обнаруживают способность накапливать информацию, т.е. иметь способность памяти. "Гамлет" Шекспира — это не только текст Шекспира, но и память обо всех интерпретациях этого произведения, память о тех событиях, которые находятся вне контекста истории, с которой был знаком Шекспир, но который может вызвать у нас соответствующие ассоциации. Мы можем не знать то, что знал Шекспир и его зрители, но мы не можем забыть то, что мы узнали после них. А это придает тексту новые смыслы.

Ю.М. Лотман изучал также текст в процессе движения: автор — аудитория, замысел — текст. Взаимоотношения текста и аудитории характеризуются взаимной активностью. Текст стремится уподобить себе аудиторию, навязать ей свою систему, аудитория отвечает ему тем же.

Текст отбирает себе аудиторию, создав ее по образу и подобию своему. Текст абсолютно понятный абсолютно бесполезен. Абсолютно понятный и понимающий собеседник был бы удобен, но не нужен, так как являлся бы механической копией моего "Я" и от общения с ним мои сведения не увеличились бы. Не случайно ситуация диалога не стирает, а закрепляет, делает значимой индивидуальную специфику участников.

Обратимся теперь к специальным лингвистическим и психолингвистическим характеристикам текста. И.Р. Гальперин, определяя особенности организации текста и его функциональную направленность, выявляет, что "текст — это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку"¹⁰.

Иными словами, текст — основная коммуникативная единица, поэтому нужно определить его типологию в различных сферах коммуникативного процесса, письменного или устного общения. Как "объективированное произведение языкового творческого процесса" текст должен подчиняться определенным правилам построения. Естественно предположить, что как часть этого произведения, так и все произведение в целом обладают рядом признаков-категорий, которые, будучи взаимообусловленными, и создают текст. И.Р. Гальперин различает семантические и структурные категории текста. К *семантическим категориям* он относит его информативность, подтекст, пресуппозицию, прагматику. Категории интеграции, сцепления, ретроспекции, проспекции, континуума соответствуют *структурным категориям* текста.

Гальперин различает несколько видов *текстовой информации*: содержательно-фактуальную информацию (СФИ), содержательно-концептуальную информацию (СКИ), содержательно-подтекстовую (СПИ). *Содержательно-фактуальная* информация содержит сведения о фактах, гипотезах, происходящих процессах и т.д. Она по своей природе эксплицитна, прямолинейна и определена во времени и пространстве. *Содержательно-концептуальная* информация представляет собой сложное понятие. Это индивидуально-авторское отношение к действительности, данное средствами содержательно-фактуальной информации. *Содержательно-подтекстовая* информация извлекается из содер-

---

¹⁰ Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. С. 3.

жательно-фактуальной благодаря способности единиц языка порождать ассоциативные и коннотативные значения.

Под ретроспекцией понимается не только введение новой информации, относящейся к прошлому, но и свойства текста, обращающие читателя к ранее сообщенной содержательно-фактуальной информации.

Анализ многочисленных определений текста позволяет увидеть, что ученые выделяют в тексте разные его сегменты, но текст при всем при том отличает его соединенность, целостность и сделанность. Все три характеристики относятся к человеческому измерению текста. В соединенности отражается свойство человека структурировать деятельность, в которой он присутствует целостно. У любого текста есть автор, который его делает или сделал.

Автор — человек, у которого, с точки зрения психологии восприятия, можно обнаружить соответствующие ментальные схемы и все свойства, присущие речи.

Вот три аспекта, наиболее важные для восприятия: автор, адресат и содержание текста. При этом — как в продуцировании текста, так и в его восприятии — исходным текстовым процессом является установление отношений между взаимодействующими субъектами речи. Автор текста и его адресат, конкретный или воображаемый, входят в диалогическое взаимодействие, где каждый из коммуникантов занимает свою позицию как средоточие установок, диспозиций, намерений и ожиданий в данном взаимодействии. Исходный способ взаимодействия — позиция общения — обусловлен культурой коммуникантов.

Понятие позиции общения в культуре опирается на глубинный смысл общения как реализации диалогичности личности, в которой как во внутренней детерминанте личности заложены исходные позиции в единстве "Я—Ты". Рассмотрение "Я—Другой" (Ты) как единого целого внутри одного человека в теории диалогического взаимодействия (М.М. Бахтин), в философии проблемы человека (М. Бубер), в семиотике культуры позволяет увидеть в этом единстве отправную точку общения, которое может пойти от Я или от Ты (Другого). Позиция общения относится к бытованию человека в культуре (знание—бытие) как знании того, что ожидают от человека, вступающего во взаимодействие, и как соответствие социальным ожиданиям.

Необходимо выяснить, какие роли играют в процессе общения (следовательно, понимания) передающий сообщение и его получатель. Процесс понимания характеризуется следующими факторами:

ментально-физиологической активностью реципиента;

степенью текстовой сложности;

креативностью, т.е. "пониманием по-своему", ибо часто смысл текста искажается (переструктурируется) в процессе его восприятия;

различной степенью и глубиной: понимание может быть полным и неполным, адекватным и неадекватным.

Пониманию способствует психологическая ситуация. Содержательная роль речи зависит от того, что, где и когда говорится. Если ситуация воспринимается в терминах конфликтующих речевых функций, коммуникация прекращается. Для более успешного понимания необходима одинаковая интерпретация высказывания (письменного текста) говорящим (пишущим) и слушающим (читающим).

Часто очень многозначность текста, особенно текста иной культуры, и неидентичность его интерпретации рассматривается как излишний "шум", возникающий в процессе общения. Как показывают исследования, понимание текста и его оценка обусловлены комплексом факторов социально-демографического, психологического и культурно-языкового характера.

К.А. Вознесенский, автор статьи "Текст как явление культуры", приводит факторы, влияющие на степень трансформации текста реципиентом: 1) соотношение систем понятий, которыми оперируют отправитель и получатель информации; 2) общие и специальные знания реципиента; 3) коммуникативная насыщенность текста; 4) эксплицитность языковой информации; 5) индивидуально-психологические свойства реципиента; 6) общие закономерности его психической деятельности¹¹. Особую роль играет заинтересованность обеих сторон в данном сообщении, их общий или частичный интерес и подход к изучаемой проблеме.

Понимание текста заключается не только в общении на языке. Здесь возможно общение на невербальном уровне. Мимика, жест, показ фотографии, рисунка или предмета. Незнакомую культуру (как и язык) следует рассматривать как самоорганизующуюся систему. Эта система обладает набором кодов (в данном случае в первичном смысле слова "код"), которые для иной культуры есть расшифровка "чуждых" (других) кодов и преобразования их в свои. Взаимопонимание в процессе общения двух или более локальных культур в принципе возможно. Мировая культура не знает абсолютно "неизбыточных" кодов, так как все коды входят в единую информационную систему, единое информационное поле. Поэтому процесс общения между культурами проходит лишь с различной степенью понимания.

В "холодных" культурах, к которым принадлежат все архаические культуры и пласты "неофициальной" карнавальной культуры внутри традиций Нового времени, установка делается на возможно более точную передачу во времени основного текста (основных текстов), в част-

---

¹¹ Вознесенский К.А. Текст как явление культуры // Текст: восприятие, информация, интерпретация. М, 2003. С. 104.

ности мифопоэтических и фольклорных. Напротив, в "горячих" культурах, к которым принадлежат все европейские и поздние неевропейские (после Возрождения), и в особенности начиная с XVII—XVIII вв., основная установка заключается не в сохранении уже существующего текста, а в создании нового. Новый текст должен быть принципиально отличен от всех ранее существовавших и нести максимальное количество информации в смысле статистики. В "горячих" культурах остается существенным некий набор канонических (классических) текстов, но воспроизведение этих текстов сопровождается многими пояснениями, и они подвергаются большей интерпретации, чем в "холодных" культурах.

Текст культуры представляет собой наиболее абстрактную модель действительности с позиции данной культуры. Говоря точнее, текст сигнализирует о некотором фрагменте этой модели, и мера лакунизации или нелакунизации текстов, возможность заполнения или компенсации лакун свидетельствует о степени устойчивости или неустойчивости модели к влияниям других культур. Заполнение лакун представляет собой процесс раскрытия смысла некоторого понятия (слова, принадлежащего незнакомой адресату культуры). Заполнение (и языковое, и относящееся к сфере культуры вообще) может быть различной глубины: поверхностное или глубокое, полное или неполное. Это зависит от характера и типа текста, в котором лакуна существует, а также от особенностей адресата.

Процесс компенсации лакун в тексте возможен при межкультурном общении. Для снятия национально-специфических барьеров в ситуации контакта двух культур, для обеспечения и облегчения понимания того или иного фрагмента чужой культуры в текст вводится специфический элемент культуры адресата. Конечно же, компенсация лакун влечет за собой утрату чисто национальной специфики исходной культуры (Quay d'Orsay можно перевести как — Кэ д'Орсэ для тех, кто знает, что это обиходное название Министерства иностранных дел, расположенного на набережной Кэ д'Орсэ в Париже, а можно и вероятно нужно перевести только Министерство иностранных дел).

Специфика репрезентационных лакун связана с нарушением коммуникативного равновесия на уровне способа означивания. При этом объект представлен и в той, и в другой культуре, однако неполное совпадение интерпретант культуры оригинала и культуры перевода сопровождается более или менее значительными расхождениями в языковых репрезентантах, используемых для обозначения объекта.

Компенсация имеет место чаще всего там, где сохранить лакуну невозможно, так как необходимо сделать текст максимально понятным, а

заполнить ее по каким-либо причинам невозможно. Как правило, такая компенсация происходит при переводческой работе.

Фоновые знания ("информационное поле сознания индивида" или "обобщенное знание реалий говорящим и слушающим, основа общения") не исчерпываются языковым сознанием, значением языков знаков (см. тему 8). Материальным субстратом идеального содержания, формой фиксации обобщенного отражения действительности может быть не только слово с его объективным значением, но и нормы поведения, акты целесообразной деятельности человека. Смысловой уровень сознания формируется в ходе овладения индивидом разными структурами деятельности. Языковое сознание есть форма структуризации и фиксации общественного опыта людей, их знаний о мире.

Фоновые знания проявляют свою реальность только в осмысленном высказывании, насквозь пронизывая его и придавая ему многомерность. Иначе говоря, фоновые знания — это результат присвоения человеком материальных и культурных ценностей.

Языковое содержание текста составляет лишь первый слой его "глубинной" смысловой культуры. Этот слой играет роль основы. Из него извлекается глобальное содержание текста. Однако он содержит, как правило, лишь меньшую, иногда менее важную часть совокупной информации. Всякое высказывание включается в единичный контекст, связанный с другими контекстами других высказываний в том же тексте.

Именно совокупность конкретно-контекстуальных смыслов высказываний является главным содержанием большинства актов речевого общения (устного или письменного). Содержание "микрконтекста" — сверхфразового единства или абзаца — не дано непосредственным коммуникантам. Для восприятия такой семантической глубины нужны эмоциональная восприимчивость и художественное чутье.

В истории человеческой культуры наверное нет другого такого текста, как Библия, о котором бы столько не полемизировали и ученые, и теологи, и верующие, и неверующие. Из текстов Ветхого завета это Бытие и Исход, книги пророков Исаии и Даниила, книги Иова, Екклесиаст. Проблемы онтологии, и космогонии, антропологии и гносеологии на фоне библейских сюжетов приобретают особый смысл и наглядность, порождают размышления, вызывают аналогии. Сакральные библейские тексты предоставляют возможность судить о содержании и нравственном смысле таких известных выражений, как "каинова печать", "вавилонское столпотворение", "Содом и Гоморра", "на горе Бог явится", "манна небесная" и др.

Если просвещенный человек находит скрытый смысл простых выражений и притч, обычному человеку помогают в Библии различные

предания, рассказы о жизни. Сопоставив эти истории с собственными переживаниями, он обязательно получит ценный нравственный урок. Библейские тексты дают богатейшую возможность для самопознания и рефлексии.

В библейских текстах ставятся не только мировоззренческие, но и этико-биологические проблемы. Много рекомендаций о здоровой пище, о продлении жизни и очищении организма. Одна из первых заповедей — об употреблении только растительной пищи. Чечевичная похлебка — известное библейское блюдо. За нее продал свое первородство Исаав. А Земля Обетованная стала символом плодородия и изобилия, "текущей медом и молоком".

"Манна небесная" — пища которую Бог дал людям, когда они шли по пустыне и голодали (Исход). Бог предупредил людей, чтобы они брали манны столько, сколько могут съесть за день, не больше. В противном случае еда становилась червивой. Однако люди плохо слушали Бога и жадничали, а потому и оставались без пищи. Таким образом, проблема пищи также использована в текстах Библии в нравственно-назидательных целях.

Трапеза в библейских текстах также играет далеко не последнюю роль. "Не изливай крови жертвы Моей на квасной хлеб" (т.е. не употребляй в пищу крови и не смешивай мясной пищи с хлебом из квашеного теста); "Не вари козленка в молоке матери его" (т.е. не смешивай мясной и молочной пищи). Все эти заповеди были даны Моисею на горе Синай с тем, чтобы он передал их людям.

Рекомендации по поводу трапезы носят не только ритуальный, но и медицинский характер. Более того, их сакральный смысл как раз и обусловлен заботой о здоровье человека. В этом отношении важны некоторые апокрифические тексты Нового завета ("Воздержание"). В них говорится, что Бог хранит от болезней тех, кто молится об этом. Но и подчеркивается, что молитва тех людей, кто не обращает внимания на законы природы, не будет услышана Богом. Библия предупреждает людей о том, что они должны быть внимательными к самим себе, не равнодушными как к чистоте тела, так и чистоте духа. Равнодушие есть нарушение библейских заповедей.

Не менее интересен Коран — основной текст мусульманской религии. Сопоставление Библии и Корана позволяет судить о сходстве различных культур (иудаизма, христианства и ислама) и их нравственных ценностей. На самом деле в этих культурах больше общего, чем различного. И это очень важно с точки зрения общекультурного и гуманистического миропонимания.

Феномен *гипертекста* можно обсуждать с нескольких точек зрения. С одной стороны, это способ представления, организации текста, а так-

же новый способ понимания текста, с другой — совершенно новый вид текста.

Понятие гипертекста как метода хранения разнородной информации впервые описано в 1945 г. советником по науке президента Рузвельта Ванневарем Бушем. Сам же термин "гипертекст" был введен впервые в употребление в 1965 г. программистом, математиком и философом Теодором Нельсоном, который понимал под гипертекстом ряд кусков текста, соединенных linkами (связями), предлагающими читателю различные пути (чтения). В качестве главной характерной черты гипертекста Нельсон выделял отсутствие непрерывности — неожиданное перемещение позиции пользователя (читателя) в тексте.

Однако идея гипертекста отнюдь не является принципиально новым изобретением компьютерной эпохи. Детективы, если их интерпретировать в этом ключе, представляют собой модель гипертекста, который может быть прочитан множеством разных способов.

Особую актуальность понятие гипертекста приобретает в рамках постмодернизма, так как постмодернизм как художественное и философское направление отличает то, что каждое высказывание в нем понимается как отсылка к иному, произнесенному ранее высказыванию. Постмодернистский текст как реализация гипертекста представляет собой художественное построение, которое зиждется на нелинейном и многократном прочтении.

Л и т е р а т у р а

Барт Р. Избранные работы. М., 1989.

Косиков Г.К. Идеология. Коннотация. Текст // *Барт Р.* S/Z. М., 2001.

Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Талинн, 1992.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

Какие подходы к тексту вы знаете ?

Как определяют текст в информатике?

Как обозначают текст в лингвистике?

Как мыслят о тексте в литературоведении?

Что нового привнесла герменевтика в работу с текстом?

Какие выдающиеся тексты вы знаете?

Что такое интертекст?

Что подразумевают под гипертекстом?

СОДЕРЖАНИЕ

"Школы всеединства" как развитие идеи межкультурной коммуникации	3
1. Язык, коммуникация, культура	10
Литература	31
Вопросы для повторения	31
2. Теория культуры и современная наука	32
Литература	41
Вопросы для повторения	41
3. Культурология как область гуманитарного знания. Лингвокульту- рология	42
Литература	59
Вопросы для повторения	59
4. Картина мира, созданная языком и культурой	60
Литература	73
Вопросы для повторения	74
5. Мир как коммуникативное пространство и национальная куль- тура	75
Литература	99
Вопросы для повторения	99
6. Этноязыковая самобытность против стандартизации и глобализма	100
Литература	126
Вопросы для повторения	126
7. Словарный состав как ключ к этносоциологии и психологии куль- туры	127
Литература	142
Вопросы для повторения	142
8. Когнитивная психология	143
Литература	158
Вопросы для повторения	158
9. Межкультурная коммуникация и перевод	159
Литература	175
Вопросы для повторения	175
10. Текст как явление культуры	176
Литература	191
Вопросы для повторения	191